

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В.Ломоносова»

Редакция электронного научного журнала
«Арктика и Север»

Архангельск

DOI 10.17238/issn2221-2698.2015.21

Арктика и Север /Arctic and North. 2015. № 21

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2015

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2015

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова». Главный редактор — Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Все номера журнала находятся в свободном доступе в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://narfu.ru/aan/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 08.00.00 Экономические науки. 23.00.00 Политология. 24.00.00 Культурология. Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи рецензируются. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных включая РИНЦ, DOAJ и других, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal «Arctic and North» is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate EI № FS77-42809, November 26, 2010; The system of the Russian Science Citation Index (RSCI), license contract № 96-04/2011R, April 12, 2011; The catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015). The Journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder — FSAEI HPE Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Editor-in-Chief — Yury Fedorovich Lukin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the higher education of the Russian Federation. All journal issues are available free of charge in Russian and English. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://narfu.ru/aan/rules/>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following groups of professional qualifications (according to the Russian Higher Attestation Committee): 08.00.00 Economic sciences; 23.00.00 Politology; 24.00.00 Culturology. No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including RSCI and DOAJ that assists and promote the publishing activity of the authors and is in author's interests.

Our English webpage is located at: <http://narfu.ru/en/research/journals/ann/>

We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

Содержание / Contents

Экономика северных социумов и политика / Economics and Political Science

- Журавель В.П.** Что привнесут в своё председательство в Арктическом совете Соединённые Штаты Америки 5
Valeriy P. Zhuravel. What the USA will bring to its chairmanship of the Arctic Council
- Котлова Е.С.** Лавирование среди айсбергов: модели этнической политики Норвегии 17
Ekaterina S. Kotlova. Maneuvering between icebergs: ethnic policy models in Norway
- Липина С.А., Зайков К.С.** Приоритетные направления и возможности сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона 33
Svetlana A. Lipina, Konstantin S. Zaykov. Priorities and opportunities of cooperation between Russia and the Asian-Pacific region
- Паникар М.М., Васева О.А.** Специфика миграционных процессов на севере Европы (на примере Королевства Дания) 42
Marina M. Panikar, Olga A. Vaseva. Specifics of the migratory processes in the north of Europe (case of the Kingdom of Denmark)
- Потоня А.И.** Последствия использования сжиженного природного газа для осуществления морских перевозок в Арктике 52
Aleksei I. Patonia. Implications of the use of liquefied natural gas for marine transportation in the Arctic
- Сушко О.П., Телегин Н.Б.** Новый экономический кризис: региональная проекция 72
Olga P. Sushko, Nikolay B. Telegin. A new economic crisis: a regional projection
- Хейнинен Ласси.** Арктика как пространство для междисциплинарности, устойчивого развития и мира 81
Lassi Heininen. The Arctic Region as a Space for Trans-disciplinary, Resilience and Peace
- Храмчихин А.А.** Значение Арктики для национальной безопасности России, Китай может стать арктической державой 88
Alexander A. Khramchikhin. The value of the Arctic for Russia's national security, China may become the Arctic power
- Шапаров А.Е.** Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы 98
Alexander E. Shaparov. Ethnic Policy of Russia in the Arctic: basic approaches and principles

Культура народов Арктики и Севера / Culturology

- Лукин Ю.Ф.** Этнокультурный ландшафт Российской Арктики: от концептуализации знаний к управлению конфликтами 118
Yury F. Lukin. Ethno-cultural landscape of the Russian Arctic: from the conceptualization of knowledge to the management of conflicts

Михайлова Г.В. Основы жизни ненцев арктического острова Колгуев Galina V. Mikhailova. The basics of life of Nenets people on the arctic island of Kolguev	144
Соколова Ф.Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике Flera H. Sokolova. Ethnic и demographic processes in the Russian Arctic	151
Трошина Т.И., Минчук О.В. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера в историко-правовом измерении (на примере «архангельских ненцев» Tatyana I. Troshina, Oleg V. Minchuk. Establishment of the state policy towards indigenous peoples of the North and its historical and legal dimensions (case of "Arkhangelsk Nenets")	165

Обзоры / Reviews

Лукин Ю.Ф. Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики Yury F. Lukin. Providing security and sustainable development of the Arctic Region, conservation of ecosystems and traditional lifestyles of indigenous peoples of the Arctic	190
Шепелев Е. А. Зелёная экономика: экологические императивы обеспечения экономического развития Арктической зоны РФ Evgeny A. Shepelev. Green economics: environmental imperatives of providing economic development of the Arctic zone of the RF	198

Резюме / Summary

Авторы, аннотации, ключевые слова / Authors, abstracts, keywords	201
Редакционный совет журнала «Арктика и Север» / Editorial Board of "Arctic and North" journal	210
Выходные данные / Output data	212

Экономика северных социумов и политика/ Economics and Political Science

УДК 341.1

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.5

Что привнесут в своё председательство в Арктическом совете Соединённые Штаты Америки

© **Журавель** Валерий Петрович, ведущий научный сотрудник Центра Северной Европы Института Европы РАН, эксперт Арктического центра стратегических исследований САФУ имени М.В. Ломоносова, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: zhvalery@mail.ru

Аннотация. Анализируются итоги деятельности Канады в период председательства в Арктическом совете (2013—2015), Икалуитская декларация 24 апреля 2015 года. США намерены использовать своё председительство в АС (2015—2017) в первую очередь для реше-

ния собственных внутренних арктических проблем. Программа председательства США в АС фокусируется на улучшение экономической ситуации и условий жизни в арктических общинах; обеспечение сохранности и безопасности в Северном Ледовитом океане и рациональное управление его ресурсами; решение проблемы последствий изменения климата. В решении этих вопросов Соединённые Штаты надеются на конструктивное сотрудничество с Россией.

Ключевые слова: Арктический совет, председительство, Канада, Икалуитская декларация, программа и политика США, санкции, позиция России

What the USA will bring to its chairmanship of the Arctic Council

© **Valeriy P. Zhuravel**, Senior research fellow at the Center of Northern Europe of the Institute of Europe RAN, Expert of the Arctic Centre for Strategic Studies NArFU, Candidate of pedagogical sciences, Associate professor. E-mail: zhvalery@mail.ru

Abstract. The results of Canada's chairmanship of the Arctic Council (2013-2015) and the Iqaluit declaration signed on the 24th of April 2015 are analyzed in the present article. The author is convinced that the United States intend to use their Arctic Council chairmanship (2015—2017) to solve the US internal problems related to the Arctic areas. The program for the US Chairmanship has three focus areas: improving the economic and living conditions of the Arctic communities; Arctic Ocean safety, security and stewardship and the impacts of the climate change. The United States hope for constructive cooperation with Russia aimed at solving these problems.

Keywords: *Arctic Council, chairmanship, Canada, Iqaluit declaration, program and policy of the US, sanctions, Russia's position*

Завершение председательства Канады в Арктическом совете

С 2013 по 2015 год в Арктическом совете (АС) председательствовала Канада¹. В этот период было немало сделано для расширения и активизации деятельности организации. Так, был образован постоянный секретариат Арктического совета, согласованы все вопросы, необходимые для обеспечения его работы (кадровые, финансовые, организационные). Произошло дальнейшее расширение диапазона деятельности АС на широкий круг практических дел, включая некоторые вопросы, связанные с добычей полезных ископаемых. Заключено второе в истории АС международное соглашение — по предотвращению разливов нефти и борьбе с возможными последствиями. Достигнута договорённость о создании новой площадки для переговоров — Арктическом экономическом совете. Принято решение об образовании коллективного фонда для совместного финансирования природоохранных проектов. Расширен состав стран-наблюдателей АС на основе предварительно разработанных критериев для приёма новых членов в АС в качестве постоянных наблюдателей. Подготовлен второй доклад по человеческому измерению арктической политики, который очень важен для выработки социально-экономической политики в Арктике и защиты интересов коренного населения. В целом взаимодействие арктических государств развивалось в этот период конструктивно.

Вместе с тем, в комментарии МИД России от 27 апреля 2015 года в связи с завершением председательства Канады в Арктическом совете отмечалось, что попытки канадского председательства вбрасывать в деятельность АС посторонние для арктического региона темы, политизировать дискуссию и ставить в зависимость от них принятие решений по тем или иным направлениям международного сотрудничества в Арктике не способствовало делу. В комментарии МИД России подчёркивалось, что особенно это проявилось в ходе подготовки и проведения встречи в Икалуите. Однако такая линия Канады не встретила поддержки ни со стороны самих приарктических государств, ни организаций коренных народов Крайнего Севера, единодушно отметивших недопустимость формирования конфронтационной повестки работы в этом арктическом формате.

¹ Председательство в Арктическом совете меняется каждые два года среди приарктических государств. Первой страной-председателем АС была Канада (1996—1998). Потом АС возглавляли США, Финляндия, Исландия, Россия, Норвегия, Дания и Швеция. Второй цикл председательства начался в 2013 году, когда Канада взяла на себя председательство до 2015 года. Затем её сменили в этой роли США.

Икалуитская декларация 2015 года

В 2015 году председательство в АС перешло от Канады к Соединенным Штатам Америки². На севере Канады в городе Икалуит 24 апреля 2015 года состоялась министерская встреча АС. Российскую делегацию возглавил министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации С.Е. Донской. В связи с продолжающимся охлаждением отношений между Россией и Западом из-за украинского кризиса министр иностранных дел России С.В. Лавров на эту встречу не поехал. Следует отметить, что все предыдущие встречи он посещал и принимал в их работе активное участие. На заседании министры подписали Икалуитскую декларацию 2015 года, которая подвела итоги председательства Канады в АС³.

В Икалуитской декларации подтверждается приверженность арктических государств сохранению мира, стабильности и сотрудничества в Арктике, намечены новые шаги по дальнейшему развитию международного взаимодействия. В этих целях принят ряд программных документов, включая межправительственный Рамочный план сотрудничества в сфере предупреждения загрязнения морских районов Арктики нефтью в результате нефтегазовой деятельности и судоходства. План содержит перечень мер по предупреждению загрязнения нефтью в результате нефтегазовой деятельности в Арктике, а также перечень мер по предупреждению загрязнения арктической морской среды нефтью в результате морского судоходства. Предусматривается обмен информацией между его участниками, в том числе в отношении процессов, правил, политики и практики, связанных с предупреждением загрязнения арктической морской среды нефтью. Участники намереваются проводить оценку воздействия, включая оценку рисков и воздействия на окружающую среду для нефтегазовой деятельности и судоходства, которые могут привести к загрязнению арктической морской среды нефтью. На встрече также был принят Рамочный документ АС о действиях по сокращению выбросов черной сажи и метана, Стратегический план для арктических морей на 2015—2025 гг.

На сессии в Икалуите не было принято решение о предоставлении статуса наблюдателя Европейскому союзу, несмотря на то, что осенью 2014 года Канада сняла свои возражения, которые были главным препятствием для принятия соответствующего решения два года назад. Разумеется, в условиях проведения ЕС политики санкций в отношении России, Москва

² Попытка спрогнозировать программу председательства США в Арктическом совете, исходя из оценки концептуальных основ американской арктической политики, а также анализа выступлений должностных лиц Госдепартамента США, Национальной комиссии по арктическим исследованиям, учёными, представителями бизнес сообщества в 2014 — начале 2015 гг., была предпринята ранее в статье В.П. Журавель, Н.М. Антюшиной [1]

³ Икалуитская декларация 2015 года. По случаю Девятой Министерской сессии Арктического совета. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/en/document-archive/category/604-declaration-sao-report?download=2746:icaluit-declaration-russian> (дата обращения: 10.09.2015).

не была настроена на то, чтобы распахнуть перед ним двери для участия в работе Арктического совета. Но и здесь было принято решение внешне элегантное — рассмотрение всех заявок, а не только заявки ЕС, на статус наблюдателей было отложено до следующей сессии совета, которая состоится через два года в США.

Начало председательство США в Арктическом совете (2015—2017)

По итогам министерской встречи председательство в АС перешло от Канады к США. США выдвинули лозунг своего председательства «Единая Арктика: общие вызовы, возможности и ответственность». Определены основные направления работы Арктического совета на период председательства Соединенных Штатов Америки (2015—2017) ⁴.

В настоящее время Государственный секретарь США Джон Керри является Председателем Арктического совета. Непосредственно в США проблемами Арктики занимаются: отставной адмирал Роберт Дж. Папп, мл. — специальный представитель США по вопросам Арктики (назначен в июне 2014 года, бывший руководитель Береговой охраны США, ранее такой должности в США не было), Фрэн Алмер — специальный советник государственного секретаря США по вопросам арктической науки и политики.

Рисунок 1. Team for US chairmanship 2015—2017 of the Arctic Council:
Джон Керри. Роберт Дж.Папп, мл. Фрэн Алмер

В управленческую команду США по Арктике входят также Посол Дэвид Болтон — председатель Комитета старших должностных лиц, Джулия Горли — старшее должностное лицо, представляющее США в Арктическом совете, и другие ⁵.

Программа председательства США в Арктическом совете включает три основных направления работы:

- а) улучшение экономической ситуации и условий жизни в арктических общинах;

⁴ Информация о председательстве США в АС размещена на специально созданном сайте: URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/#> (дата обращения: 02.09.2015)

⁵ Team for US chairmanship 2015—2017 of the Arctic Council. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/en/about-us/arctic-council/u-s-chairmanship> (дата обращения: 10.09.2015).

- b) обеспечение сохранности и безопасности в Северном Ледовитом океане и рациональное управление его ресурсами;
- c) решение проблемы последствий изменения климата ⁶.

США акцентировали внимание на работу целевых групп по вопросам арктического морского сотрудничества (TFAMC), телекоммуникационной инфраструктуры в Арктике (TFTIA) и по укреплению научного сотрудничества в арктическом регионе (SCTF). Как будет построена работа этих групп пока неизвестно, также и то, чему американцы будут отдавать предпочтения.

США недостаточно уделяли внимания Арктике

Анализ показывает, что Соединенные Штаты Америки осознали и публично признали, что в своей деятельности страна недостаточно уделяла внимания Арктике и сильно в этом плане отстала от России, Норвегии, Канады и даже некоторых стран-наблюдателей АС. То, что Барак Обама, как первый действующий Президент США побывал за Полярным кругом, встретился с жителями этой территории, является ярким тому подтверждением.

Особое место в американских дискуссиях занимает вопрос о развитии отечественного ледокольного флота. В настоящий момент у США из трёх ледоколов, способных действовать в арктических широтах, в эксплуатации находится два. Кроме того, по мнению экологов, существующие ледоколы не могут быстро и эффективно помочь в ликвидации возможных катастроф при добыче нефти в Северном Ледовитом океане. Президент США Б. Обама принял решение начать строительство ещё одного тяжелого ледокола общей стоимостью до 1 млрд. долларов и ввести его в строй на два года раньше. «Важно, чтобы мы были готовы — идет ли речь о причинах, связанных с национальной безопасностью, или коммерческих причинах, — к тому, чтобы у нас было намного больше возможностей, чем есть сейчас», — подчеркнул президент США 3 сентября 2015 года ⁷.

В тоже время в России шесть атомных ледоколов, из них четыре в эксплуатации — «Ямал», «50 лет Победы», «Таймыр», «Вайгач» и два находятся в резерве, проходят частичный плановый ремонт. На российских верфях в настоящее время активно строятся атомные ледоколы «Арктика», «Сибирь» и «Урал». По информации генерального директора ФГУП «Атомфлот» В.В. Рукши строительство одного нашего ледокола обходится в среднем в 40 млрд рублей.

⁶ URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/en/about-us/arctic-council/u-s-chairmanship> (дата обращения: 10.09.2015).

⁷ США построят новые ледоколы для усиления позиций в Арктике. URL: <http://www.arctic-info.ru/news/04-09-2015/ssa-postroit-novie-ledokoli-dla-ysilenia-pozicii-v-arktike> (дата обращения: 04.09.2015)

В США также отмечают, что Аляска нуждается в глубоководном порте на западе штата, реконструкции аэропорта г. Барроу на северном побережье, соответствующей инфраструктуре для реагирования на разливы нефти в Чукотском море и море Бофорта. Ряд экспертов обращают внимание на необходимость обновления карт этих районов для освоения новых маршрутов морских судов, а также возобновления разведывательных работ на арктическом шельфе.

Политики США уже много лет указывают на важность укрепления интереса граждан внутри страны к полярным делам, более широкое информирование рядовых американцев об «арктическом статусе» Америки. Речь в первую очередь идет о подписании Конвенции ООН по морскому праву (1982 года). Неучастие в ней вредит имиджу страны, создает нестыковку позиции США и стран-партнёров по АС и потенциальную возможность для изменения позиции государства по проблемам Арктики. Следует отметить, что эту конвенцию подписали более 140 стран мира. Кроме того, американское арктическое побережье — небольшое по протяжённости. Оно сформировано в основном северным штатом Аляска и значительно меньше, чем у ещё одного претендента на обладание правами на богатства Арктики — Канады. Поэтому позиции США в споре за Аляску с другими северными странами не такие прочные [2]. Однако, как показывает анализ, провести вопрос о признании Конвенции по морскому праву через Сенат сможет только такой американский президент, который будет располагать прочным большинством голосов в Конгрессе.

Как США намерены использовать своё председательство в АС

В условиях нерешённости многих вопросов, США намерены использовать своё председательство в первую очередь для решения собственных внутренних арктических проблем. Среди них поиск консенсуса между штатом Аляска и федеральным правительством. Арктика в последние годы была зоной интересов штата Аляска. Однако этот штат, имеющий только одно место в Палате представителей Конгресса США, оказывает слабое влияние на политику федеральных властей. К тому же более 80% земель Аляски находится в федеральном управлении, что приводит к конфликтам в отношениях между штатом и правительством страны (например, конфликт из-за возможности бурения нефтяных скважин в Национальном арктическом заповеднике «Arctic National Wildlife Refuge»). Президент США Б. Обама в 2015 году рекомендовал расширить Национальный арктический заповедник на 12 млн акров [3]. Таким образом, к числу территорий природного заповедника, признанных территориями дикой природы, не подлежащими разработке полезных ископаемых, были отнесены потенциально богатые нефтью участки вдоль побережья США в Северном Ледовитом океане. Это предложение вызвало возмущение у сенаторов от Аляски, поскольку, по их мнению, оно подрывает

перспективы экономического развития штата. Предложение Б. Обамы относительно расширения Национального арктического заповедника усугубило разрыв в представлениях жителей Аляски и федерального правительства о приоритетах политики в регионе. Комиссия от штата Аляска по арктической политике выразила озабоченность в связи с тем, что правительство США не уделяет достаточного внимания мнению представителей штата при определении приоритетов председательства в Арктическом совете. В частности, Комиссия сочла, что в программе председательства мало внимания уделено вопросам разработки полезных ископаемых и создания новых рабочих мест. Комиссия также подчеркнула, что не поддерживает отнесение дополнительных участков с потенциальными запасами полезных ископаемых в разряд территорий «дикой природы», так как считает, что жители Аляски должны иметь доступ к данным территориям. Таким образом, Комиссия предпочла бы, и большинство жителей Аляски, по убеждению её членов, согласились бы с ней, чтобы председательство в АС было направлено в большей степени на продвижение вопросов экономического развития, нежели вопросов изменения климата и защиты окружающей среды [3].

На наш взгляд, США будет активнее заниматься экономическими проблемами Арктики тогда, когда у её берегов возрастёт объём перевозок и постепенно будет снижаться себестоимость добычи нефти на шельфе или когда они почувствуют зависимость от импортируемой нефти, что может поставить под угрозу конкурентоспособность и влияние страны на глобальном уровне. В СМИ высказывается мнение, что на фоне международных проблем, с которыми США столкнулись в последние годы (конфликт в Сирии, ядерная программа Ирана, продвижение «Исламского государства», кризис на Украине), Арктика явно проигрывает из-за низкой конфликтности [3].

Как показывают первые месяцы председательства США, в своей деятельности они отдают приоритет вопросам климата. Об этом 1 сентября 2015 года заявил президент страны Б. Обама, выступая на международной конференции по взаимодействию в Арктике в Анкоридже (штат Аляска): «Я прибыл сюда сегодня, как лидер крупнейшей экономики мира и второй по масштабам страны-загрязнителя атмосферы, чтобы заявить, что Соединенные Штаты признают свою роль в создании этой проблемы и свою ответственность за её решение»⁸. Катастрофически изменяющийся климат приводит к стихийным бедствиям, в которых пропадают целые населённые пункты. Планируется уменьшить вредные выбросы в атмосферу на треть к 2030 году, невзирая на планируемый рост производства и потребления. «Со-

⁸ Обама призвал к немедленным действиям для обуздания климатических изменений. URL: <http://globalural.com/?p=68310> (дата обращения: 10.10.2015)

единённые Штаты, конечно, арктическая нация. В этом году мы председательствуем в Арктическом совете. Мы страстно желаем продолжать сотрудничество со всеми арктическими нациями. Сталкиваясь с проблемами, вы должны знать, что мы не можем их решать в одиночку, мы можем решать их только вместе», — заявил Барак Обама⁹.

Рисунок 2. Выступление Б. Обамы. URL: http://cdn.topwar.ru/uploads/posts/2015-09/1441159517_2015-09-01t012922z_01_was922_rtridsp_3_usa-obama-alaska.jpg

Президент США напомнил о необходимости подписания на конференции в Париже в декабре 2015 года «Соглашения по сокращению вредных выбросов в атмосферу», где каждая страна должна представить свой план действий по выходу из экологического кризиса, принять меры для сокращения отрицательного влияния человека в Арктике.

Прогнозная оценка сотрудничества США с Россией в Арктике

В решении этих и других вопросов Соединённые Штаты, несмотря на охлаждение отношений, надеются на конструктивное сотрудничество с Россией, в том числе в рамках Арктического совета. Специальный представитель США по вопросам Арктики адмирал Папп говорит об этом постоянно, просит Финляндию быть посредником в налаживании более тесных отношений с Россией.

⁹ Обама за Полярным кругом. URL: <http://topwar.ru/81617-obama-za-polyarnym-krugom.html> (дата обращения: 05.09.2015)

Соединённые Штаты понимают, что выполнить все заявленные задачи и провести встречи на высоком уровне они смогут, только опираясь на усилия всех участников Арктического совета, особенно России. Без тесного взаимодействия с Россией, например, будет трудно обеспечить эффективную реализацию соглашений о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011)¹⁰, о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнения моря нефтью в Арктике (2013)¹¹. Без участия России проведение крупномасштабных учений будет, по крайней мере, неполноценным. Более того, для продвижения таких сложных вопросов, как защита окружающей среды и изменение климата, Арктика должна оставаться стабильным и мирным регионом. Практика работы АС показывает, что для решения задачи по внедрению новых долгосрочных приоритетов необходим консенсус, которого сложно будет добиться в атмосфере недоверия и напряжённости.

В этих условиях, на наш взгляд, перед тем, как делать шаг навстречу Соединённым Штатам Америки, России необходимо учитывать и жёстко оценивать санкционные действия американской стороны в отношении нашей страны.

Соединённые Штаты 16 июля 2014 года ввели экономические санкции против России в связи с событиями в Украине. В санкционный список наряду с крупнейшими оборонными предприятиями России были включены энергетические компании «Роснефть» и «Новатек», а также Ассоциация поставщиков нефтегазовой промышленности «Созвездие»¹². Отвечающее за экспортный контроль Bureau of Industry and Security (Бюро промышленности и безопасности) United States Department of Commerce (Министерства торговли США) 6 августа 2014 года добавило в санкционные списки Объединённую судостроительную корпорацию и установило правила на экспорт, реэкспорт или передачу буровых установок, запасных частей, программного обеспечения, насосов, буровых труб и другого оборудования, предназначенного непосредственно или косвенно для разведки или добычи нефти и газа глубоководных (более 500 футов) участков, арктического шельфа, сланцевых проектов, имеющих потенциал для добычи¹³. 12 сентября 2014 года США ужесточили экспорт для российских газовых проектов. В разные санкционные экспортные списки США к тому времени были включены рос-

¹⁰ Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011). URL: http://library.arcticportal.org/1474/3/Arctic_SAR_Agreement_RUS_FINAL_for_signataure_21-Apr-2011.pdf (дата обращения: 04.11.2015)

¹¹ Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнения моря нефтью в Арктике (2013). URL: <http://docs.cntd.ru/document/499065181> (дата обращения: 04.11.2015)

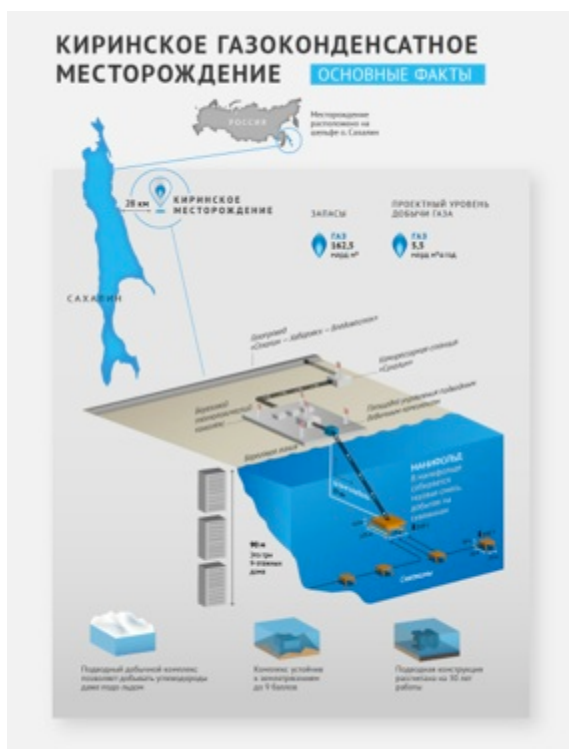
¹² Санкции против РФ 16 июля 2014. URL: <http://news-kapital.ru/sankcii-protiv-rf-16-iyulya-2014/> (дата обращения: 04.11.2015)

¹³ Russian Oil Industry Sanctions and Addition of Person to the Entity List. A Rule by the Industry and Security Bureau on 08/06/2014. URL: <https://www.federalregister.gov/articles/2014/08/06/2014-18579/russian-oil-industry-sanctions-and-addition-of-person-to-the-entity-list#h-18> (дата обращения: 04.11.2015)

сийские энергетические компании: «Роснефть», «Новатек», «Транснефть», «Газпром», «Газпром нефть», «Лукойл», «Сургутнефтегаз»¹⁴.

К американским санкциям сразу же присоединился Европейский союз, закрыв для российских организаций, входящих в санкционные списки, европейский рынок капитала и возможности получения более дешёвых, чем в самой России, кредитов. Европейские санкции были направлены также на прекращение «предоставления услуг, необходимых при глубоководной разведке и добыче нефти, работы в Арктике и на месторождениях сланцевой нефти, в том числе, услуги по бурению и испытанию скважин, а также по их геофизическому исследованию». В список оборудования, продажа которого требовала предварительного согласования, входило до 30 видов продукции для нефтяной и газовой промышленности [4].

В 2015 году разного рода санкции США были продлены, расширены и затронули не только большинство российских нефтяных компаний, но и также газовый сектор российской экономики, в том числе месторождения на континентальном шельфе России. 8 июля 2015 года американское Бюро промышленности и безопасности определило санкции в отношении некоторых энергетических проектов России¹⁵. В санкционные списки было добавлено Южно-

Кириинское поле нефти и газа на шельфе Охотского моря проекта «Сахалин-3». Под ударом санкций впервые оказался газовый сектор и «Газпром» как покупатель оборудования для освоения Южно-Кириинского месторождения. Точечные санкции против Южно-Кириинского месторождения поставили под удар и стратегическое сотрудничество «Газпрома» с англо-голландской нефтегазовой компанией Shell, которая в начале августа объявила, что обсуждает свое вхождение в «Сахалин-3» (четыре шельфовых блока в Охотском море — Кириинский, Вениинский, Айяшский и Восточно-Одоптинский).

¹⁴ Alert Memorandum. September 14, 2014. URL: <http://www.cgsh.com/files/Publication/e0ee14b2-8d80-44bf-8c99-424ee5cb8638/Presentation/PublicationAttachment/c1b18d10-5257-4099-bec4-43939412beb8/Ukraine-related%20Sanctions-%20Expanded%20U.S.%20Sanctions%20Against%20Russian%20Financial,%20Ener.pdf> (дата обращения: 04.11.2015)

¹⁵ Russian Sanctions: Addition to the Entity List To Prevent Violations of Russian Industry Sector Sanctions. A Rule by the Industry and Security Bureau on 08/07/2015. URL: <https://www.federalregister.gov/articles/2015/08/07/2015-19274/russian-sanctions-addition-to-the-entity-list-to-prevent-violations-of-russian-industry-sector> (дата обращения: 04.11.2015)

Санкционные ограничения в отношении Южно-Киринского месторождения делают проблематичным и реализацию масштабного проекта «Газпрома» по расширению на 5 млн тонн СПГ-завода проекта «Сахалин-2»¹⁶.

Санкции США и Европейского союза несомненно ограничивают временные сроки реализации стратегических проектов разведки и добычи углеводородов на арктическом шельфе России, создают угрозы и риски для российских компаний. В то же самое время для российской экономики открываются новые возможности для импортозамещения. Известный учёный, академик РАН Н.П. Лаверов вполне обоснованно считает, что «санкции на поставку оборудования и технологий для глубоководного бурения, введённые западными странами, не критичны для освоения российского шельфа Арктики» [5]. Всё Карское море, его шельфовая зона находится на глубинах, не превышающих 150—200 метров, поэтому нам нужно сначала освоить малые глубины. Когда мы дойдем до больших глубин, то у нас и техника к тому времени будет своя и последовательное развитие технологии. Н.П. Лаверов подчёркивает поэтому, что сейчас нет острой необходимости в глубоководном бурении. Разведанных запасов нефти и газа пока хватает, чтобы поступательно двигаться вперёд. «Я сторонник взвешенного подхода, и надеюсь, что мы не будем проявлять спешки в решении сложнейших проблем освоения Арктики», — заявил он [5].

Заключение

Несмотря на существующие разногласия важно добиваться, чтобы Арктика, в период председательства США в 2015—2017 гг. в Арктическом совете, оставалась регионом мира и стабильности, зоной, свободной от конфликтов на глобальном уровне.

Вместе с тем, необходимо чёткое понимание всей сложности современной ситуации, в том числе при анализе экономических и экологических проблем в арктическом регионе. Геополитическая обстановка складывается таким образом, что рассчитывать на отмену санкций США в обозримом будущем не приходится. Более того, российским властям стоит быть готовыми к расширению санкций, которые могут как усугубить положение дел в отечественной нефтегазовой отрасли, так и затронуть новые отрасли экономики России. Крайне важно воспользоваться этим кризисным моментом для создания собственных конкурентоспособных технологий, чтобы снизить зависимость от других стран в будущем при освоении ресурсов арктического региона.

¹⁶ Санкции США серьёзно ударили по Газпрому. 10.08.2015. URL: <http://minprom.ua/articles/190561.html> (дата обращения: 06.11.2015)

Необходимо также заметить, что появляются реальные возможности для тесного сотрудничества по вопросам изменения климата, в чём явно заинтересованы США, для развития зелёной экономики в Арктике.

Литература

1. Журавель В.П. Арктический совет: переход председательства от Канады к США/ В.П. Журавель, Н.М. Антюшина // Обозреватель (Observer). 2015. № 3. С. 47—55.
2. Минин Е.М. Современное состояние и перспективы развития арктического региона России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 23 (709). 2014. С. 103.
3. Клименко Е. Новый лидер в Арктическом совете: каков будет выбор США. 24.04.2015. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1535452/> (дата обращения: 04.11.2015).
4. Семушин Д. Донбасс — Арктика: почему Запад пытается выбить из-под ног России “арктическую платформу”? 1 октября 2014. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1852749.html> (дата обращения: 04.11.2015).
5. Санкции Запада на поставку техники для глубоководного бурения не критичны для освоения российского шельфа Арктики /академик Лаверов Н.П. URL: <http://www.oilru.com/news/430236/> (дата обращения: 10.09.2015).

References

1. Zhuravel V.P. Arkticheskij sovet: perehod predsedatelstva ot Kanady k SShA/ V.P. Zhuravel, N.M. Antyushina // Obozrevatel (Observer). 2015. № 3. S. 47—55.
2. Minin E.M. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya arkticheskogo regiona Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Vyp.23 (709). 2014. S. 103.
3. Klimenko E. Novyj lider v Arkticheskom sovete: kakov budet vybor SShA. 24.04.2015. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1535452/> (Accessed: 04.11.2015).
4. Cemushin D. Donbass — Arktika: pochemu Zapad pytaetsya vybit iz-pod nog Rossii “ark-ticheskuyu platformu”? 1 oktyabrya 2014. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1852749.html> (Accessed: 04.11.2015).
5. Sankcii Zapada na postavku tehniki dlya glubokovodnogo bureniya ne kritichny dlya osvoeniya rossijskogo shelfa Arktiki /akademik Laverov N.P. URL: <http://www.oilru.com/news/430236/> (Accessed: 10.09.2015).

Рецензент: Лукин Юрий Федорович,
доктор исторических наук, профессор

УДК 323.1

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.17

Лавирование среди айсбергов: модели этнической политики Норвегии¹

© **Котлова** Екатерина Сергеевна, магистр философии в области изучения коренных народов, художественный редактор журнала «Арктика и Север». E-mail: ekaterina.kotlova@yahoo.com

Аннотация. Долгие годы Норвегия считается одной из стран мира, удачно реализующих свою этнокультурную политику в отношении коренного населения и мигрантских групп. В этой связи норвежский опыт представляет интерес для России, ее северных и арктических регионов. Настоящая статья посвящена современному состоянию модели этнокультурной политики Норвегии на

севере, которая, по мнению автора, основана на концепции мультикультурализма, видоизменённой под влиянием интенсификации современных миграционных процессов и возможности радикализации отдельных социальных групп и идеологий и трансформируется в модель культурного многообразия.

Ключевые слова: модели этнической политики, мультикультурализм, культурное многообразие, коренные народы, мигранты

Maneuvering between icebergs: ethnic policy models in Norway

© **Ekaterina S. Kotlova.** Master in Philosophy in Indigenous studies, Art editor “Arctic and North” journal. E-mail: ekaterina.kotlova@yahoo.com

Abstract. Norway is considered one of the countries with a successful ethnic policy towards both indigenous people and migrant groups. The article is devoted to the analysis of the modern ethnic policy model in Norway. Norwegian experience in moderating ethnic interaction seems to be interesting for Russia and its northern and Arctic areas. The author is convinced that modern Norwegian ethnic policy grounded on multiculturalism is in transition towards so-called “diversity model”. Such a transition is caused by the intensification of migration and a threat of radicalization of particular social groups and ideologies.

Acknowledgements: Hjertelig takk til Signe og Bjørn for herlig selskapet og den fantastiske og inspirerende utsikten fra stuen.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, в рамках проекта «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этно-национальной политики в условиях стабильного развития регионов», №15-18-00104

Keywords: *ethnic policy models, multiculturalism, cultural diversity, indigenous people, migrants*

Введение

До середины XX века никто и подумать не мог, ни в самой Норвегии, ни за рубежом, что вопросы национальной политики страны станут настолько актуальны. Изменения в норвежской экономике после войны привели к тому, что государство получило достаточно финансовых возможностей, чтобы претворить в жизнь мечты своих граждан о стабильности и процветании. Так появилось государство всеобщего благосостояния, а норвежская социальная система стала привлекательной для мигрантов со всего мира. Конец 1970-х годов принёс изменения с норвежскую политику, прежде всего, в отношении коренного населения — саамов, чья культура, традиции и идентичность в течение столетий, в лучшем случае, игнорировалась, а в худшем — притеснялась. Сегодня норвежские саамы при поддержке государства успешно работают над сохранением и развитием своей культуры, а также совместно решают целый блок вопросов политического представительства и прав саамов в Норвегии. С 1989 года функционирует Саамский Парламент.

Опыт Норвегии в разрешении культурных и этнических противоречий и модерации этнического взаимодействия может быть в определенной степени полезен для России, которая также сталкивается с проблемами в отношении коренных народов и мигрантов из азиатских государств, в том числе на севере страны. Этнические аспекты внутренней политики России намного сложнее, в виду того, что наша страна более многообразна в культурном и этническом плане. Однако ситуация в северных регионах имеет множество схожих черт, особенно когда дело касается коренных народов Севера (КНС), сохранения и развития их культуры. В отношении мигрантов, Норвегией накоплено несколько десятилетий опыта по созданию системы интеграции людей с различным культурным и конфессиональным опытом, что также является интересным для России при условии развития северных территорий.

В статье рассматриваются модели этнической политики Норвегии в отношении коренного населения, а также мигрантских групп. В этой связи наиболее важным представляется проанализировать не только сами этнополитические модели на примере северных регионов, обстоятельства, повлёкшие за собой изменения государственной политики, но и их эффективность. Норвегия, страна с относительно гомогенным населением, но все более возрастающей миграцией, на сегодняшний день оказалась, как, впрочем, и другие страны Европы, в сложной ситуации с сирийскими беженцами, сопоставимой по масштабу с событиями середины 1990-х годов, когда Норвегия приняла более 11 тысяч боснийцев.

Кроме того, возникают опасения, что появление многотысячной группы сирийцев может вызвать негативную реакцию в толерантном норвежском обществе. Опасения связаны, прежде всего, с террористической атакой 22 июля 2011 года и последующими заявлениями её виновника, А. Брейвика о том, что своими действиями он хотел привлечь внимание к проблеме исламизации Европы и выступить против мультикультурализма [1]. Таким образом, в 2011 году стало понятно, что мультикультурализм не так успешен, как казалось, а в норвежском обществе присутствуют антимигрантские, антиисламские настроения. Последующие четыре года дебатов и обсуждений привели к трансформации системы и позволили перейти к так называемой модели «культурного многообразия», эффективность которой будет проверена современной ситуацией, в том числе с сирийскими беженцами.

Модели этнической политики на Севере Норвегии: историческая перспектива

Этническая политика Норвегии на Севере имеет достаточно длительную традицию изучения. Современные теории и методологические подходы к изучению государственной национальной политики на Севере во многом связаны с процессами деколонизации и ревитализации саамов, начавшимся несколько десятилетий назад, а также интенсивной миграцией и печальными событиями 2011 года в г. Осло. За последние десятилетия вышло огромное количество научных работ, посвящённых культуре, политическому представительству и гарантий прав коренных народов, образованию, медицине, проблемам гендерного равенства и дискриминации. На севере Норвегии исследования ведутся сотрудниками Арктического университета Норвегии в г. Тромсё, при котором существует Саамский центр, а также представителями Саамского Колледжа в г. Каутокейно. Классическими в области теории и методологии изучения коренных народов стали работы: норвежского антрополога Ф. Барта [2], исследовательницы из Новой Зеландии Л. Т. Смит, разрабатывающей деколонизационную методологию исследования культур коренных народов [3], политического философа из Канады У. Кумлики по либеральной теории мультикультурализма [4], а также работы Б. Андерсена в области изучения национализма [5].

Тема мигрантов постоянно будируется на страницах научных изданий и в прессе, в том числе продолжают научные дебаты вокруг концепций толерантности, равенства и солидарности, которые являются первостепенными для норвежского общества. С точки зрения этнической политики интересны работы Института миграционной политики и специалистов Университета г. Осло, подготовленные специально для Норвежского директората по миграции (UDI) с целью анализа эффективности этнической политики Норвегии, вероятных проблем, направлений развития и совершенствования [6, 7, 8].

В историко-политическом контексте этническую политику Норвегии целесообразно рассмотреть в рамках четырёх основных моделей, разработанных норвежским исследователем Эйнарсом Ниemi непосредственно для истории этнических групп в Северной Норвегии [9]: *аккультурация, сегрегация, ассимиляция и мультикультурализм*, чьё успешное существование на сегодняшний день ставится под сомнение [10].

Аккультурация, как одна из моделей национальной политики, подразумевает наличие контактов между различными этническими группами, сопровождающихся диффузией элементов культуры: каждая из участвующих во взаимодействии групп перенимает элементы культуры другой группы и наоборот. Аккультурация сближает, обогащает, изменяет культуры, создает общие структурные элементы, отражённые в языке, религии, обрядах и пр. Проявления аккультурации заметны как в социокультурном, так и в психологическом плане, помимо изменений самой культуры происходит психологическая адаптация к существованию в тесном взаимодействии с другой культурой. Особенно ярко аккультурация заметна в пограничных областях. Её отголоски можно найти, например, в существовании языка «руссенорск», применяемого для общения русских и норвежских торговцев в XVII—XX веках.

Изучение аккультурации начинается в недрах американской культурной антропологии XX века, с работ Р. Редфилда, Р. Линтона, М. Херскович и др. С позиции политической науки данный процесс начал рассматриваться позднее. В таком контексте она означает, прежде всего, сохранение культуры при одновременном включении этой культуры в другую. Так происходило с норвежскими саамами, когда на их земле стали появляться норвежцы, начиная с XIV века. Письменные источники свидетельствуют о том, что в XII—XIII веках интересы скандинавских государств в саамских землях сводились к сбору налогов [11]. Примерно с этого периода начинаются первые попытки христианизации саамов [12]. Контакты культур приводят к тому, что начинают усваиваться отдельные её элементы. Так, например, под влиянием соседних культур саамы становятся христианами. Однако положение саамов было несколько сложным в виду того, что они проживали на территории четырёх государств (Норвегии, Швеции, Финляндии и России) и не признавали государственных границ. Как следствие, саамы были нередко вовлечены в международные конфликты. Данное обстоятельство привело к тому, что в 1751 году был разработан и утвержден Саамский кодекс для норвежских и шведских саамов. Документ был дополнением к договору о границе, подписанным датским и шведским королевствами. Он не только ввёл правила, ограничивающие выпас оленей на территории других государств, но и закрепил за коренным населением приграничных территорий ряд традиционных прав.

Норвежские письменные источники XV века содержат упоминание о финском населении — квенах. По разным подсчётам численность квенов в современной Норвегии достигает 25 тыс. человек [13, 254]. В отношении квенов отдельной этнической политики долгое время не существовало. Они подпадали под действие общего законодательства, как и другие этнические группы, проживающие на территории Норвегии в этот период.

Аккультурация, как политическая модель, существовала в Норвегии примерно до конца XVIII века и затрагивала преимущественно сферу культуры, существующую в условиях властных отношений, основанных на экономической целесообразности, не имеющей этнической подоплёки.

Ассимиляция стала следующей моделью этнической политики по отношению к саамам, при которой одна культура полностью вытесняется другой, зачастую насильственно. В XIX веке Норвегия переживает процесс создания национального государства после принятия Эйдсволльской конституции 1814 года. Унификационные тенденции набирают силу в политической жизни страны, а ассимиляционная политика усиливается. Основным проводником ассимиляции стала система образования. Её целью было вытеснение других языков и культур, их полная «норвегизация». Изменения, прежде всего, затронули саамское население. Школьное образование стало для всех обязательным. Дети саамов, ведущих кочевой образ жизни, вынуждены были покидать свои семьи и оставаться в специальных школах-интернатах. Часто всё это происходило насильственно и становилось настоящей трагедией для саамских семей. Кроме того, с 1880-х годов действовали законы ограничивающие, а потом и вовсе запрещающие использование саамского языка.

Ассимиляционная модель выстраивалась исходя из наиболее быстрых, масштабных и поэтому эффективных методов, основанных на принуждении и максимальном использовании ресурсов государства. Такая модель не была уникальной для Норвегии, через аналогичные процессы проходили практически все государства, выстраивавшие свою национальную идентичность, почти всегда на основе культуры большинства населения. На примере Северной Норвегии, использование ассимиляционной модели привело к тому, что к середине XX века значительная часть саамской культуры оказалась утраченной, а традиционный образ жизни стал ассоциироваться с отсталостью, считаться чем-то отжившим, совершенно несовременным и практически не нужным для самих саамов, многие из которых предпочли ассоциировать себя с норвежской культурой. Традиции, язык, образ жизни, идентичность — всё это отрицалось самими носителями, ассоциировалось с «нецивилизованностью», дикостью и варварством. С точки зрения норвежского государства, ассимиляция была явлени-

ем позитивным в то время, воспринималась как «привнесение цивилизации» в отсталые общества. Ассимиляция способствовала росту национального самосознания на основе норвежской культуры, которую после долгих лет жизни в униях с Данией и Швецией пришлось «изобретать заново», собирая по крупицам в течение десятилетий XIX века.

Сегрегационная модель зачастую совмещалась с ассимиляционной моделью, которая использовалась норвежским государством в отношении квенов, когда государство устанавливало законодательные рамки для отделения данной этнической группы от остальных. Таким рамками выступали ограничения в области занятости, а также в выборе места жительства и покупке земли. Ассимиляция квенов была вызвана теми же причинами, что и ассимиляция саамов. Сегрегационные элементы были во многом обоснованы тем, что квены проживали в приграничных областях. В этом факте норвежские власти часто видели угрозу национальной безопасности, особенно в первой половине XX века. Сегрегационная модель в Норвегии действовала и в отношении евреев, особенно жёстко — в период нацистской оккупации страны. Жёсткой и ассимиляционной была политика норвежского государства и по отношению к цыганам, которым в 1890 году запретили пребывать на территории страны и получать паспорта, то есть проживать легально.

Политическая модель ассимиляции просуществовала более столетия и привела с одной стороны, к росту национального самосознания, основанного на символах норвежской культуры, а с другой, к исчезновению элементов культуры других этнических групп на территории Норвегии, прежде всего, саамов. Ассимиляция, как модель этнической политики, отвечала задачам строительства национального государства и была одним из элементов создания общенациональной культуры и идентичности. Кроме того, политические причины и экстренные военные обстоятельства объясняют сегрегацию еврейского населения в 1940-х годах. В отношении отдельных этнических групп государство применяло смешанную модель, которая сочетала ассимиляцию и элементы сегрегации.

Середина XX века, окончание Второй мировой войны, Нюрнбергский процесс, осуждение расизма, антисемитизма и иных форм дискриминации, дискуссии о правах человека и европейский либерализм привели к тому, что постепенно ассимиляционная политика в Норвегии сходит на нет. Медленно начинается процесс возрождения саамской культуры. В середине XX века саамы возвращают себе свой язык, а за ним и практически утраченные традиции и культуру, которую часто приходилось «изобретать заново», на основе того, что от неё осталось. Саамы стали особым объектом внутренней политики Норвегии, постепенно усиливая свои позиции. Во многом этому способствовало сотрудничество между саамскими

сообществами в странах Северной Европы, начавшееся в этот период. Появляются первые международные саамские организации, а в 1975 — Всемирный совет коренных народов (WCIP), где норвежские саамы — активные участники. Связывая свои проблемы с общей дискуссией о правах человека, заявляя об этом на международном уровне, норвежским саамам удастся добиться от своего правительства более мягкой политики. Ситуация меняется ещё больше в 1979 году, после протестов против строительства гидроэлектростанции на р. Альта (Alta) саамы получают Саамский парламент, несколько комитетов в национальном парламенте занимаются вопросами саамской культуры, а саамский язык получил равные права с норвежским.

Примерно в это же время в Норвегии начинается эпоха *мультикультурализма*, политической модели, основанной на признании равенства культур и ставящей своей целью создание благоприятных условий для их равного существования и развития. Модель мультикультурализма появляется как результат переосмысления широкого круга вопросов о правах человека, равенства, а её существование обусловлено торжеством европейского либерализма. Практическая реализация мультикультурализма в Норвегии стала решением, с одной стороны, проблем с коренным населением страны, которые требовали сатисфакции за годы ассимиляции, а с другой — быстро растущими темпами миграции в страну, начиная с 1980-х годов. К этому времени государство уже смогло финансировать создание и функционирование соответствующих социальных институтов, а также способствовало развитию общественных организаций мигрантов и их представительству в политической жизни страны.

Потенциальная конфликтность и трансформация этнической политики

Став благополучной в социальном отношении страной, Норвегия оказалась привлекательной для огромного количества мигрантов из разных стран мира, о чём свидетельствует статистика (рис. 1). Уже само наличие большого разнообразия этнических групп и религий объективно подразумевает потенциальную конфликтность. Несмотря на то, что толерантность, равенство и солидарность до сих пор являются основами норвежского общества, не всё выглядит так безоблачно. На отношение к мигрантам во многом влияют стереотипы, политические образы тех или иных государств, с которыми ассоциируется конкретная этническая группа, а иногда и исторические и культурные аспекты взаимодействия этнических групп, как например, в случае с мигрантами из Ближнего Востока и из Израиля. Проблемы могут возникать не только в отношениях между мигрантской группой и норвежцами, коренным населением и норвежцами или же мигрантами, но и в отношениях между отдельными мигрантскими группами.

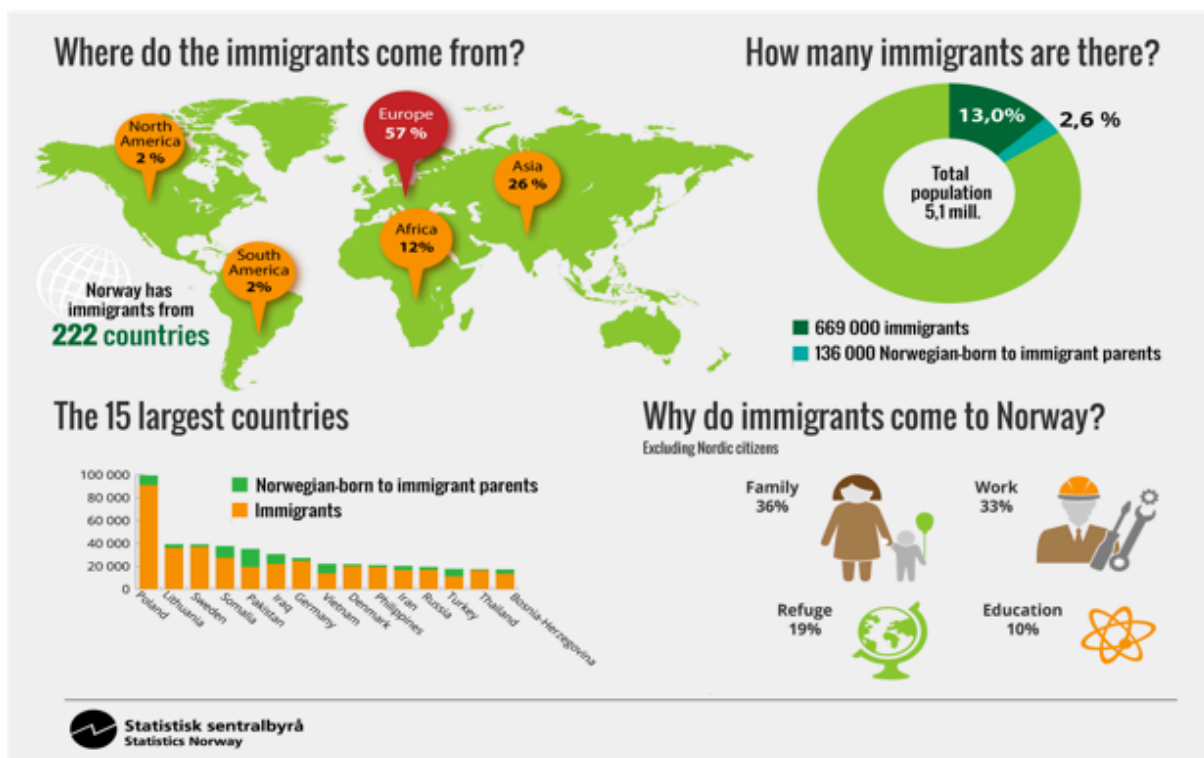

Рисунок 1. Мигранты в Норвегии (на 01.01.2015 г.)/ Statistic Norway.
URL: <http://www.ssb.no/innvandring-og-innvandrere/nokkeltall>

За последнее десятилетие общее количество мигрантов в Норвегии увеличилось в 3 раза и составляет более 800 000 человек (рис. 1). Если учесть, что население страны — чуть больше 5 млн человек, то доля мигрантов, равная 15,6%, выглядит значительной по отношению к общему числу жителей.

Норвежское Статистическое бюро прогнозирует дальнейшее увеличение количества мигрантов, особенно в столице Норвегии — городе Осло². Самые многочисленные группы мигрантов в Норвегии — шведы, латыши и поляки, однако сам термин «мигрант» с ними ассоциируется редко, обычно этот термин обозначает «не европейцев», чаще — мусульман [14, 4].

Решив свои экономические проблемы, а также пополнив все сектора экономики квалифицированной рабочей силой, а университеты прилежными студентами со всего мира, государство само создало себе дополнительные трудности. В страну с практически гомогенным населением прибыло огромное количество мигрантов с совершенно различным культурным багажом, часто без знания не только норвежского, но и английского языков, без образования (таб. 1), знания местных традиций и культуры, но желающее получать все бенефиции государства всеобщего благосостояния за счёт добросовестных налогоплательщиков.

² Statistic Norway. URL: <http://www.ssb.no/innvandring-og-innvandrere/nokkeltall> (дата обращения: 01.10.2015)

Таблица 1

**Количество иммигрантов (старше 16 лет) и уровень их образования
(на 01.01.2015 г.)**

	2010	2011	2012	2013	2014
С образованием	475 036	520 162	565 326	605 254	644 923
Без образования	8 164	8 601	9 293	9 353	12 216
Начальная школа	123 242	131 769	140 759	148 869	189 571
Средняя школа	118 880	130 005	140 198	142 284	203 277
Университет или колледж, краткосрочное образование	84 762	94 822	104 742	106 796	143 196
Университет или колледж, долгосрочное образование	45 667	52 892	60 607	63 207	95 427
Неизвестно	94 321	102 073	109 727	134 745	1 236

Источник: Statistic Norway. URL: <https://www.ssb.no/statistikkbanken/SelectVarVal/saveselections.asp>

Современная норвежская политика строится на лавировании между равенством и различиями, единством и многообразием, попыткой интегрировать «старых» граждан и «новых» с иностранным происхождением. Мультикультурализм подразумевает, что существуют отдельные этнические сообщества, политика, в отношении которых, должна учитывать их культурные и конфессиональные особенности. Среди всех этнических групп Норвегии, помимо самих норвежцев, наибольшее представительство во всех сферах жизни имеют коренные жители: равенство языков, политика самоопределения в области культуры, коллективные и индивидуальные права на земли, Саамский парламент, поддержка и развитие традиционного стиля жизни, обучение и исследования на саамском языке, саамские организации. Норвежские саамы стали лидерами мирового движения за права коренных народов, а их организации активно участвуют в региональной кооперации на Севере и в Арктике.

Для мигрантских групп в составе норвежского общества мультикультурализм выглядит несколько иначе и предполагает сохранение своей культуры при знании и принятии базовых норм норвежского общества, а именно толерантности, равенства и солидарности. Таким образом, Норвегия стремится адаптировать, а затем интегрировать группы мигрантов. Происходит это преимущественно через сферу образования и социальной поддержки. Государство финансирует курсы норвежского языка, программы страноведческого обучения, которые обязательны для того, чтобы получить долгосрочный вид на жительство и работу в Норвегии. Адаптация осуществляется через различные организации, помогающие мигрантам освоиться в стране, найти работу и новый круг общения.

Модель мультикультурного общества предполагает, что мигранты смогут сохранить свою родную культуру. С этой целью поощряются различные культурные организации и ас-

социации, которые играют значительную роль в жизни коммун. Ярким примером может послужить деятельность общества тайцев в г. Тромсё, которое уже много лет организует несколько постоянных фестивалей и участвует во всех городских мероприятиях и праздниках. Кроме того, в Норвегии можно получить образование на родном языке. Несколько десятков таких школ открыты в г. Осло — самом многонациональном городе Норвегии. Действуют специальные программы адаптации и социальной интеграции в коммунах, принимающих мигрантов, особенно беженцев. Данные программы действуют в рамках законов о мигрантах, а также государственном плане против дискриминации и расизма. Количество участников таких программ постоянно возрастает, а значит, и возрастает число потенциальных «новых» норвежцев (таб.2).

Таблица 2

Участники программ адаптации, чел (на 01.01.2015)

	2010	2011	2012	2013	2014
Мужчины	5 956	6 541	6 612	6 756	7 456
Женщины	5 889	6 253	6 532	6 925	7 223

Источник: Statistic Norway. Introduction programs for immigrants URL: <https://www.ssb.no/en/utdanning>

На практике проблемы существуют, несмотря на серьёзную государственную поддержку. На Севере Норвегии до сих пор не до конца решены разногласия в отношениях с коренным населением, которое не удовлетворено современным положением дел и настаивает на расширении своих прав на территории и контроль использования ресурсов на этих территориях. Определенная напряженность существует в отношении цыган на территории Норвегии. В 1930-е годы цыгане, не покинувшие страну, были подвергнуты насильственной ассимиляции, как и другие этнические меньшинства. Ассимиляционная политика продолжалась вплоть до 1980-х годов, а департаменты по развитию цыган закрыли лишь в 1990 году. На сегодняшний день политика в отношении цыган и их культуры изменилась к лучшему, но значительное число цыганских детей так же, как и раньше, не посещают школу. Проблема интеграции цыган до сих пор остаётся открытой.

На территории Норвегии существует ещё одна этническая группа, отношение к которой неоднозначно — евреи. Антисемитизм в Норвегии практически не проявлялся, кроме периода нацистской оккупации [14]. Однако евреи в Норвегии не пользуются одобрением (норв. — *godkjennelse, anerkjennelsen*). Причиной всему тот факт, что в стране увеличивается количество мусульман, а норвежское правительство неоднократно заявляло о своём сочувствии Палестине [14].

В последние годы исследователи начинают писать о неравенстве этнических групп, проживающих в Норвегии [6, 8]. Неравенство проявляется в сфере занятости, где общая доля занятых среди мигрантов или людей с иностранным происхождением намного меньше, чем среди норвежцев [8]. Именно поэтому Конфедерация норвежских компаний (NHO) неоднократно призывала своих членов к тому, чтобы брать на работу иммигрантов и норвежцев с иностранным происхождением. Статистические данные свидетельствуют о том, что в процентном соотношении безработица среди мигрантов практически в 3 раза превышает аналогичный показатель для жителей страны, не являющихся мигрантами (таб. 3).

Таблица 3

Зарегистрированный уровень безработицы мигрантов в возрасте 15—74 лет (%)

	2014 К1*	2014 К2	2014 К3	2014 К4	2015 К1	2015 К2
Не мигранты	2,1	1,9	2,2	1,9	2,2	2,0
Мигранты	7,4	7,0	7,2	6,7	7,6	7,1

*К1 – обозначение квартала, за который представлены статистические данные

Источник: Statistic Norway. URL: <https://www.ssb.no/statistikbanken/selectvarval/saveselections.asp>

Неравенство прослеживается в выборе территорий для проживания, обвинениях в криминале, гендерном равенстве и религии. Так, например, в Осло мигранты предпочитают жить в восточной части города, а норвежцы — в западной. В прессе часто можно встретить статьи, напрямую говорящие о связи миграции и криминала [15]. Ношение хиджаба мусульманками нередко становится частью публичной дискуссии о равноправии женщин [16]. Карикатуры на Пророка Мухаммеда в датской газете были перепечатаны норвежским журналом [14, 10]. Кроме того, в норвежском обществе наблюдается исламофобия. Это подтверждают статистические данные с парламентских выборов и возрастающее количество голосов за Партию Прогресса (Fremskrittspartiet), негативно настроенную к мусульманам и исламу в Норвегии. На последних выборах 2013 года партия получила 29 мест в парламенте и впервые вошла в правительство [17].

Фокусируясь на негативных моментах этнической политики Норвегии, не стоит забывать о том, что в основной массе мультикультурализм решал самые острые проблемы межнациональных отношений таким образом, чтобы они не превращались в открытое противостояние, как в других странах Европы. Трагическим исключением стали лишь события 2011 года, заставившие обратить более пристальное внимание на недостатки мультикультурализма и скорректировать модель этнической политики. Мультикультурализм в Норвегии был явлением закономерным и полностью вписывающимся в картину первоочередных цен-

ностей норвежского общества, с его высоким уровнем толерантности и открытости для проникновения других культур. После событий 2011 года, а также прихода к власти представителя от консерваторов Эрны Сульберг ситуация несколько меняется. Тот факт что, на выборах 2013 года правоцентристы Норвегии образовали альянс с Партией Прогресса, не предвещал дальнейшей либерализации норвежской этнической политики. Однако на практике антимигрантская риторика Партии Прогресса немного поубавилась.

Рис.2. Норвегия принимает мигрантов ³.

Произошли изменения, которые затронули интересы мигрантов. Теперь в Норвегии сложнее получить статус беженца, а норвежское государство более строго контролирует предоставление социальных гарантий и льгот. В условиях падения цен на нефть и роста безработицы в отдельных секторах экономики Норвегии, страна заинтересована в квалифицирован-

³ URL: http://www.tv21.ru/img/newsimages/20151103/5_b5cd1fe03b5d.jpg; <http://s1.n1.by/sites/default/files/imagecache/full/news/10/23/892450/1445615413.jpg>; http://www.tv21.ru/img/newsimages/20151109/5_e37f702c3291.jpg

ных мигрантах в тех областях, где они не будут конкурировать с гражданами страны. С этой целью Э. Сульберг ещё в 2013 году заявила, что высококвалифицированные работники будут получать визы по ускоренной схеме [18]. Кроме того, Норвегия твёрдо дала понять европейскому сообществу, что страна не станет принимать больше мигрантов, чем предполагает её квота. В отношении коренных народов и этнических меньшинств кабинет Эрны Сульберг продолжает политику предшественников. Не так давно в прессе появились сообщения о том, что премьер-министр извинилась за политику ассимиляции, проводимую норвежским государством по отношению к цыганам до и после Второй мировой войны, и обязалась выплачивать компенсацию [19].

Заключение

Норвежская этническая политика в исторической перспективе представляет собой смену политических моделей аккультурации, ассимиляции, элементов сегрегации по отношению к отдельным этническим группам, мультикультурализма и модели, которую вслед за Т. Эриксом можно назвать моделью культурного многообразия [6]. Долгое время субъектом этнической политики являлись саамы и малочисленные мигрантские группы населения. Первоначально, политика государства по отношению к другим этническим группам формировалась на основе экономической целесообразности. Позже, формирование национально-государства, общенациональной культуры и идентичности послужило причиной смены модели на ассимиляцию и использование отдельных элементов сегрегации. События второй половины XX века в мире и перемены в самой Норвегии привели к торжеству мультикультурализма, как ответа на глобализацию, миграцию, а также появление в Норвегии полиэтнического и мультиконфессионального общества. События последних лет, дискуссии и критика мультикультурализма, а также террористические акты, не только в Норвегии, но и в других странах Европы в сочетании с мировыми кризисами, привели к изменениям в общественных настроениях и пересмотру модели этнической политики. Норвегия осталась верна базовым принципам мультикультурализма, но уже заметны тенденции к трансформации модели её этнической политики в сторону большего контроля за миграцией, расходом бюджетных средств на программы интеграции для мигрантов, а также их эффективностью. Все это вовсе не означает стремление норвежского государства провести мягкую ассимиляцию, а наоборот предстает, как попытка вписывания других культур в свою собственную.

Лавируя между различными общественными интересами, модель этнической политики становится более чёткой. Постепенно размытый фон либерального мультикультурализма приобретает конкретные очертания *культурного многообразия*, объединённого в рамках

одного государства и гражданской идентичности. Издалека данная модель напоминает попытки советской власти в России сформировать единство в многообразии культур и национальностей, выстроить «наднациональную», гражданскую идентичность и тем самым избежать разногласий на этнонациональной и конфессиональной почве.

Относительно применимости модели этнической политики Норвегии для гармонизации этнических отношений на Севере России и в АЗРФ, можно утверждать, что стоит присмотреться к опыту Норвегии в отношении культур коренных народов и мер социальной поддержки населения, проживающего в условиях Крайнего Севера. Преимущество норвежской системы состоит в том, что она привлекательна и для коренных народов, и для мигрантов. Коренные народы получают поддержку и признание своих культур, а также возможность участия в принятии решений по вопросам, непосредственно касающимся их образа жизни, культуры и традиций. Для России вопрос поддержки культуры часто упирается в масштабы финансирования, которых зачастую недостаточно. Вопросы политического представительства и прав коренных народов сопряжены с вопросами сепаратизма и экономической целесообразности разработки природных запасов севера, а потому требуют особой адаптации к российским условиям.

В рамках норвежской модели мигранты в большинстве случаев ощущают себя желанными гостями и не испытывают негативных чувств по поводу своего предыдущего этнического или конфессионального опыта, над которым постепенно надстраивается норвежская гражданская идентичность с фундаментальными элементами норвежской культуры. Сочетая это всё с широкими возможностями социальной интеграции, Норвегия получает общество с низким уровнем этнической и конфессиональной конфликтности. Данный механизм мог бы быть использован в случае с миграцией на Север России. Однако данный аспект на сегодняшний день не так актуален из-за отрицательных демографических тенденций в северных и арктических регионах нашей страны, вызванных целым комплексом социально-экономических причин.

Литература

1. Красулин А. Андерс Брейвик: Во всем виновато НАТО. Вести. 24 июля 2011. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=517568> (дата обращения: 01.10.2015)
2. Barth F. Ethnic groups and boundaries. Social organization of cultural difference. Illinois: Waveland Press Inc., 1998. 153 p.
3. Smith L.T. Decolonizing Methodologies. Research and Indigenous people. London-NY: Zed Books Ltd, 1999, 220 p.

4. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
5. Andersen B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. London-NY: Verso, 2006. 240 p.
6. Eriksen T.H. Immigration and national identity in Norway. Oslo: University of Oslo, 2013. 22 p.
7. Eriksen T.H. Xenophobic exclusion and the new right in Norway *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2012 Vol. 22 No 3, pp. 206—209
8. Sjølt S., Wessel T. Contextualizing ethnic residential segregation in Norway: welfare, housing and integration policies. Oslo, 2010. 69 p.
9. Niemi E. Ethnic Groups, naming and Minority Policy. In Elenius L., Karlsson Chr. (Eds.): *Cross-cultural communication and ethnic identities: proceedings II from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk 2006*. Luleå: Luleå University of Technology, 2007, pp. 21—35
10. Anderson M. The debate about multicultural Norway before and after 22 July 2011. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2012. Vol 19. No 4, pp. 418—427
11. Голдин В. И., Зайков К. С., Тамицкий А. М. Саамы в истории российско-норвежской границы: фактор напряжённости или региональной интеграции? // Былые годы. Российский исторический журнал, 2015. Vol. 37. No. 3. URL: http://bg.sutr.ru/journals_n/1442664611.pdf (дата обращения: 01.10.2015)
12. Myklebost K., Niemi E. Minoritets-og urfolkspolitikk i nord. *Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814-1917*/ J.P. Nielsen(red.). Oslo: Pax forlag A/S, 2014, 643 p.; *Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917—2014*/S.G. Holtmark (red.). Oslo: Pax forlag A/S, 2015, pp. 318—342
13. Ливанова А.Н. Финны в Норвегии. *Скандинавские чтения 2006—2007*. Отв. ред. И. Б. Губанов, Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 254—263
14. Moore H. F. Immigration in Denmark and Norway: Protecting Culture or Protecting Rights? *Scandinavian Studies*, 2010. Vol. 82, No. 3. pp. 355—364
15. Norway: Crime Drops as Police Deport Record Number of Nonwhite Invaders. *The New Observer*. 13 November 2014. URL: <http://newobserveronline.com/norway-crime-drops-police-deport-record-number-nonwhite-invaders/> (дата обращения: 01.10.2015)
16. Bangstad S. Public Voice of a Muslim woman. URL: <http://blogs.ssrc.org/tif/2015/08/05/the-public-voice-of-muslim-women/> (дата обращения: 01.10.2015)
17. Widfeldt A. *Extreme right in Scandinavia*, London-NY: Routledge, 2015. pp. 82—127
18. Norway wants more migrant workers. *The Nordic Page*. 27.12.2013. URL: <http://www.tnp.no/norway/panorama/4207-norway-want-more-migrant-workers> (дата обращения: 01.01.2015)
19. Solsvik T. Norway's prime minister apologizes for treatment of Romas during World War Two. *REUTERS CANADA*. 08. April 2015. URL: <http://ca.reuters.com/article/topNews/id-CAKBN0M22N20150408> (дата обращения: 01.10.2015)

References

1. Krasulin A. Anders Brejvik: Vo vsem vinovato NATO. *Vesti*. 24 iyulya 2011. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=517568> (Accessed: 01.10.2015)

2. Barth F. Ethnic groups and boundaries. Social organization of cultural difference. Illinois: Waveland Press Inc., 1998. 153 p.
3. Smith L. T. Decolonizing Methodologies. Research and Indigenous people. London-NY: Zed Books Ltd, 1999, 220 p.
4. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
5. Andersen B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. London-NY: Verso, 2006. 240 p.
6. Eriksen T.H. Immigration and national identity in Norway. Oslo: UiO, 2013. 22 p.
7. Eriksen T.H. Xenophobic exclusion and the new right in Norway Journal of Community & Applied Social Psychology, 2012 Vol. 22 No 3, pp. 206—209
8. Sølt S., Wessel T. Contextualizing ethnic residential segregation in Norway: welfare, housing and integration policies. Oslo, 2010. 69 p.
9. Niemi E. Ethnic Groups, naming and Minority Policy. In Elenius L., Karlsson Chr. (Eds.): Cross-cultural communication and ethnic identities: proceedings II from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk 2006. Luleå: Luleå University of Technology, 2007, pp. 21—35
10. Anderson M. The debate about multicultural Norway before and after 22 July 2011. Identities: Global Studies in Culture and Power, 2012. Vol 19. No 4, pp. 418—427
11. Goldin V. I., Zajkov K. S., Tamickij A. M. Saamy v istorii rossijsko-norvezhskoj granicy: faktor napyazhyonnosti ili regionalnoj integracii? Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal, 2015. Vol. 37. No. 3. URL: http://bg.sutr.ru/journals_n/1442664611.pdf (Accessed: 01.10.2015)
12. Myklebost K., Niemi E. Minoritets-og urfolkspolitikk i nord. Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814-1917/ J.P. Nielsen(red.). Oslo: Pax forlag A/S, 2014, 643 p.; Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917—2014/S.G. Holtmark (red.). Oslo: Pax forlag A/S, 2015, pp. 318—342
13. Livanova A.N. Finny v Norvegii. Skandinavskie chteniya 2006—2007. Otv. red. I. B. Gubanov, T. A. Shrader. SPb.: MAE' RAN, 2008. C. 254—263
14. Moore H. F. Immigration in Denmark and Norway: Protecting Culture or Protecting Rights? Scandinavian Studies, 2010. Vol. 82, No. 3. pp. 355—364
15. Norway: Crime Drops as Police Deport Record Number of Nonwhite Invaders. The New Observer. 13 November 2014. URL: <http://newobserveronline.com/norway-crime-drops-police-deport-record-number-nonwhite-invaders/> (Accessed: 01.10.2015)
16. Bangstad S. Public Voice of a Muslim woman. URL: <http://blogs.ssrc.org/tif/2015/08/05/the-public-voice-of-muslim-women/> (Accessed: 01.10.2015)
17. Widfeldt A. Extreme right in Scandinavia, London-NY: Routledge, 2015. pp. 82—127
18. Norway wants more migrant workers. The Nordic Page. 27.12.2013. URL: <http://www.tnp.no/norway/panorama/4207-norway-want-more-migrant-workers> (Accessed: 01. 01.2015)
19. Solsvik T. Norway's prime minister apologizes for treatment of Romas during World War Two. REUTERS CANADA. 08. April 2015. URL: <http://ca.reuters.com/article/topNews/id-CAKBN0M222N20150408> (Accessed: 01.10.2015)

Рецензент: Максимов Антон Михайлович,
кандидат политических наук, доцент

УДК 332.1/330.332/338.49

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.33

Приоритетные направления и возможности сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона

© **Липина** Светлана Артуровна, доктор экономических наук, директор Центра стратегического управления и пространственного развития, заместитель руководителя Отделения макроэкономического прогнозирования, стратегического управления и пространственного развития СОПС Минэкономразвития России и РАН, заведующая лабораторией РАНХиГС, ведущий научный сотрудник Арктического центра стратегических исследований САФУ, профессор РУДН, Православного института святого Иоанна Богослова. E-mail: s.lipina@mail.ru

© **Зайков** Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета. E-mail: k.zaikov@narfu.ru

Аннотация. Потенциальная роль, значение и имеющиеся возможности Арктики и Севера России, Сибири, Дальнего Востока для осуществления интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) безусловно возрастают. Возникает потребность в определении приоритетных направлений пространственного развития северо-восточных регионов нашей страны. Актуально улучшение их транспортной доступности и существующей инфраструктуры, эффективное использование сырьевых и энергетических ресурсов, инвестиционная привлекательность регионов, что в перспективе повысит конкурентоспособность всей экономики России для развития взаимовыгодной международной торговли в АТР.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, интеграция, Арктика и Север России, Сибирь, Дальний Восток, инфраструктура, Северный морской путь, Транс-Тихоокеанское партнерство.*

Priorities and opportunities of cooperation between Russia and the Asian-Pacific states

© **Svetlana A. Lipina**, Doctor of Economical Sciences, Deputy Head of the Department of macroeconomic prediction, strategic planning and space development, Director of the Center of innovative economics of the Council for Studies of productive forces of Ministry of Economic Development of Russia and RAS, Chief of laboratory of Russian Presidential Academy of National Economy

and Public Administration, leading researcher of the Arctic Centre for Strategic Studies of NArFU named after M.V. Lomonosov, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Orthodox Institute of St. John the Divine. E-mail: s.lipina@mail.ru

© **Konstantin S. Zaykov**, Candidate of Historical Science, Director of the Arctic Centre for Strategic Studies of the Northern (Arctic) Federal University. E-mail: k.zaikov@narfu.ru

Abstract. Potential role and significance of the Arctic and North of Russia, Siberia and Far East for integration in the Asian-Pacific region (APR) are undoubtedly increasing. A need for defining the priorities of the North-East areas of our country emerges. Development of the infrastructure, resource use effectiveness and attractiveness for investors is a significant issue that contributes to the competitive abilities of the Russian economy and mutually beneficial international trade in the APR.

Keywords: *Asian-Pacific region, integration, the Arctic and North of Russia, Siberia, Far East, infrastructure, Northern Sea Route, Trans-Pacific partnership*

Арктический и Дальневосточный макрорегионы России являются ключевыми звеньями интеграционных процессов России для сотрудничества со странами АТР. В Азиатско-Тихоокеанский регион мира включаются страны, расположенные по периметру Тихого океана и многочисленные островные государства в самом океане. Это более 50 государств с населением около 3,5 миллиардов человек и динамично развивающейся экономикой.

Именно в АТР сегодня формируется мировой полюс динамичного экономического роста. Высокие темпы роста, прежде всего у стран Восточной Азии, обеспечиваются проведением на протяжении длительного времени эффективной экономической политики, направленной на расширение экспорта и привлечение инвестиций.

Тенденции современного мирового развития, особенно на сопредельных территориях, экономические, демографические и политические процессы, возрастающая роль Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой экономике, увеличивают значимость Севера, Сибири и Дальнего Востока России как контактной зоны. Их уникальное географическое положение, Северный морской путь, выходы широтных транспортных систем Транссибирской и Байкало-Амурской магистральных железных дорог к портам Дальнего Востока и пересекающих Евразию, — эти и другие факторы обуславливают включение российских регионов в мировую экономику, что является особенно значимым для усиления геополитических позиций всей Российской Федерации в АТР.

Природные ресурсы Российского Севера (включая АЗРФ), Сибири и Дальнего Востока сегодня являются глобальным геополитическим ресурсом, позволяющим решать многие геост-

ратегические и геоэкономические задачи, стоящие перед Россией [1]. Так, например приморские территории Российской Арктики и Дальнего Востока это не только сосредоточение всех отраслей морехозяйственной деятельности, которые рассматриваются для прибрежной зоны в целом. Это территории сложной структурной организации с сочетанием объективной диспропорции в территориально-отраслевом и производственно-ресурсном потенциале. Для каждого региона здесь свои внутренние, межрегиональные, мирохозяйственные и глобальные факторы развития. Это природные ресурсы и сами территории Арктической зоны РФ, Севера, Сибири и Дальнего Востока России, которые всегда были предметом мирохозяйственного и геостратегического интереса стран мирового сообщества. Совершенствование территориальной структуры экономики прибрежных территорий этих макрорегионов, укрепление их конкурентных позиций находится в тесной взаимосвязи с инновационным сценарием развития. А инновации предполагают наиболее полное использование конкурентных преимуществ регионов, его природно-ресурсный и транзитный потенциал, а также модернизацию транспортной и энергетической инфраструктуры.

Вдоль северных и дальневосточных берегов РФ проходит *Северный морской путь*, возобновление по которому регулярного судоходства позволит существенно увеличить объёмы транзитных перевозок в направлении Европа — страны АТР и обратно, обеспечить северный завоз и освоение Арктической зоны России. Это направление морских перевозок между Тихим океаном и Северной Атлантикой может составить в будущем успешную конкуренцию международному торговому пути, проходящему через Индийский океан, Суэцкий пролив, Средиземное море и Гибралтар. Развитие этих зон направлено как на рост транзитной функции Российской Арктики и Дальнего Востока, так и на увеличение возможностей самих макрорегионов России поставлять свою продукцию на экспорт.

Реализация инвестиционных проектов комплексного освоения территорий Российской Арктики и Дальнего Востока невозможна без осуществления мер по снятию инфраструктурных ограничений, поскольку от решения социально-экономических проблем их развития зависит и благополучие всей страны. И, если не принять серьёзных и решительных мер, направленных на развитие региональной транспортной системы, обеспечивающей *идушие процессы международной экономической интеграции*, выравнивание условий жизни населения и условия ведения бизнеса на территории этих макрорегионов, говорить об эффективной интеграции экономики России в экономическое пространство АТР, а, следовательно, и об увеличении темпов её развития, не приходится. Доминирующей позицией становится логика партнёрства и сближения хозяйственно-экономических интересов России и стран АТР

для обеспечения устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества. Однако отсутствие транспортной сети вдоль побережья российских регионов при коротком навигационном периоде и неразвитом каботажном плавании вызывает большие трудности в сообщениях между отдельными районами АЗРФ и Дальнего Востока России.

Реализация выгод значительной площади территории, транзитного положения между двумя динамичными районами мирового хозяйства должны сопровождаться развитием современной транспортной инфраструктуры. *Недостаточный уровень её развития в России в настоящее время становится важным фактором сдерживания экономического развития страны и повышения её конкурентоспособности на мировом рынке.* По расчетам экспертов Организации экономического сотрудничества и развития, опубликованных в экономическом обзоре по России в январе 2014 года, только повышение эффективности транспортного сектора на 10% привело бы к росту ВВП страны на 0,7%⁴. Проблема модернизации и повышения эффективности транспортного комплекса в России стоит очень остро. По данным Всемирного экономического форума, Россия по общему уровню развития инфраструктуры занимает в рейтинге Глобальной конкурентоспособности 93 место среди 148 стран. Особенно слабые позиции демонстрируют качество сети автомобильных дорог — 136 место. По качеству развития инфраструктуры аэропортов страна заняла 102 место, морских портов — 88, и только развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта отличается более высокими показателями — 31 место⁵.

Начало XXI века, который войдет в историю как «век океана», ознаменовалось повышенным интересом мирового сообщества к освоению морского пространства не столько в геополитическом, сколько в геоэкономическом аспекте. Для Российской Арктики последние 15 лет двадцатого века стали действительно особенно знаковыми. Модернизация, предложенная в Госпрограмме развития АЗРФ⁶, становится инновационным путём преодоления неоднородности экономического пространства северных прибрежных территорий через геоустойчивость и мегапроектирование. В основе главного стратегического направления выступает концепция триединства: *«зелёная» инновационная экономика, энергоэффективность и устойчивое развитие.* Это позволит осуществить реализацию всех программ по ни-

⁴ Экономический обзор. Российская Федерация. URL: http://www.oecd.org/eco/surveys/Overview_RUSSIArus_2013.pdf (дата обращения: 30.09.2015).

⁵ Рейтинг Глобальной конкурентоспособности 2013—2014. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (дата обращения: 30.09.2015).

⁶ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. N 366 г. Москва.

велированию социально-экономических различий субъектов РФ и сосредоточить федеральную помощь на развитых регионах, которые должны превратиться в «локомотивы роста»⁷. Именно эти регионы имеют все перспективы для запуска процесса инновационного развития, который требует создания всего комплекса производств по *переработке природных и морских ресурсов*, внедрения ряда инновационных технологий по всей цепочке формирования добавленной стоимости. Под природными ресурсами подразумеваются в первую очередь углеводороды шельфа и прилегающей суши. Безусловно, особая притягательность зарубежных предпринимателей из стран АТР в значительной мере определяется наличием в этом регионе, а также в шельфах Охотского моря крупных нефтегазоносных территорий, освоение которых связано с возможностью привлечения иностранных инвестиций в обустройство месторождений и транспортировку добываемого сырья. Это открывает возможности развития рынка нефтепродуктов: *внутреннего* (поставки нефтепродуктов российским потребителям) и *внешнего* (организация крупномасштабных транзитных перевозок), чтобы обеспечить взаимодействие РФ с АТР за счёт наиболее продуктивного включения России в азиатские рынки товаров, финансов, рабочей силы, технологий и информации.

В процессе хозяйственного освоения АЗРФ, Севера, Сибири и Дальнего Востока России минеральный сектор оказался вовлечён в активно идущие процессы международной экономической интеграции. Минерально-сырьевые ресурсы стали объектом инвестиционных интересов крупных национальных и международных компаний, использующих горнодобывающие предприятия и месторождения региона пока в качестве стабильных поставщиков минерального сырья на вывоз. Осуществление широкомасштабных проектов по управлению социально-экономическими процессами на этой территории требует других целевых индикаторов для эффективной реализации поставленных задач. Поэтому формирование устойчивых экономических связей промышленных и сырьевых районов АЗРФ, Севера, Сибири и Дальнего Востока России с участниками азиатского рынка за счёт эффективного использования имеющегося потенциала является главной проблемой, имеющей общенациональный масштаб. Её решение связано как со стабилизацией текущего экономического состояния, так и со стратегией экономического роста всей национальной экономики России.

⁷ С этой целью разработан целый ряд программных правительственных документов: Основы государственной политики в Арктике, Стратегия развития морской деятельности, Концепция развития рыбного хозяйства, Энергетическая стратегия и др. Кроме того, каждый субъект федерации имеет долгосрочную Стратегию социально-экономического развития.

Основные целевые индикаторы для расширения внешнеэкономических связей и международного сотрудничества — это обеспечение транспортной доступности как важнейшего фактора для развития базовых экономических функций, в том числе транзитно-транспортной. В ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» целевыми индикаторами были, например, обозначены следующие. 1) Прирост протяженности автомобильных дорог, соответствующих нормативным требованиям к транспортно-эксплуатационному состоянию, составит 681,2 км. 2) Производственная мощность портов увеличится на 15,65 млн. тонн. 3) Будет введено в эксплуатацию после реконструкции 40 аэропортовых комплексов и посадочных площадок региональных и местных воздушных линий. 4) Построено 48 разъездов на Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. 5) Грузооборот на Восточном полигоне Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей увеличится до 587,6 млрд. т-км в год⁸.

В условиях кризиса решение поставленных задач в настоящее время остаётся под вопросом. Однако вполне очевидно, что в рамках мирохозяйственных связей России необходимо активно развивать транспортную инфраструктуру, максимально использовать возможности развития российско-китайского регионального сотрудничества в области транспорта. А это предполагает не только создание энергомоста для поставок электроэнергии в Китай, в Северную Корею и Республику Корея, но и развитие важнейшего транспортного терминала страны, возможности связать Европейскую часть РФ со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, доля которых в экспорте и импорте товаров весьма значительна.

Глобализация экономики обуславливают необходимость реализации на территории России крупных инфраструктурных проектов, строительство автомобильных и железных дорог, формирование транспортных систем от основных магистралей к месторождениям и перерабатывающим предприятиям. Это станет дополнительным стимулом разведки и освоения месторождений, повышения их экономической ценности, даст значительный импульс социально-экономическому развитию, обеспечит всесезонный доступ к использованию природных ресурсов северо-восточной части Российской Арктики, Сибири и Дальнего Востока.

Развитие портовой инфраструктуры обеспечит увеличение грузооборота и уменьшит издержки, связанные с погрузкой (разгрузкой) судов, обеспечит экономию затрат на строительство объектов, предусмотренных инвестиционными проектами. Актуальны разработка и реализация рыбохозяйственных проектов, направленных на создание специализированных

⁸ ГП «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона URL: http://minvostokrazvitiya.ru/upload/iblock/b0e/gp_mvr_visual.pdf (дата обращения: 10.09.2015).

конкурентоспособных производств, включающих добычу водных биологических ресурсов, создание марикультурных хозяйств, искусственное рыборазведение, безотходную переработку морепродуктов на базе высоких технологий. Переработка отходов рыбного сырья в биофармацевтическую продукцию позволит вовлечь в экономический оборот до 55 процентов не используемой в настоящее время общей массы добытых водных биологических ресурсов и получить экологический эффект от сокращения количества отходов производства.

Для дальнейшего развития странам АТР требуются дополнительные сырьевые и энергетические ресурсы. В связи с этим, страны АТР заинтересованы в использовании российских ресурсов, сосредоточенных на Севере (АЗРФ), в Сибири и на Дальнем Востоке России. Это, прежде всего, сырьё, поставки энергоносителей и энергии на крупнейший в мире Тихоокеанский энергетический рынок, которые пока не играют основной роли в российском экспорте энергоносителей. Богатейший ресурсный потенциал северо-восточных регионов России позволяют воспользоваться растущим спросом стран Азии и осуществлять модернизацию отечественной экономики на выгодных для нашей страны условиях. Это позволит получить качественно новую специализацию экономики северо-восточных регионов России.

Интересы основных государств АТР в отношении сотрудничества не ограничиваются только получением доступа к российским энергетическим и сырьевым ресурсам. Япония, Республика Корея, Малайзия, Сингапур готовы участвовать в модернизации и развитии лесопромышленного комплекса, что может стать определяющим фактором промышленного роста в регионе. Перспективным является создание производств на основе зарубежных инвестиций. Одним из инновационных и высокотехнологичных проектов, предполагающим сотрудничество со странами АТР, как на стадии строительства, так и в процессе эксплуатации, станет создание космодрома «Восточный» в Амурской области, что даёт импульс формированию космического кластера на базе дальневосточных предприятий машиностроения и приборостроения.

С учётом трансформации рынков продовольствия Китая, Японии, Кореи в сторону повышения требований к качеству сельскохозяйственной продукции необходимо развивать процесс сотрудничества в области организации производства и поставок из регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока экологически чистых зерновых, овощей, мяса, биоресурсов. Это может стать рыночной нишей и торговым брендом регионов России не только на рынках АТР, но и ТТП. Целесообразно расширять зерновые поставки в страны АТР за счёт создания дальневосточного зернового коридора для экспорта зерна, сои и продуктов их переработки.

Страны Азии, включая Китай, Индию, Индонезию, Филиппины, Вьетнам и другие, становятся ключевой движущей силой развития мировой экономики. Однако необходимо учитывать, что ситуация в АТР осложняется в настоящее время созданием Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП), в которое войдут Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония. В рамках ТТП начинает действовать «зона свободной торговли» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где сосредоточено почти 40% мирового ВВП и четверть оборота мировой торговли. Функционирование ТТП безусловно, кроме экономической функции, имеет геополитическую составляющую. США пишут свои правила для мировой торговли, обеспечивая мировое лидерство и рост экспорта, устраняя более 18 000 налогов, торговые барьеры для американских продуктов в 11 странах⁹. Президент Барак Обама считает, что именно США, а не Китаю принадлежит лидерство в АТР, и они используют его для новой экономической архитектуры, пытаясь изолировать Китай и Россию. Опубликовано 17 секретных документов, относящихся к торговым переговорам в рамках Транс-Тихоокеанского партнерства между США, Евросоюзом и 23 членами Всемирной торговой организации (ВТО), проходящими в закрытом режиме¹⁰. Страны, подписавшие Соглашение, фактически де-факто передают под контроль ТТП часть своей экономики, поскольку положения Соглашения позволяют регулировать все виды коммерческих и некоммерческих услуг. Под юрисдикцию ТТП также переходит социальная сфера, сфера обслуживания (включая водоснабжение и энергетику), транспорт, банковский сектор, страхование, телекоммуникации, газотранспортная система.

Заключение

Только используя весь комплекс организационных, институциональных и финансовых инструментов можно создать условия для укрепления единого экономического пространства нашей страны, способствовать эффективной интеграции РФ с другими странами АТР, используя объективные преимущества Севера, АЗРФ, Сибири и Дальнего Востока России.

Очевидно назрела потребность в кардинальных изменениях существующего режима сотрудничества со странами АТР, включая частично зону свободной торговли Транс-Тихоокеанского партнерства, которые позволили бы государству, бизнесу, научному сообществу и общественным организациям предложить странам АТР новые взаимовыгодные возможности, стимулирующие приток инвестиций и экономический рост в северо-восточных регионах России с учётом складывающейся ситуации.

⁹ The Trans-Pacific Partnership. URL: <https://ustr.gov/tpp/> (дата обращения: 13.10.2015).

¹⁰ Транс-Тихоокеанское партнерство направлено против стран БРИКС. 22 сентября 2015. URL: <http://www.ant-info.ru/economics/6715.html> (дата обращения: 13.10.2015)

Сейчас у Российской Федерации есть уникальная возможность придать новый импульс развитию северо-восточных территорий страны за счёт взаимовыгодного сотрудничества и торговли, нарастающего потенциала развивающихся стран Азии. И эту возможность для России нельзя упустить.

Литература

1. Смирнова О.О. Арктика — территория партнёрства будущего. О стратегии сотрудничества // Экономические стратегии. 2011. № 10. С.32—39.
2. Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2002. 135 с.
3. Липина С.А. Евразийские интеграционные экономические процессы: возможности роста // Журнал правовых и экономических исследований (Journal of Legal and Economic Studies). 2014. № 4. С. 15—23.

References

1. Smirnova O.O. Arktika — territoriya partnerstva budushhego. O strategii sotrudnichestva // Ekonomicheskie strategii. 2011. № 10. S.32—39.
2. Lomakina N.V. Mineralno-syrevoj kompleks v ekonomike Dalnego Vostoka. Vladivostok: Dalnauka, 2002. 135 s.
3. Lipina S.A. Evrazijskie integracionnye ekonomicheskie processy: vozmozhnosti rosta // Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij (Journal of Legal and Economic Studies). 2014. № 4. S. 15—23.

Рецензент: Тоскунина Вера Эдуардовна,
доктор экономических наук, профессор САФУ

УДК 325.1

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.42

Специфика миграционных процессов на севере Европы (на примере Королевства Дания)¹

© **Паникар** Марина Михайловна, доцент, кандидат исторических наук, заместитель директора по международному сотрудничеству Института социально-гуманитарных и политических наук САФУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: mpanikar@yandex.ru

© **Васева** Ольга Алексеевна, магистрант второго курса Института социально-гуманитарных и полити-

ческих наук САФУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: olga_193@inbox.ru

Аннотация. Миграционные процессы и политика стран Северной Европы исследуются на примере Королевства Дания. Степень изученности темы достаточно велика, но ранее указанный регион не рассматривался исследователями как носитель особой миграционной модели. Она характеризуется относительно низкой долей мигрантов из не европейских стран, строгим миграционным законодательством и политикой ограничения миграционных потоков в страну. Изучение опыта Дании актуально для исследования влияния миграционных процессов на этнокультурную и экономическую ситуацию в странах Арктики, в том числе и в России, в тех её регионах, которые имеют разветвлённую сеть транснациональных и трансграничных коммуникаций.

Ключевые слова: миграционные процессы, модель, миграционная политика, северная Европа, Королевство Дания

Specifics of the migratory processes in the north of Europe (case of the Kingdom of Denmark)

© **Marina M. Panikar**, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for the International cooperation at the Institute of Humanities, Social and Political Sciences of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: mpanikar@yandex.ru

© **Olga A. Vaseva**, Second-year master student of the Institute of Social and Humanitarian and

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда — проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов».

Political Sciences of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: olga_193@inbox.ru

Abstract. Migration processes and policies of the northern European countries are studied with the focus on the Kingdom of Denmark. The area of the study got a sufficient attention, but the Denmark has not been considered as a carrier of a specific migration model. The model is characterized by relatively low share of migrants from non-European countries, strict immigration laws and policy of limiting the migration. Studying the case of Denmark, it is important to examine the effect the migration has on the ethno-cultural and economic situation in the Arctic countries, including Russia and its areas with an extensive transnational and cross-border communication. Comparative analysis and synthesis, mathematical and statistical methods were used to do so.

Keywords: *Migratory processes, model, migratory politics, Northern Europe, the Kingdom of Denmark*

Введение

В наши дни проблема миграции является не только одной из важнейших тем политических дискуссий, но и практической задачей деятельности European Union (ЕС, Евросоюз), столкнувшегося с мощной волной нелегальной миграции, хлынувшей в страны Европы из регионов Ближнего Востока и Африки, где сегодня идёт война с ИГИЛ. Страны Северной Европы, которые одновременно являются и странами арктического региона, не стали исключением в списке мест прибытия мигрантов. В этом контексте актуальным становится изучение миграционной политики стран данного региона для формирования опыта в разработке эффективных моделей этносоциальной политики и управления демографическими процессами в российских регионах Арктики.

Зародившись ещё в древности, в XXI веке миграция приняла глобальные масштабы, существенно влияя на мировые процессы и тенденции современности. С одной стороны, это способствует трудовой миграции и может оказывать экономическую и политическую поддержку тем странам, которые в ней нуждаются. С другой, может привести к появлению нелегальной миграции, последствия которой негативно сказываются на различных регионах мира уже сейчас. Принимая колоссальные масштабы, миграция угрожает национальной безопасности многих, в первую очередь, европейских государств. Целью данной статьи является выявление особенностей и тенденций современных миграционных процессов в странах Северной Европы на примере Королевства Дания.

Методологическую основу исследований миграционных процессов и миграционной политики в целом составляют труды Т.Н. Юдиной, автора словаря основных терминов в сфе-

ре миграции [1]; Л. Л. Рыбаковского, исследовавшего теоретические аспекты миграции населения [2]; В.И. Переведенцева о методах изучения миграции населения [3]. Методологические вопросы статистического исследования демографической безопасности и миграции населения проанализированы Н.Д. Эпштейном, Е.А. Егоровым и другими учеными [4]. Иммиграционная политика в РФ и странах Запада, состояние и последствия миграции в Европе исследованы М.Б. Денисенко, А.Н. Суховым и др.[5, 6]. Вклад зарубежных учёных в разработку проблемы миграции представлен работой Р. Pedersen, N. Smith, давших характеристику интеграции иностранцев на рынок труда Дании [7]. М. Tawat исследовал культурный аспект миграционной политики в Дании в период с 1960 по 2006 гг.[8], а М. Jorgensen проанализировал интеграционную политику [9]. L. Orgad изучил вопрос влияния культурного различия мигрантов, прибывающих в Данию, на её общество [10]. В целом, можно сделать вывод о том, что степень изученности темы достаточно велика. Однако ранее регион Северной Европы не рассматривался исследователями как носитель особой миграционной модели.

Источниковая база исследования данной статьи представлена, преимущественно, статистическими данными, документами Международной организации по миграции (The International Organization for Migration), а также периодической печатью. Используются методы сравнительного анализа и синтеза.

Миграционные потоки в северной Европе

Современная международная миграционная ситуация имеет свои чётко выраженные тенденции, в числе которых: глобализация и изменение характера миграционных процессов, присущих многим странам мира. Например, качественно изменился характер миграционных процессов после создания Европейской ассоциации свободной торговли в 1960 году и Евросоюза в 1992—1993 гг. Миграционные потоки в страны Европы при этом кратно увеличились. Миграция стала одним из ключевых компонентов изменения численности, национального и социального состава населения в арктическом регионе. К настоящему времени европейские страны лишь незначительно уступают абсолютному мировому лидеру по количеству мигрантов — США.

Примерами государств, в которые с каждым годом увеличиваются миграционные потоки, являются страны Северной Европы. Данный регион включает в себя следующие государства: Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию и Исландию. Эти страны объединены общим историческим прошлым, а также географическими, культурными, политическими связями. Государства Северной Европы являются одними из лидирующих стран по уровню жизни как в европейском регионе, так и во всём мире. Являясь экономически развитыми госу-

дарствами, они характеризуются развитой промышленностью, экономикой, социальной сферой, высоким уровнем участия населения в общественной жизни страны. Жители северо-европейского региона ежегодно признаются одними из самых счастливых наций в мире. Социальная и экономическая привлекательность стран, высокий уровень жизни населения делают эти страны зонами притяжения мигрантов. В определённой степени заинтересованы в мигрантах и сами страны, что связано со снижением темпов естественного прироста населения, уменьшением доли трудоспособного населения, порождающим проблему дефицита трудовых ресурсов. Все эти факторы влияют на то, что Северная Европа является привлекательным регионом для мигрантов.

Миграционные процессы в Дании

Миграционные процессы в Северной Европе схожи между странами данного региона. Поэтому для более глубокого анализа авторы статьи остановятся на описании ситуации в одной из этих стран — Королевстве Дания. Дания, являясь экономически развитым государством, привлекает мигрантов из разных стран мира. По своему национальному составу Дания, как и другие страны Северной Европы, является однородным государством (датчане составляют 88,4% от всего населения) и проводит одну из самых строгих миграционных политик в Европе.

Задачами миграционной политики Дании стало ужесточение требований к иностранцам и ограничение их количества, а также ускорение темпов интеграции мигрантов, которые уже живут в Королевстве. Внесённые в XXI веке поправки в миграционное законодательство Дании реально повлияли на его ужесточение². Так, иностранец может быть навсегда выслан за любое правонарушение, независимо от того, есть ли у него вид на жительство или недвижимость в стране. Если мигрант прожил в стране менее 9 лет, то его могут депортировать по причине совершения преступления, за которое полагается наказание шесть или более месяцев тюрьмы. В случае же, когда мигрант прожил в стране более 9 лет, он может быть выслан из страны по причине совершения тяжкого преступления, связанного с наркотиками или насилием над личностью. Данный закон распространяется также и на граждан Евросоюза. Учитывая малочисленность населения стран Северной Европы, жесткая миграционная политика правительств является здесь вполне обоснованной.

Анализ показателей, характеризующих миграционные процессы, важен для понимания того, какое влияние оказывает миграция на жизнедеятельность в принимающих государствах,

² Панкратов С. Дания избавляется от «нежелательных иностранцев». URL: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/14261 (дата обращения: 21.09.2015)

а также для обозначения тенденций и последствий территориального перемещения в будущем. На 1 января 2015 года население Дании составляло 5 633 782 человека, увеличившись по сравнению с 1 января 2001 года на 274 999 человек. Общий прирост населения Дании колебался в 2001—2014 гг. от 0.36% на 1 января 2001 года, 0.59% на 1 января 2008 года до 0.25% на 1 января 2015 года ³.

Тенденция к росту населения проявляется как по причинам минимального естественного прироста населения (количество родившихся превышает число умерших), так и в основном в результате складывающегося миграционного сальдо, когда число въезжающих в страну, то есть — иммигрантов, больше, чем число людей, эмигрировавших из Дании. Естественный прирост населения в 2014 году составил в Дании 562 человека, а миграционный прирост населения — 13 543 человека. На 1 января 2015 года число иммигрантов и их потомков составляло примерно 11,6% от общего количества населения, в то время как, например, в Германии данная категория населения насчитывала более 20 процентов. Мигрантами европейского происхождения в Дании являются 53% от их общего количества ⁴. В 2015 году ежедневный миграционный прирост в Дании по прогнозам составит в среднем 37 человек в день (в Финляндии 9 человек, в Швеции 43, в Норвегии 24), тогда как в Германии данный показатель равен 118 человекам, а во Франции 267 ⁵.

В настоящее время Дания столкнулась с проблемой въезда в страну мигрантов, выходцев из тех стран, которые имеют сильные культурные отличия от датчан. Одной из причин, по которой люди меняют место жительства, является трудовая и вынужденная миграция, когда люди бегут из зоны вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке и севере Африки. Иностранцы приезжают в Данию в поисках мирной жизни, лучшего места работы и более высокой заработной платы. Правительство принимает антимиграционные меры, направленные на снижение притока отдельных категорий иностранцев, в первую очередь, мигрантов из мусульманских стран. На начало 2015 года число людей, ищущих убежище в Дании, например, равнялось 3 359 человекам. Большинство беженцев в Данию прибыли из Сирии (1 720 человек), Сомали (126 человек), Ирана (63 человек), России (56 человек) и Афганистана (55 человек). Для воссоединения семьи в 2014 году в Данию прибыло 2 070 человек ⁶.

³ Население Дании. URL: <http://countrymeters.info/ru/Denmark> (дата обращения: 06.11.2015)

⁴ Statistical Yearbook 2015. Copenhagen: Denmark Statistic, 2015

⁵ URL: <http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/indwm/default.htm> (дата обращения: 21.09.2015). Данные представлены как прогнозируемые показатели. Очевидно, что в ситуации многократно увеличившегося потока мигрантов в середине 2015 года, данные показатели изменятся в сторону увеличения.

⁶ URL: <http://www.statbank.dk/statbank5a/selectvarval/define.asp?PLanguage=1&subword=tabel&MainTable=FOLK1&PXSid=146522&tablestyle=&ST=SD&buttons=0> (дата обращения: 21.09.2015).

В условиях, когда Евросоюз сдерживает натиск мощнейшей волны миграции, сопоставимой по масштабам с потоками, хлынувшими в Европу после Второй мировой войны, Дания заявила, что она не намерена присоединяться к общеевропейской политике в отношении мигрантов и не поддерживает идею о квотах на просителей убежища для стран ЕС. Напротив, Дания ужесточает миграционное законодательство и сокращает размер денежных пособий для беженцев, о чём проинформировала их в размещённых в ливанских газетах платных объявлениях. Так, например, среди 300 беженцев из Сирии и Ирака, прибывших в Данию из Германии за несколько дней сентября 2015 года, лишь 100 человек подали прошения об убежище, остальные же отправились дальше — в Финляндию и Швецию⁷.

В целом можно отметить, что в настоящее время в Дании существует проблема нехватки квалифицированных специалистов. Это привело к тому, что в 2014 году уровень безработицы составлял примерно 6% от общего уровня трудоспособного населения. Газета "The Copenhagen Post" отмечала, что в Дании выплачивают большие национальные пособия, поэтому многие датчане не хотят выполнять «чёрную» работу. Они не желают находиться на низкооплачиваемых должностях и заниматься низкоквалифицированным трудом. Такую работу, по мнению граждан, должны выполнять иностранцы.

Около 80% рабочих мест в сфере ресторанного и гостиничного бизнеса занимают иммигранты. Примерно столько же мест иностранцы занимают в сфере обслуживания (доставка пищи, оформление и прочее). Около 30% иностранных граждан работают в секторе уборке и детских садах. В период роста благосостояния датчане могли выбрать себе лучшие должности⁸. Это и сформировало рабочие места для мигрантов. По информации Датского агентства поддержки труда и международного рекрутинга в 2014 году ощущалась нехватка квалифицированных специалистов в следующих сферах: инженерия, медицина, IT телекоммуникации, строительство, образование, социальные службы. Поэтому мигрантам, которые претендуют на должности в этих областях, предоставлялось ускоренное получение разрешения на работу⁹. Для получения некоторых должностей необходимо пройти авторизацию, то есть получить подтверждение, что данные профессии действительно востребованы в Дании. Однако, несмотря на то, что большинство датчан владеют английским языком, Правительство Королевства требует от мигрантов знание датского языка. Оно утверждает, что улучшение

⁷ Дания ужесточает правила для мигрантов и честно объявляет об этом. URL: <http://ru.euronews.com/2015/09/08/denmark-launches-anti-migrant-ad-campaign/> (дата обращения: 21.09.2015).

⁸ Statistical Yearbook 2015. Copenhagen: Denmark Statistic, 2015

⁹ Дефицитные профессии в Дании. URL: <http://www.evrokatalog.eu/articles/19072013-1533/дефицитные-професии-в-дании> (дата обращения: 21.09.2015)

знания датского языка у мигрантов из не западных стран является первым шагом к их самостоятельности¹⁰.

Неоднозначным является и отношение граждан Дании к мигрантам. Люди старшего поколения относятся к ним пренебрежительно, поскольку считают, что мигранты не хотят учить датский язык, а также не интересуются датской историей, традициями и культурой. Младшее поколение в основном относится нейтрально к иностранцам. Однако многие датчане закрыты и неохотно общаются с мигрантами. Главное для них — это семья и своя личная жизнь. В большей степени отрицательно граждане Дании относятся к мусульманским мигрантам. Иммигранты-мусульмане часто осуждают вольные нравы Королевства. Датчане позиционируют себя как «свободное общество», что не нравится мусульманам. Большое количество государственных расходов уходит на выплаты различных пособий иностранцам из мусульманских стран. Многие мигранты не желают работать и считаться с традициями северной страны, уровень преступлений, совершенных ими, постоянно растёт. Следствием этого являются постоянные конфликты между местным населением и мусульманами.

В Дании проблема нелегальной миграции не ощущается так остро как во многих странах Западной Европы. По данным полиции на территории страны находится от 20 до 50 тысяч нелегальных мигрантов, что составляет около 5% от общего количества мигрантов¹¹. Это связано с тем, что Королевство имеет строгое законодательство и проводит жёсткую миграционную политику. С 2002 года был отменён статус «беженцев de facto» и убежище в Дании могут получить только те лица, которые соответствуют критериям Женевской конвенции 1951 года. К лицам, которые уже имеют статус беженцев, предъявляются высокие требования. Если Иммиграционная служба Дании выносит положительное решение, то иностранцу необходимо пройти программу интеграции, которая подготовлена местными властями. Среди мер, направленных на адаптацию мигрантов, можно выделить обучение датскому языку; занятость иммигрантов и беженцев; повышение уровня образования посредством обучения по месту работы; рост активности иммигрантов в политической и культурной жизни страны. Вместе с тем, иммигрант, имеющий разрешение на постоянное пребывание, ограничен в политических правах, например, не может участвовать в политических выборах. Если же человек, имеющий статус беженца, прожил на территории Дании семь лет, сдал экзамен на

¹⁰ Ministers: Learn Danish or lose unemployment benefits. URL: <http://cphpost.dk/news/ministers-learn-danish-or-lose-unemployment-benefits.4554.html> (дата обращения: 21.09.2015)

¹¹ Дания за неделю: 50 тыс. нелегалов и шантаж мэра Копенгагена. URL: <http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=3975> (дата обращения: 21.09.2015).

знание датского языка, прошёл программу интеграции и не имеет судимости, он может претендовать на получение разрешения на постоянное пребывание в стране [5].

Вынужденные мигранты могут быть высланы из Дании, если они посетили страну выхода. Также лишиться статуса беженца можно, если обстановка в стране выхода пришла в норму. Бывший министр по делам беженцев, иммиграции и интеграции Бирте Ренн Хорнбек отмечала, что принятые меры помогут сократить приток мигрантов для того, чтобы направить все усилия на интеграцию тех людей, которые уже проживают в стране¹².

Миграционная политика Дания отличается от остальных стран Северной Европы. Финляндия, Швеция и Норвегия проводят политику мультикультурализма, сохраняя культурные различия. Дания же не поддерживает такую политику. Как было отмечено выше, поток мигрантов из не западных стран в Королевство существенно увеличился. Как правило, их культурные особенности, традиции и поведение отличаются от норм, установленных датским обществом. Однако Королевство продолжает оставаться однонациональным государством, в котором преобладает лишь одна культура. Поэтому и отношение коренных жителей к выходцам из не западных стран весьма негативное.

Особенности миграционных потоков на севере Европы

Миграционные процессы на севере Европы имеют свои особенности, которые отличают их от остальных регионов Европы и мира. *Во-первых*, в Западной и Южной Европе, что особенно остро ощущается в настоящее время, существует проблема мигрантов из стран Африки, а также Ближнего Востока (Сирии, Ирака, Ливии, Афганистана, Пакистана) через Средиземное море. Попадая на европейский континент, они стремятся, в первую очередь, в самые богатые и «гостеприимные» страны Европы — Германию и Францию. Однако в настоящее время, когда Европа оказалась в ситуации жесточайшего «миграционного кризиса», ситуация складывается по-другому. Поток мигрантов настолько велик, что страны севера Европы также ощущают его на себе. Мигранты пытаются попасть в Швецию, а затем в Финляндию по Эресуннскому мосту через Данию в обход европейских законов¹³. Скорее всего данная ситуация имеет временный характер и на общую динамику миграционных потоков на севере Европы в более отдалённой перспективе большого влияния оказывать не будет.

Во-вторых, в северной части Европы, в большинстве своём, миграционные процессы проходят между странами этого региона, то есть между Финляндией, Швецией, Норвегией,

¹² The good, the bad and the immigrant. URL: <http://cphpost.dk/news/the-good-the-bad-and-the-immigrant.7987.html> (дата обращения: 21.09.2015).

¹³ Danes defying laws and transporting migrants to Sweden. URL: <http://cphpost.dk/news/danes-defying-laws-and-transporting-migrants-to-sweden.html> (дата обращения: 21.09.2015).

Данией и Исландией. Мигранты из других европейских регионов пытаются перемещаться по другим частям света.

В-третьих, миграционные политики стран североевропейского региона отличаются от политик в данной сфере государств остальной части Европы. Дания имеет самую строгую миграционную политику в Европе, направленную на уменьшение миграционных потоков в страну, что, в общем, характерно и для других стран Северной Европы. Правительство Норвегии, например, приняло осенью 2015 года решение больше не принимать сирийских беженцев, прибывающих из России. С начала 2015 года в Норвегию из России прибыло около 1 200 сирийских граждан, хотя в 2014 году их было не более десятка¹⁴.

Заключение

Таким образом, учитывая вышеперечисленные особенности, можно сделать вывод о существовании специфической модели миграционных процессов в данном регионе, характеризующейся относительно низкой долей мигрантов из неевропейских стран, строгим миграционным законодательством и перемещением граждан северной Европы внутри региона. В настоящее время миграционная ситуация в странах арктического региона осложняется, с одной стороны, объективными процессами глобализации, с другой — современной международно-политической обстановкой. Миграционные потоки влияют на взаимоотношения доминирующих наций с пришлыми этносами.

В данном контексте крайне значимым является изучение влияния миграционных процессов на этнокультурную и экономическую ситуацию в странах Арктики, в том числе и в России, в тех её регионах, которые имеют разветвлённую сеть транснациональных и трансграничных связей. Изучение опыта Дании в реализации миграционной политики может быть использовано органами российской власти, в первую очередь в сфере трудовой миграции с целью уменьшения количества иностранных граждан, занимающихся неквалифицированной работой или работающих в нашей стране нелегально.

Литература

1. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: РГСУ, Академический проект, 2007. 472 с.
2. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.
3. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.

¹⁴ Норвегия вернет обратно прибывших из России беженцев. URL: <http://www.forbes.ru/news/303011-norvegiya-vernet-obratno-pribyvshikh-iz-rossii-bezhentsev> (дата обращения: 15.10.2015).

4. Эпштейн Н. Д., Егорова Е. А., Карманова М. В., Смелов П. А., Карманов А. М. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. М.: Финансы и статистика, 2013. 168 с.
5. Денисенко М. Б., Хараева О. А., Чудиновских О. С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М., 2003. 316 с.
6. Сухов А. Н., Трыканова С. А. Миграция в Европе и её последствия. М.: Флинта, МПСИ, 2011. 216 с.
7. Pedersen, Peder; Smith, Nina. International migration and migration policy in Denmark. Aarhus School of Business, 2001. 25 p.
8. Tawat, Mahama. Danish and Swedish immigrants' cultural policies between 1960 and 2006: toleration and the celebration of difference. International Journal of Cultural Policy, 2012. 33 p.
9. Jorgensen Martin. B. Decentralising Immigrant Integration: Denmark's mainstreaming initiatives in employment, education, and social affairs. MPI Europe, 2014. 32 p.
10. Orgad, Liav. Illiberal liberalism: cultural restrictions on migration and access to citizenship in Europe. The American Journal of Comparative Law, 2010. 54 p.

References

1. Yudina T.N. Migraciya: slovar osnovnyh terminov. M.: RGSU, Akademicheskij proekt, 2007. 472 s.
2. Rybakovskij L.L. Migraciya naseleniya (voprosy teorii). M.: ISPI RAN, 2003. 238 s.
3. Perevedencev V.I. Metody izucheniya migracii naseleniya. M.: Nauka, 1975. 231 s.
4. Epshtejn N.D., Egorova E.A., Karmanova M.V., Smelov P.A., Karmanov A.M. Metodologiya analiza demograficheskoy bezopasnosti i migracii naseleniya. M.: Finansy i statistika, 2013. 168 s.
5. Denisenko M.B., Xaraeva O.A., Chudinovskix O.S. Immigracionnaya politika v Rossijskoj Federacii i stranax Zapada. M., 2003. 316 s.
6. Sukhov A.N., Trykanova S.A.. Migraciya v Evrope i eyo posledstviya. M.: Flinta, MPSI, 2011. 216 s.
7. Pedersen P., Smith N. International migration and migration policy in Denmark. Aarhus School of Business, 2001. 25 p.
8. Tawat M. Danish and Swedish immigrants' cultural policies between 1960 and 2006: toleration and the celebration of difference. International Journal of Cultural Policy, 2012. 33 p.
9. Jorgensen M. B. Decentralising Immigrant Integration: Denmark's mainstreaming initiatives in employment, education, and social affairs. MPI Europe, 2014. 32 p.
10. Orgad L. Illiberal liberalism: cultural restrictions on migration and access to citizenship in Europe. The American Journal of Comparative Law, 2010. 54 p.

Рецензенты: Кефели Игорь Фёдорович,
доктор философских наук, профессор
Соколова Флера Харисовна,
доктор исторических наук, профессор

УДК 334.02/338.001.36

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.52

Последствия использования сжиженного природного газа в качестве основного топлива для осуществления морских перевозок в Арктике

© **Потоня** Алексей Игоревич, магистрант Школы менеджмента Ливерпульского университета, Великобритания. Тел.: +375-29521 4912. E-mail: alex.patonia@online.liverpool.ac.uk

Аннотация. Переход от использования бункерного топлива на сжиженный природный газ (СПГ) при осуществлении арктических морских перевозок имеет различные многообразные последствия. Применяя теорию ниш и эффективного режима, а также экологическую кривую С. Кузнеца, автор демонстрирует типы экономических и политических взаимоотношений арктических

государств после их перехода на использование СПГ. Норвегия, Канада и США представлены как страны, наиболее выигрывающие в этой ситуации. Кроме того, переход на СПГ в значительной степени улучшает экологическую обстановку, снижает объёмы чёрного углерода (сажи), что в свою очередь приводит к увеличению альбедо. Основываясь на теории жизненного цикла, автор также рассматривает существующие правовые нормы, регламентирующие переход на СПГ, и моделирует возможные сценарии развития.

Ключевые слова: *сжиженный природный газ, экологическая кривая С. Кузнеца (ЭКК), арктическая амплификация, альбедо, черный углерод, благотворная взаимозависимость, UNCLOS, Норвегия, США*

Implications of the use of liquefied natural gas for marine transportation in the Arctic

© **Aleksei I. Patonia**, MSc in International Management (Oil and Gas), University of Liverpool, United Kingdom. Tel.: +375 29 521 49 12. E-mail: alex.patonia@online.liverpool.ac.uk.

Abstract. The transition from the use of bunker fuel to the use of the liquefied natural gas (LNG) for the Arctic marine transportation has various consequences. The author is interested to present the issue in the political, economic, environmental, marine legal perspectives. Implementing the regime efficiency and niche selection approach as well as the Environmental Kuznets Curve the paper demonstrates potential benign interdependence of the Arctic countries after they have transferred their vessels to LNG. In such circumstances, Norway, Canada and the US are shown as the most benefiting nations. The second part of the article is devoted to the significant environ-

mental improvement after the transition with a particular attention to the dramatic decrease of black carbon (soot) which leads to increase of albedo. Finally, the paper examines the existing legal provisions regulating the transition to LNG and modulates a further development scenario based on the theory of the lifecycle of a norm.

Keywords: *liquefied natural gas, Environmental Kuznets Curve, arctic amplification, albedo, black carbon, benign interdependence, UNCLOS, Norway, the USA*

Введение

Существуют сторонники и противники теории глобального потепления. Однако, научно зафиксированные данные свидетельствуют о том, что в последнее десятилетие ледовый покров Арктики значительно уменьшился. Согласно американскому Национальному центру снежных и ледовых данных (NSIDC) [1, 2012], уровень морского льда в Арктике в 2012 году достиг своей минимальной отметки с момента первых спутниковых наблюдений 1979 года. В таких условиях мировые компании, занимающиеся морскими перевозками, начали с энтузиазмом рассматривать возможности Северного морского пути (СМП), а также Северо-Западного морского пути (СЗМП) вдоль берегов Канады в качестве экономически привлекательных альтернатив традиционным маршрутам через Суэцкий и Панамский каналы. Особенно с тех пор как некоторые учёные, такие как Х. Шойен и С. Бротен [2, 2011], высказались о двойном увеличении энергетической эффективности судов при использовании данных маршрутов. Другая группа учёных, например, С. Рагнер [3, 2008] и М. Гумберт [4, 2013], достаточно скептически настроена относительно использования северных маршрутов, прогнозов роста их популярности, а также возможностей заменить традиционные коридоры мировых морских перевозок. Причина кроется в сезонности использования северных маршрутов, а также в стабильном росте объемов китайского и индийского экспорта и импорта в неевропейские страны (Африка, Латинская Америка и др.). Статистика морских перевозок в Арктике, предоставленная информационным офисом СМП, показывает, что в 2013 году количество судов, прошедших через СМП, удвоилось по сравнению с показателем 2011 года¹.

Помимо положительного экономического влияния на прибрежные арктические государства, увеличение морских перевозок в Арктике повлекло за собой определённые экологические проблемы. Большое количество судов в арктических морях становится причиной рисков экологического загрязнения. Использование мазута стимулирует арктическую амплификацию из-за большого количества парниковых газов и других загрязняющих веществ

¹ Northern Sea Route Information Office (NSRIO). Transit Statistics. Available at: http://www.arctic-lia.com/nsr_transits (Accessed: 20 July 2015).

(оксид серы и азота, сажа и др.), выбрасываемых в атмосферу. Согласно Всемирному фонду живой природы (WWF) [6, 2015], морские грузоперевозки являются причиной более чем 10% от мирового выброса серной кислоты. В связи с этим, постоянно осуществляется поиск вариантов замены мазута на более экологичные виды топлива, в том числе на СПГ, который выглядит наиболее перспективным.

Изменения при смене вида топлива

Настоящая статья посвящена многогранным последствиям перехода от использования бункерного топлива на СПГ при осуществлении арктических грузоперевозок. David Miller, President and CEO of WWF-Canada считает, что эта мера будет иметь огромное положительное влияние на окружающую среду и снизит риск загрязнения окружающей среды в Арктике почти на 90% [5, 2015]. Кроме того, переход на использование СПГ повлияет на экономику и политические процессы в Арктических государствах. Наконец, переход на СПГ может иметь серьёзные последствия для морского права. Таким образом, целью данной работы является исследование и анализ последствий перехода на СПГ с точки зрения политики, экономики, экологии и морского права.

Большинство учёных, занимающихся изучением использования СПГ в качестве топлива при осуществлении морских перевозок, делают акцент либо на экономические составляющие данной проблемы, либо пишут об экологических последствиях. С целью проиллюстрировать экологическую составляющую вопроса автором используется экологическая кривая Кузнецца (ЭКК). В этой связи важным является проиллюстрировать взаимосвязь между качеством окружающей среды и экономическим развитием арктических народов при условии использования технологии СПГ для морского транспорта. Взаимосвязь экологии и экономического развития предполагает наличие стратификации, а, значит, необходимость использования теории и концепции эффективного режима и региональной селекции при выборе ниш, упомянутой О. Стокке [6, 2013], а также их применения для создания модели благоприятной взаимозависимости. Данная модель объясняет политику сотрудничества прибрежных арктических государств в условиях использования технологий для СПГ при осуществлении морских перевозок через призму экономической целесообразности.

Вторая часть представленного исследования посвящена экологической составляющей вопроса, использованию ЭКК и результатах, которые свидетельствуют о позитивных изменениях. На основе статистических данных, предоставленных различными учреждениями, относительно загрязнения вредными веществами в результате использования бункерного топлива, можно сделать выводы о том, как грузоперевозки в Арктике влияют на экологическую

обстановку в регионе. Кроме того, в статье приведены аналогичные показатели, но при условии использования СПГ, а также положительные изменения, достигаемые при переходе на сжиженный природный газ. Помимо сравнения показателей оксидов азота и серы, особое внимание обращается на уровень чёрного углерода (сажи) а также его влияние на колебание альбедо в Арктике.

Переход судостроительной промышленности на стандарты СПГ может иметь важные последствия для правового регулирования морского транспорта в Арктике. Настоящая статья рассматривает существующие положения международного морского права и их применимость к изменениям в арктической топливной политике. Автор использует концепцию динамичности международных норм и политических решений (так называемая «норма жизненного цикла»), введённую М. Финнемором и К. Сиккинк [7, 1998], чтобы проиллюстрировать тенденции и изменения морского права.

Политические и экономические изменения

Развитие национальной промышленности, использование углеводородов, а также экологические последствия, сопровождающие такое развитие нашли своё отражение в работах таких исследователей, как Б. Сабури и Я. Сулейман [8, 2013], которые на примере Малайзии рассмотрели взаимосвязь развития нефтепереработки и масштабов деградации окружающей среды. Авторы отметили, что использование природного газа поможет смягчить негативные последствия и отразится на национальном доходе в пересчёте на душу населения. Кроме того, данные расчёты прекрасно сочетаются с использованием ЭКК.

В своём исследовании Г. Петерс и др. [9, 2011] смодулировали вероятностные объёмы выбросов вредных веществ в результате увеличения морских перевозок в Арктике при условии таянья арктических льдов. Результат оказался предсказуем. Исследователи отметили возрастание эмиссии CO₂, сажи, серной и азотной кислот. В то же время, учёные редко упоминают потенциальную возможность использования новых видов топлива, например, сжиженного природного газа (СПГ). В связи с этим учёные В. Асёй и Д. Стенерсен [10, 2013] свидетельствуют в пользу идеи о том, что суда, использующие СПГ, могут уменьшить общие объёмы загрязнения примерно на 25%. В таком случае, применение СПГ ассоциируется с сохранением окружающей среды, а также улучшением экологической обстановки, в то время как использование мазута — с деградацией экосистем и ухудшением экологической обстановки в Арктике.

Последние данные об использовании СПГ для арктических судов поддерживают эту идею. Кроме того, замечен ещё один интересный тренд: использование СПГ для осуществ-

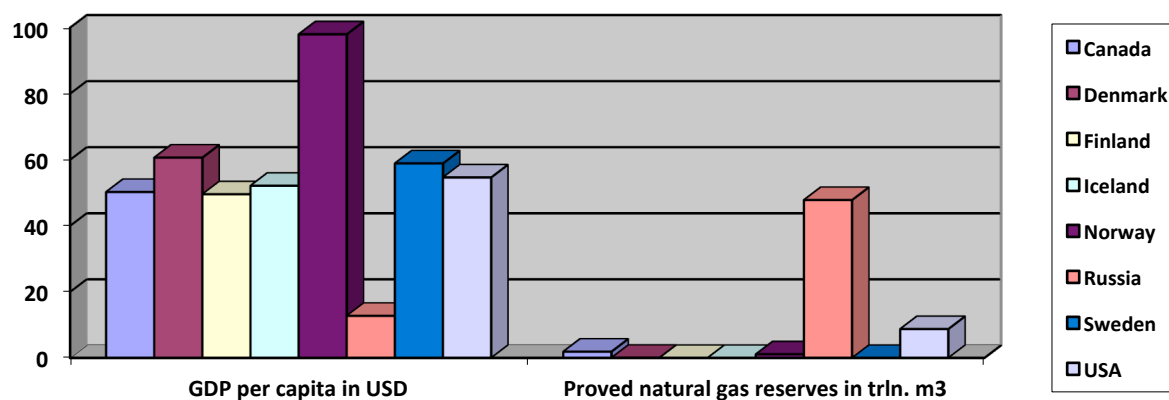
ления морских перевозок инициируется странами с наибольшим доходом на душу населения, способными обеспечить свои потребности в сжиженном газе за счёт собственных месторождений. Например, Норвегия — арктическая страна со значительными запасами природного газа, которая начала использование технологий для СПГ в судостроении. Следует также упомянуть Финляндию и Канаду. Удивительно, но России — страны с крупнейшими запасами природного газа — нет в списке приверженцев технологий СПГ.

Анализ интересов прибрежных государств, их топливных инициатив, а также использования СПГ в контексте их соотношения с запасами природного газа, а также ВВП на душу населения предстаёт перед нами в следующем виде.

Таблица 1

Арктические государства	ВВП на душу населения (USD)	Запасы природного газа (м ³)	Ожидаемая заинтересованность в судах с применением СПГ технологий
Канада	50,231	1,889,000,000,000	Существенная заинтересованность для внутренних и внешних перевозок
Дания	60,634	43,010,000,000	Бизнес с государственной поддержкой, потенциальный экспортёр технологий
Финляндия	49,541	0	Свое производство судов на СПГ (например, компания Wärtsilä) — потенциальный экспортер технологий
Исландия	52,111	0	Заинтересованность присутствует, но нет технологий
Норвегия	97,963	2,090,000,000,000	Очень высокая заинтересованность, наличие своих ресурсов, технологий и проектов
Россия	12,735	47,800,000,000,000	Заинтересованность официально не высказывается, нет технологий
Швеция	58,887	0	Заинтересованность в создании инфраструктуры для использования СПГ, потенциальный экспортёр технологий
США	54,629	8,734,000,000,000	Интересы бизнеса
Источник	World Bank ²	CIA ³	Brenntrø, Garcia Agis & Thirion [11]

В графическом виде данные предстают следующим образом:

² The World Bank. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (Accessed: 26 July 2015).

³ Central Intelligence Agency (CIA) The World Factbook: Proved reserves of natural gas by country (2014). Available at: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rank_order/2253rank.html (Accessed: 26 July 2015).

Как мы видим из таблицы и диаграммы выше, среди арктических государств существует несоответствие между объемами запасов природного газа и заинтересованностью в переходе на СПГ, например в России. Однако наличие высокого уровня ВВП предполагает высокий уровень заинтересованности в переходе на технологии с применением СПГ. В этой связи результаты использования ЭКК будут выглядеть следующим образом:

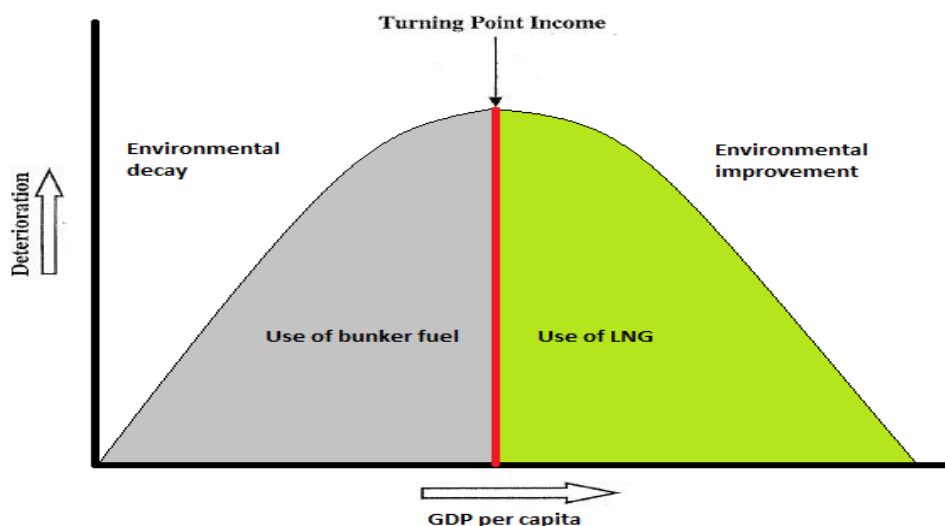

Рисунок 1. Результаты использования экологической кривой С. Кузнецца

В то же время, объём ВВП на душу населения не обязательно влечёт за собой заинтересованность стран в использовании технологий для СПГ. Например, ВВП Финляндии ниже, чем ВВП Исландии. Однако Финляндия более активна в развитии технологий для СПГ. По мнению автора, в такой ситуации определяющее значение имеет наличие технологий.

При использовании принципа регионального выбора ниш, упоминаемого О. Стокке [6, 2013], можно заметить, что такие страны, как Норвегия и Финляндия, то есть наиболее технологически продвинутые государства, могли бы играть роль поставщиков технологий для таких стран, как, например, Россия. В то же время Россию можно рассматривать как потенциального поставщика топлива. Возможности такого сотрудничества демонстрируют потенциальную благоприятную взаимозависимость в силу того, что финские и норвежские компании могут быть заинтересованы в России с её огромным потенциалом СПГ.

Модель взаимозависимости может быть представлена в виде светофора, где красный цвет обозначает потребителей; жёлтый — поставщиков технологий или ресурсов; зелёный — поставщиков ресурсов и технологий. Исходя из данных такой модели, мы можем предположить, что арктические государства, кроме Исландии, могут занять нишу поставщика технологий и/или ресурсов (Дания, Финляндия, Россия и Швеция) или же остаться самодостаточными в отношении технологий и ресурсов (Канада, Норвегия и США).

Таблица 2

Модель взаимозависимости

Страна	Потенциальная ниша	Аргументация	Источник
Канада	Поставщик технологий и ресурсов	Существуют свои суда на СПГ и инфраструктурные проекты (около 15 СПГ-терминалов в британской Колумбии)	ABC ⁴
Дания	СПГ - терминал, поставщик технологий	Отсутствие ресурсов, но развивается инфраструктура	Danish Maritime Authority ⁵
Финляндия	Поставщик технологий для СПГ - терминалов и строительства судов	Хорошо развитая инфраструктура и производство, но отсутствуют ресурсы	Danish Maritime Authority ⁵
Исландия	Потребитель топлива и технологий	Отсутствие ресурсов и инфраструктуры	Jónsdóttir [12, 2013]
Норвегия	Поставщик технологий и ресурсов	Большое количество месторождений природного газа, технологии для строительства терминалов и кораблей	Danish Maritime Authority
Россия	Поставщик ресурсов	Наличие месторождений газа, но отсутствие технологий	Paltsev [13, 2014]
Швеция	Поставщик технологий	Относительно развитая инфраструктура и технологии	Danish Maritime Authority
США	Поставщик технологий и ресурсов	СПГ терминал на Аляске, и несколько судов на СПГ	ABC

Возможность данной тенденции подкрепляется современным состоянием СПГ-индустрии в Европе (рис.2).

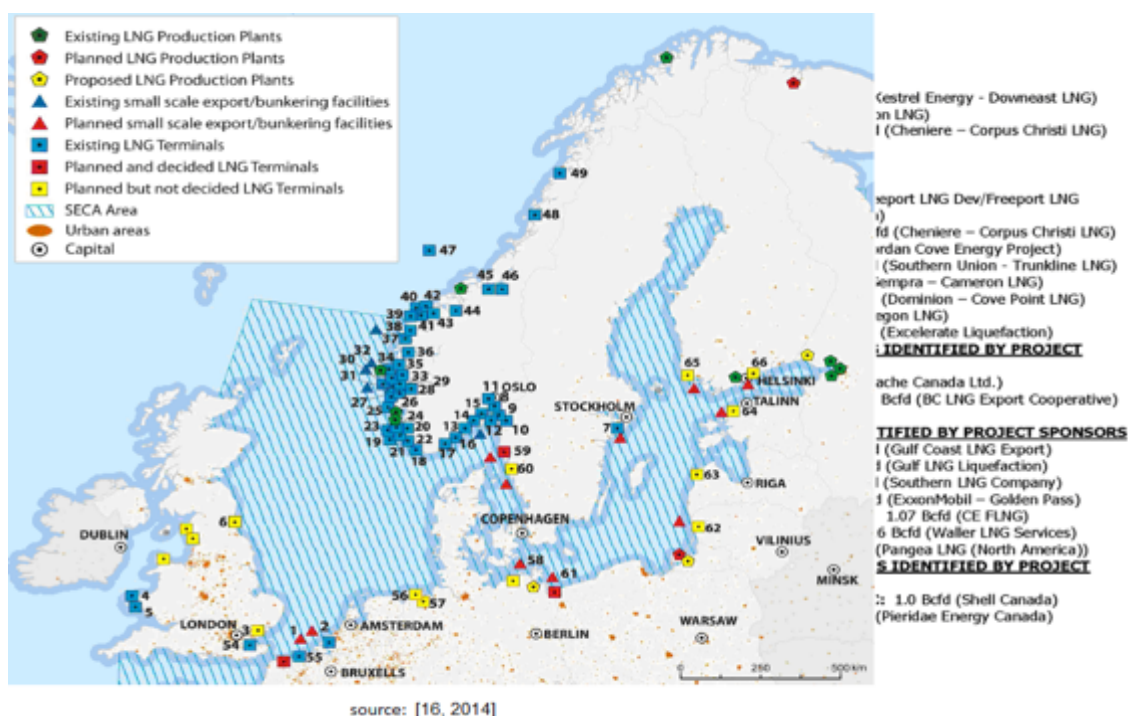
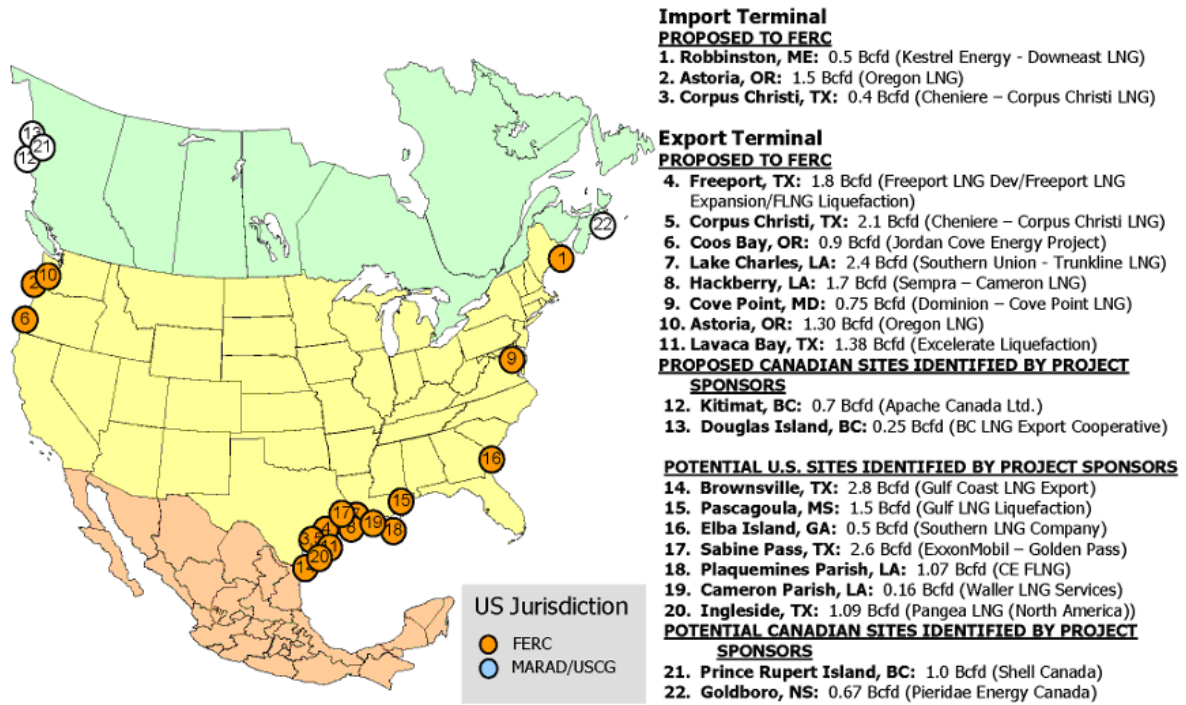

Рисунок 2. Схема СПГ-индустрии в Европе

⁴ ABS (2015). Bunkering of Liquefied Natural Gas-fueled Marine Vessels in North America. Available at: <http://ww2.eagle.org/content/dam/eagle/publications/2014/LNG%20Bunkering.pdf> (Accessed: 28 July 2015).

⁵ Danish Maritime Authority *North European LNG Infrastructure Project: A feasibility study for an LNG filling station infrastructure and test of recommendations*, 2014. Available from: http://www.dma.dk/themes/LNGInfrastructureproject/Documents/Final%20Report/LNG_Full_report_Mgg_2012_04_02_1.pdf (Accessed: 28 July 2015).

Одновременно, ситуация в СПГ-индустрии Северной Америки выглядит следующим образом (рис.3).

source: [29, 2012]

Рисунок 3. Схема СПГ-индустрии в США

Согласно сведениям Администрации Агентства по энергетической информации США ⁶ ситуация на Аляске следующая (рис.4).

Рисунок 4. Карта Аляски по СПГ-проектам

⁶ United States Energy Information Administration (2014) *Alaska*. Available at: <http://www.eia.gov/state/analysis.cfm?sid=AK> (Accessed: 28 July 2015).

Как мы видим, в канадской части Арктики значительные СПГ-проекты не реализуются, а на Аляске у США всего одно предприятие.

Ситуация в России выглядит примерно так же (рис. 5). Анализируя экспортные проекты России, профессор Michael Брэдшоу отмечал, что наибольший рост спроса на газ будет в Азии, но возникают проблемы цены, конкуренции СПГ и трубопроводного газа, СПГ-инфраструктурного развития [14, 2015].

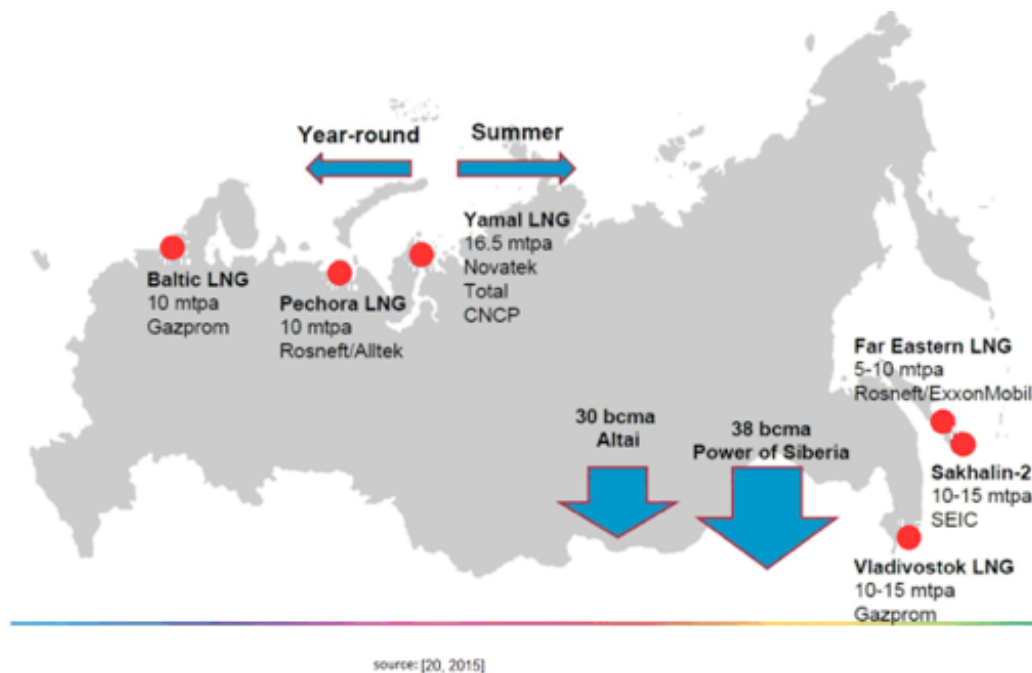

Рисунок 5. Схема СПГ-индустрии в России

В таких обстоятельствах Норвегия может быть «универсальным игроком», обладающим всеми важными факторами для будущего доминирования в развитии и применении технологий СПГ в области морского транспорта. Она же в перспективе возглавит стратификацию эффективности режима в силу наличия месторождений природного газа, судостроения с применением СПГ технологий и развитой инфраструктуры.

Экологические последствия

Исследователи В. Асёй и Д. Стенерсен [10, 2013] полагают, что использование СПГ в качестве основного вида топлива для морского транспорта в Арктике будет иметь чрезвычайно положительные экологические последствия не только с точки зрения сокращения выбросов CO₂, но также с точки зрения почти полной ликвидации выбросов азота и серой кислоты. В этой части мы остановимся на экологических аспектах арктического судоходства. СМП и СЗМП будут фигурировать исключительно в качестве примеров с целью продемонстрировать экологический эффект от перехода на СПГ.

По оценкам Международной Палаты Судоходства (ICS), танкер нефти производит 5,9 гр. CO₂ на тонну-км, балкер — 7,9 гр. CO₂ на тонну-км⁷. Таким образом, мы можем вычислить средний выброс с таких судов при их эксплуатации в Арктике — 6,9 г CO₂ на тонну-км: $(5,9 + 7,9) / 2 = 6,9$. Международная Палата Судоходства (2014) подсчитала, что среднее судно может перевезти 10 000—120 000 тонн дедвейта, а значит, средний дедвейт таких судов будет — 65 000 DWT: $(10\ 000 + 120\ 000) / 2 = 65\ 000$. Аналогичным образом мы можем вычислить среднее расстояние СМП, зная, что расстояние от Йокогамы (Япония) до Киркенеса (Норвегия) ровно 5 750 морских миль, а расстояние от Шанхая (Китай) до Киркенеса — 6 500 морских миль [5, 2015]: $(5\ 750 + 6\ 500) / 2 = 6\ 125$, что равно 11 343,5 км. Когда дело доходит до СЗМП, то «Энциклопедия Британника» указывает его расстояние в диапазоне 6 500—7 500 морских миль⁸. А это означает, что среднее расстояние будет следующим: $(6\ 500 + 7\ 500) / 2 = 7\ 000$ или 12 964 км.

Теперь, зная годовое количество судов, использующих каждый из маршрутов, мы можем вычислить средний годовой выброс CO₂ для каждого из них:

$$\begin{aligned} \text{CO}_2 \text{ emissions in tonnes for the NSR} &= \frac{\text{Annual number of ship cruises} \times 6.9 \text{ gr/tkm} \times 11,343.5 \text{ km} \times 65,000 \text{ dwt}}{1,000,000 \text{ gr}} \\ \text{CO}_2 \text{ emissions in tonnes for the NWP} &= \frac{\text{Annual number of ship cruises} \times 6.9 \text{ gr/tkm} \times 12,964 \text{ km} \times 65,000 \text{ dwt}}{1,000,000 \text{ gr}} \end{aligned}$$

В период 2011—2013 гг. ситуация выглядела следующим образом⁹ (табл. 3).

Таблица 3

Год	Количество навигаций по СМП	Количество навигаций по СЗМП	Общий объём выброса CO ₂ для СПМ (в тоннах)	Общий объём выброса CO ₂ для СЗМП (в тоннах)	Общий объём выброса CO ₂ для обоих маршрутов (в тоннах)
2011	41	7	208,589.95	40,700.48	249,290.43
2012	46	9	234,027.75	52,329.19	286,356.94
2013	71	8	361,216.74	46,514.83	407,731.57
Источник	NSRIO	McFarlane [15], Headland [16]	Вычисления выполнены автором на основе формул, приведенных выше		

⁷ International Chamber of Shipping (ICS) (2012) Shipping, world trade and the reduction of CO₂ emissions. Available at: <http://www.ics-shipping.org/docs/default-source/resources/environmental-protection/shipping-world-trade-and-the-reduction-of-co2-emissions.pdf?sfvrsn=6> (Accessed: 28 July 2015).

⁸ Enciclopædia Britannica (2015) Northwest passage. Available at: <http://global.britannica.com/place/Northwest-Passage-trade-route> (Accessed: 29 July 2015).

⁹ Не включены в расчёт яхты, поскольку они частично приводятся в движение парусами

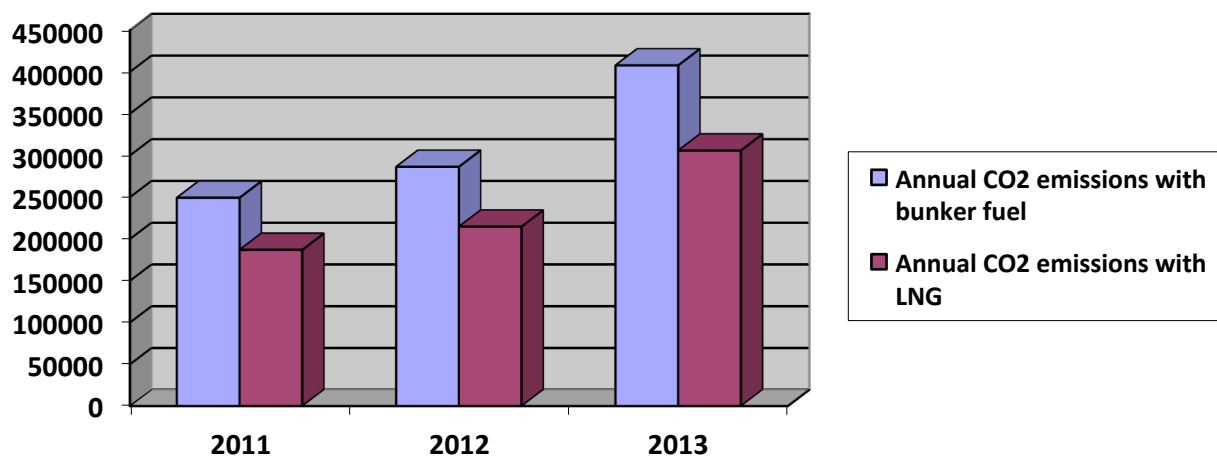
На данный момент, зная среднегодовые выбросы CO₂ от судов в Арктике и процент сокращения выбросов CO₂ после перехода на использование СПГ, мы можем проиллюстрировать последствия такого изменения, предполагая, что все суда были переведены на СПГ. В таком случае, согласно В. Асёй и Д. Стенерсен [10, 2013], выбросы CO₂ будут снижены на 25%. Сравнительный анализ арктических перевозок с использованием двух различных видов топлива может быть представлен следующим образом в таблице 4 и диаграмме.

Таблица 4

Год	Годовые объёмы выброса CO ₂ при использовании бункерного топлива (в тоннах)	Годовые объёмы выброса CO ₂ при использовании СПГ (в тоннах)
2011	249,290.43	186,967.82
2012	286,356.94	214,767.71
2013	407,731.57	305,798.68

Вычисления выполнены автором и представлены в предыдущей таблице

Вычисления выполнены автором и представлены в виде 25% от значений, представленных в колонке слева.

Даже если мы наблюдаем довольно значительное снижение диоксида углерода, Г. Петерс и другие исследователи [9, 2011] дают количественные доказательства того, что выбросы CO₂ в Арктике вносят незначительный вклад в таяние ледников региона. По мнению авторов, это связано, прежде всего, с тем, что арктические морские перевозки составляют менее 5% от мировых объёмов морских перевозок. Таким образом, несмотря на то, что региональный трафик растёт, морские перевозки в средних и низких широтах имеют большее влияние на высокие широты по причине возрастания арктической амплификации¹⁰.

¹⁰ От лат. amplification — расширение, распространение. Феномен арктической амплификации относится к более высокой скорости потепления в Арктике по сравнению с южными местностями. Исследование д-ра James Screen (University of Exeter) показало, что арктическая амплификация фактически снижает риск холодных экстремумов по всем большим участкам северного полушария. URL: <http://www.ecosibir.ru/news/4847/>. — Примечание редакции «АиС».

Точно так же, концентрация оксидов азота и серы, а также сажи, являющиеся побочными продуктами использования бункерного топлива, значительно снижаются после перехода на СПГ. В частности, В. Асёй и Д. Стенерсен [10, 2013] свидетельствуют о 90% сокращении NOx и 95% снижении SOx и черного углерода (BC). Такие учёные как, например, М. Винтер [17, 2014] в своих работах представляют статистические данные, показывающие выбросы каждого типа судна судов в соотношении на 1 кг топлива. Таким образом, мы можем рассчитать примерную годовую эмиссию этих веществ для высоких широт Арктики, зная расход топлива в день, а также среднее расстояние СМП и СЗМП выраженное в днях. Согласно данным NSRIO пройти СМП можно за 10—35 дней. Данную точку зрения поддерживает Дж. Макфарлейн [15, 2013], пишущий о 15— 35 днях, которые могут потребоваться для пересечения СМП. Таким образом, среднее число дней для пересечения СМП — 22,5; для СЗМП — 25. Согласно исследователям В. Асёй и Д. Стенерсен [10, 2013], средний объём эмиссии NOx на одно судно — 96,2 г/кг топлива, в то время как SOx — 31,5 г/кг топлива, а сажи — 0,35 г/кг топлива. И наконец, судно среднего тоннажа, работающее в Арктике, использует 150—225 тонн топлива в день, т.е. в среднем 187,5 т/сутки. Зная эти значения, мы можем вычислить среднегодовой выброс каждого компонента, используя следующие формулы:

NOx emissions in kg for the NSR	=	Annual number of ship cruises	×	187.5 t/day	×	22.5	×	1000	×	96.2 g/kg fuel
SOx emissions in kg for the NSR	=	Annual number of ship cruises	×	187.5 t/day	×	22.5	×	1000	×	31.5 g/kg fuel
BC emissions in kg for the NSR	=	Annual number of ship cruises	×	187.5 t/day	×	22.5	×	1000	×	0.35 g/kg fuel
NOx emissions in kg for the NWP	=	Annual number of ship cruises	×	187.5 t/day	×	25	×	1000	×	96.2 g/kg fuel
SOx emissions in kg for the NWP	=	Annual number of ship cruises	×	187.5 t/day	×	25	×	1000	×	31.5 g/kg fuel
BC emissions in kg for the NWP	=	Annual number of ship cruises	×	187.5 t/day	×	25	×	1000	×	0.35 g/kg fuel

Таблица 5

Years	Среднегодовые выбросы на СМП (кг)			Среднегодовые выбросы на СЗП (кг)		
	NOx	SOx	BC	NOx	SOx	BC
2011	16,639,593,750	5,448,515,625	60,539,062.5	3,156,562,500	1,033,593,750	11,484,375
2012	18,668,812,500	6,112,968,750	67,921,875	4,058,437,500	1,328,906,250	14,765,625
2013	28,814,906,250	9,435,234,375	104,835,937.5	3,607,500,000	1,181,250,000	13,125,000

Источник: Вычисления выполнены автором на основе формул, приведенных выше

Зная ежегодные выбросы для каждого маршрута, мы можем вывести общие объёмы выбросов для арктических территории (табл.6).

Таблица 6

Years	Средние годовые выбросы на обоих маршрутах (СМП и СЗП) (в кг)		
	NOx	SOx	BC
2011	19,796,156,250	6,482,109,375	72,023,437.5
2012	22,727,250,000	7,441,875,000	82,687,500
2013	32,422,406,250	10,616,484,375	117,960,937.5

Источник: Вычисления выполнены автором

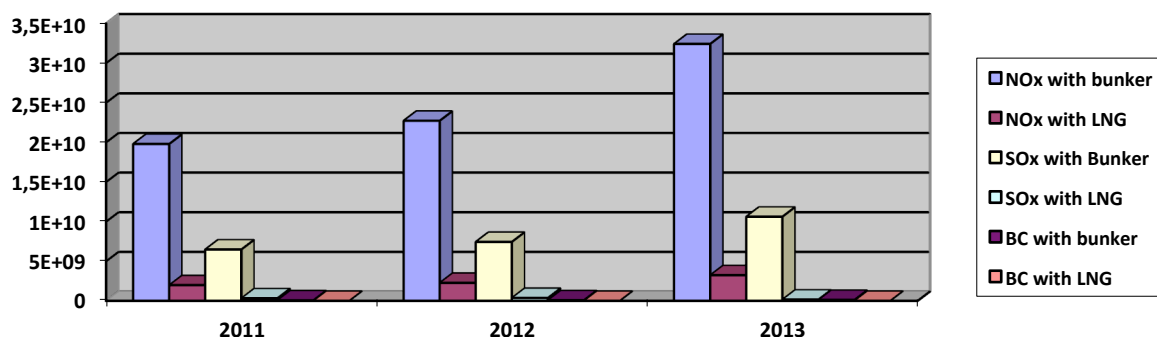
В. Асёй и Д. Стенерсен [10, 2013] в своей работе подсчитали процент сокращения выбросов для каждого загрязнителя. Теперь мы можем представить разницу между использованием бункерного топлива и СПГ в виде таблицы 7.

Таблица 7

Годы	Объёмы годовых выбросов при условии использования нефтепродуктов (в кг)			Объёмы годовых выбросов при условии использования СПГ (в кг)		
	NOx	SOx	BC	NOx	SOx	BC
2011	19,796,156,250	6,482,109,375	72,023,437.5	1,979,615,625	324,105,468.75	3,601,171.875
2012	22,727,250,000	7,441,875,000	82,687,500	2,272,725,000	372,093,750	4,134,375
2013	32,422,406,250	10,616,484,375	117,960,937.5	3,242,240,625	1,621,120,312.5	5,898,046.875

Источник: Калькуляция годовых объёмов выбросов для обоих маршрутов при условии использования СПГ в качестве топлива была проведена автором на основе данных, приведённых в работе Эсёй и Стенерсена [10, 2013].

Графически сокращение объёмов выбросов за счёт использования сжиженного природного газа (кг/год) является значительным:

Как мы видим, полное прекращение использования бункерного топлива и переход к СПГ может существенно повлиять на окружающую среду. Согласно Г. Петерсу [9, 2011], при смешивании морской воды, двуокиси углерода, азота и оксида серы наблюдается снижение pH, уменьшая уровень углерода. По мнению специалистов Океанографического института Вудс-Хоул (WHOI), это приводит не только к подкислению арктических морей, но влияет на водную жизнь¹¹. Планктон в Арктике наиболее уязвим. В Баренцевом море снижение объёмов планктона может привести к увеличению популяции мойвы, что в свою очередь приве-

¹¹ Woods Hole Oceanographic Institution (WHOI) (2007) Acid rain has a disproportionate impact on coastal waters. Available at: <http://www.whoi.edu/main/news-releases/2007?Tid=3622&cid=31286> (Accessed: 29 July 2015).

дёт к увеличению количества сельди и трески. Однако по этой же самой причине в последующие годы популяции всех трёх видов рыб могут значительно снизиться.

В то же время, однако, Г. Петерс [9, 2011] пишет о том, что выбросы оксидов серы и азота имеют второстепенное значение для экологии региона в силу незначительных объёмов арктического судоходства. Таким образом, наибольшее влияние на климат Арктики имеет чёрный углерод в виде сажи. М. Сэнд [18, 2013] в своей работе приводит доказательство постепенного уменьшения альбедо. Увеличение морского трафика и использование традиционных видов топлива в Арктике вызовет дальнейшее таяние льда и снега.

Тем не менее, перехода от нефтепродуктов к использованию СПГ недостаточно для общей победы над потеплением Арктики — это возможно только в случае, если все другие суда будут использовать СПГ в качестве топлива на постоянной основе.

Изменения в морском праве

Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS) не регулирует вопрос о переходе от бункерного топлива на использование СПГ. В то же время, статья 194 обязывает все государства предотвращать загрязнения. Точнее, пункт 3 статьи 194 настоятельно призывает государства принять меры для того, чтобы свести к минимуму «выброс токсических, вредных или ядовитых веществ ...», а также «загрязнения с судов ...», чтобы хрупкие и редкие экосистемы могли бы быть сохранены. Данная норма также относится к проектированию, строительству и эксплуатации морских судов. В связи с этим, переход от менее экологически чистого топлива (нефтепродукты) к более экологическим (СПГ) соответствует положениям основного документа, регулирующего морскую деятельность в Арктике.

Что касается попыток юридического решения проблем, вызывающих загрязнение морей и океанов, О. Дженсен [19, 2008] ссылается на Международную конвенцию по охране человеческой жизни на море, поправки к которой были приняты после случая с «Eхон Valdez». Поправки в основном касаются требований к корпусам судов, которые эксплуатируются в суровых климатических условиях. Основная идея поправок нашла своё отражение в Полярном Кодексе, принятом Международной морской организации (ИМО)¹². Полярный кодекс демонстрирует преемственность UNCLOS, так как раздел 8 конвенции непосредственно касается областей, покрытых льдом. Полярный кодекс более узконаправленный и касается также арктических перевозок. В статье 234 Конвенции по морскому праву лишь указывается

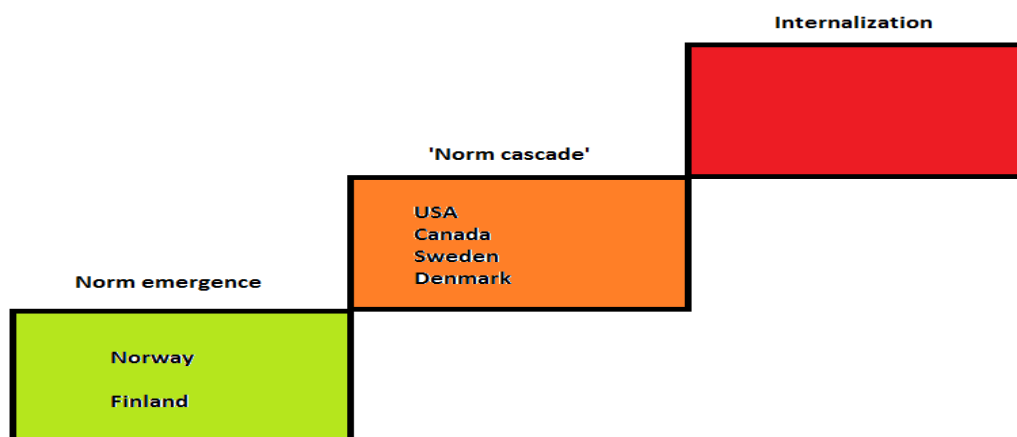
¹² Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный кодекс, МПК) принят ИМО в ноябре 2014 г. (1 часть) и мае 2015 г. (2 часть). Вступит в силу с 1 января 2017 года. Полярные воды включают как арктические, так и антарктические воды. — Примечание редакции АиС.

право прибрежных государств на то, чтобы «принять и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил предотвращения, сокращения и контроля загрязнений с морских судов».

Даже если Полярный кодекс был разработан специально для решения вопросов, связанных с перевозкой грузов в Арктике, он не затрагивает переход от использования бункерного топлива на СПГ. В то же время, глава 1 раздела «Меры предотвращения загрязнения» содержит положение о том, что утечка «нефти или нефтесодержащих смесей с любого судна должна быть предотвращена». Эта норма в идеале должна стимулировать государства использовать суда на СПГ по причине их большей экологической безопасности. Кроме того, Глава 6 Полярного кодекса призывает содержать суда в состоянии противостоять возможному ухудшению снежной и ледовой обстановки. В связи с этим В. Асёй и Д. Стенерсен [10, 2013] много пишут об особенностях использования сжиженного природного газа при низких температурах и делают вывод о том, что новое топливо подходит для арктических судов.

В общем, ни один из существующих в настоящее время международных правовых режимов не способен регулировать глобальный переход от использования нефтепродуктов к применению СПГ. В то же время такие страны, как Финляндия и Норвегия, активно продвигают этот новый вид топлива и технологии, связанные с ним, что в отдалённой перспективе может привести к тому, что всё большее количество стран последуют их примеру. Уже существуют правила перевозки грузов от 17 июля 2002 года № 644 для судов на СПГ. 9 сентября 2005 года вышли Правила № 1218 относительно строительства и эксплуатации газовых пассажирских судов. На сегодняшний момент Норвегия — лидер в этой области.

Если мы представим жизненный цикл этих норм, которые могли бы потенциально стать международными в соответствии с концепцией М. Финнемора и К. Сиккинга [7, 1998],

особенно с учетом заинтересованности таких стран, как США и Канада в строительстве судов на основе СПГ — технологий и соответствующей инфраструктуры, то всё это, с точки зрения теории жизненного цикла, можно рассматривать как процесс от этапа «каскадирования» до финальной стадии «интернационализации».

Тем не менее, окончательный переход от использования бункерного топлива на применение СПГ для морских перевозок в Арктике не представляется возможным без всеобщего признания данного вида топлива единственным (возможно, кроме ядерного топлива в случае с ледоколами) видом, разрешённым для использования в Арктике. А это, в свою очередь, будет означать конечный этап «интернационализации» в «жизненном цикле» нормы.

По мнению автора, в нынешних условиях увеличения арктического судоходства это станет возможным после перехода большинства стран, осуществляющих морские перевозки, на использование СПГ таким образом, чтобы эта норма стала частью национальной правовой традиции. При условии относительного дефицита природного газа в мире и наличии его крупнейших месторождений в России — стране, которая в настоящее время находится в условиях международных санкций, «интернационализация» является лишь отдалённой перспективой.

Заключение

Настоящая статья есть не что иное, как попытка рассмотреть вероятные последствия перехода от использования бункерного топлива, которое является основным для морских судов в Арктике, на применение СПГ.

Наиболее позитивные изменения такого перехода заметны в области экологии хотя бы потому, что это позволит практически полностью устранить выбросы оксидов азота и серы, а также сажи, которая считается одной из самых сильных угроз для альбедо в Арктике. Снижение и полное устранение концентрации чёрного углерода значительно замедлит арктическую амплификацию. Кроме того, снизятся выбросы CO₂ примерно на 25% от объёма выбросов углекислого газа, который зафиксирован в регионе в настоящее время.

В то же время, чёрный углерод считается веществом, устранение которого будет иметь наиболее благоприятный эффект на окружающую среду Арктики, поскольку остальные вещества (CO₂, NO_x и SO_x) не являются основной причиной быстрых негативных экологических изменений из-за их сравнительно низкой концентрации в атмосфере региона. Действительно, всеобщий переход от бункерного топлива на использование СПГ представляется нам единственной мерой, способной обеспечить глобальное позитивное влияние на эту проблему в

силу того, что океанские течения и воздушные массы могут переносить эти загрязнители из других регионов нашей планеты гораздо более эффективно, чем, например, сажа.

Помимо довольно предсказуемого положительного эффекта на окружающую среду, изменения в топливной политике могут повлечь за собой важные последствия для политической и правовой сфер. В частности, при помощи ЭКК удалось наглядно продемонстрировать ключевые группы интересов арктических государств при смене основного топлива для арктических перевозок, дополненные концепциями эффективного режима, благоприятной взаимозависимости и выбора ниш. Как свидетельствуют результаты проведённого исследования, Норвегия, имеющая ресурсы, технологии и инфраструктуру для развития СПГ-технологий, выигрывает больше других при переходе на СПГ. Исландия и Россия в настоящее время разрабатывают свою инфраструктуру и испытывают недостаток технологий. Этим государствам мог бы быть полезен опыт Норвегии, если не полностью, то частично. Канада и США находятся в более выгодной позиции, постепенно наращивая технологии и инфраструктуру, а также обладая необходимыми для этого ресурсами.

Ситуация складывается таким образом, что в то время, как некоторые страны могут похвастаться технологическими ноу-хау и готовностью их экспортировать, другие стремятся продать ресурсы, идеально подходящие для формирования системы благоприятной взаимозависимости, означающей взаимовыгодное сотрудничество и прогресс каждого из участников. Норвежская технологическая поддержка потенциально может способствовать развитию российской СПГ-промышленности. Однако, в современных условиях международной напряжённости в отношениях между Россией и Западом, такая модель благоприятной взаимозависимости не представляется возможной.

Правовые последствия перехода от использования бункерного топлива к СПГ представляются незначительными в условиях отсутствия соответствующих норм. Ни Конвенция ООН по морскому праву, ни Полярный кодекс, то есть ни один из основополагающих документов, посвящённых морскому транспорту в Арктике, не содержат норм, которые бы могли быть интерпретированы как потенциально относящиеся к использованию СПГ. Упомянутые документы частично охватывают вопросы экологической безопасности, в правовом отношении они способны только решить проблемы разлива нефтепродуктов. В связи с этим существует необходимость разработки, принятия международной нормы относительно загрязнения, не связанного с разливами нефти. Кроме того, очень специфические конструкции судов на СПГ должны получить своё отражение в международном праве. Можно воспользоваться опытом Норвегии, которая является пионером в принятии правовых документов, регламен-

тирующих деятельности судов на СПГ топливе: Правила № 644 и № 1218. Если воспользоваться терминологией теории «жизненного цикла», то можно утверждать, что норвежский опыт способен подтолкнуть «каскадирование нормы», то есть её распространение среди других государств и способствовать её «интернационализации».

Литература

1. Jane Beitler. *Arctic sea ice extent settles at record seasonal minimum*. Available at: <http://nsidc.org/arcticseaicenews/2012/09/arctic-sea-ice-extent-settles-at-record-seasonal-minimum/> (Accessed: 19 September 2012).
2. Schøyen, H. & Bråthen, S. The Northern Sea Route versus the Suez Canal: Cases from bulk shipping, *Journal of Transport Geography*, 2011, 19 (4), pp. 977—983.
3. Ragner, C.L. The Northern Sea Route. In: Hallberg, T. ed. *Barents — ett gränsland i Norden*. Stockholm: Arena Norden, 2008. pp. 114—127.
4. Humpert, M. *The Future of Arctic Shipping: A New Silk Road for China?* Available at: <http://www.thearcticinstitute.org/2013/11/the-future-of-arctic-shipping-new-silk.html> (Accessed: 19 July 2015).
5. David Miller. *WWF study supports to phase out use of heavy fuel oil for Arctic shipping*. Available at: <http://wwf.panda.org/?247494/WWF-study-supports-need-to-phase-out-use-of-heavy-fuel-oil-for-Arctic-shipping> (Accessed: 17 July 2015).
6. Stokke, O.S. Regime Interplay in Arctic Shipping Governance: Explaining Regional Niche Selection, *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*, 2013. 13 (1), pp. 65—85.
7. Finnemore, M. & Sikkink, K. International Norm Dynamics and Political Change, *International Organization*, 1998. No. 52 (4), pp. 887—917.
8. Saboori, B. & Sulaiman, J. Environmental Degradation, Economic Growth and Energy Consumption: Evidence of the Environmental Kuznets Curve in Malaysia, *Energy Policy*, 2013. No. 60 (3), pp. 892—905.
9. Peters, G.P. et al Future emissions from oil, gas, and shipping activities in the Arctic, *Atmospheric Chemistry and Physics Discussions*, 2011. No. 11 (2), pp. 4913—4951, DOI: 10.5194/acpd-11-4913-2011 (Accessed: 24 July 2015).
10. Asøy, V. & Stenersen, D. Low Emission LNG Fuelled Ships for Environmental Friendly Operations in Arctic Areas. In *Proceedings of the International Conference on Offshore Mechanics and Arctic Engineering*, Nantes, France, 9—14 June 2013. Trondheim, Norway: MARINTEK.
11. Brennrø, J., Garcia Agis, J.J. & Thirion, A. (2013). *Use of LNG in the Maritime Transport Industry*. Available at: <http://www.ipt.ntnu.no/~jsg/undervisning/naturgass/oppgaver/Oppgaver-2013/13Brenntroe.pdf> (Accessed: 26 July 2015).
12. Jónsdóttir, G.J. (2013) *LNG as a ship fuel in Iceland*, Dissertation (MA), Reykjavik University, Skemman. Available at: http://skemman.is/stream/get/1946/16103/37689/1/LNG_as_a_ship_fuel_in_Iceland.pdf (Accessed: 28 July 2015).
13. Paltsev, S. Scenarios for Russia's natural gas exports to 2050, *Energy Economics*, 2014. No. 42 (3), pp. 262—270.

14. Russia as a Natural Gas Supplier to the Asia-Pacific Region: A Conversation with Dr. Michael Bradshaw. Available at: <https://www.asiapacific.ca/blog/russia-natural-gas-supplier-asia-pacific-region-conversation> (Accessed: 28 July 2015).
15. MacFarlane, J.M. (2013) *A List of the Full Transits of the Canadian Northwest Passage*. Available at: http://nauticapedia.ca/Articles/NWP_Fulltransits.php (Accessed: 24 July 2015).
16. Headland, R.K. (2013) *Transits of the Northwest Passage to the end of the 2012 navigation season recorded by R.K. Headland*. Available at: <http://northwestpassage2013.blogspot.no/2013/05/transits-of-northwest-passage-to-end-of.html> (Accessed: 29 July 2015).
17. Winther, M., et al. Emission inventories for ships in the Arctic based on satellite sampled AIS data, *Atmospheric Environment*, 2014.No. 91 (4), pp. 1—14.
18. Sand, M., Berntsen, T.K., Seland, O. & Kristjansson, J.E. Arctic surface temperature change to emissions of black carbon within Arctic or midlatitudes. *Journal of geographical research: Atmospheres*, 2013. No. 118 (14), pp. 7788—7798.
19. Jensen, Ø. Arctic shipping guidelines: Towards a legal regime for navigation safety and environmental protection? *Polar record*, 2008. No. 44 (229), pp. 107—114.

References

1. Beitler J *Arctic sea ice extent settles at record seasonal minimum*. Available at: <http://nsidc.org/arcticseaicenews/2012/09/arctic-sea-ice-extent-settles-at-record-seasonal-minimum/> (Accessed: 19 September 2012).
2. Schøyen, H., Bråthen, S. The Northern Sea Route versus the Suez Canal: Cases from bulk shipping, *Journal of Transport Geography*, 2011, 19 (4), pp. 977—983.
3. Ragner, C.L. The Northern Sea Route. In: Hallberg, T. ed. *Barents — ett gränsland i Norden*. Stockholm: Arena Norden, 2008. pp. 114—127.
4. Humpert, M. *The Future of Arctic Shipping: A New Silk Road for China?* Available at: <http://www.thearcticinstitute.org/2013/11/the-future-of-arctic-shipping-new-silk.html> (Accessed: 19 July 2015).
5. Miller D. *WWF study supports to phase out use of heavy fuel oil for Arctic shipping*. Available at: <http://wwf.panda.org/?247494/WWF-study-supports-need-to-phase-out-use-of-heavy-fuel-oil-for-Arctic-shipping> (Accessed: 17 July 2015).
6. Stokke O.S. Regime Interplay in Arctic Shipping Governance: Explaining Regional Niche Selection, *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*, 2013. 13 (1), pp. 65—85.
7. Finnemore M., Sikkink, K. International Norm Dynamics and Political Change, *International Organization*, 1998. No. 52 (4), pp. 887—917.
8. Saboori B., Sulaiman J. Environmental Degradation, Economic Growth and Energy Consumption: Evidence of the Environmental Kuznets Curve in Malaysia, *Energy Policy*, 2013. No. 60 (3), pp. 892—905.
9. Peters G.P. et al Future emissions from oil, gas, and shipping activities in the Arctic, *Atmospheric Chemistry and Physics Discussions*, 2011. No. 11 (2), pp. 4913—4951, DOI: 10.5194/acpd-11-4913-2011 (Accessed: 24 July 2015).

10. Asøy V., Stenersen, D. Low Emission LNG Fuelled Ships for Environmental Friendly Operations in Arctic Areas. In *Proceedings of the International Conference on Offshore Mechanics and Arctic Engineering*, Nantes, France, 9—14 June 2013. Trondheim, Norway: MARINTEK.
11. Brennrø J., Garcia Agis J.J., Thirion, A. *Use of LNG in the Maritime Transport Industry*. Available at: <http://www.ipt.ntnu.no/~jsg/undervisning/naturgass/oppgaver/Oppgaver-2013/13Brenntroe.pdf> (Accessed: 26 July 2015).
12. Jónsdóttir G.J. (2013) *LNG as a ship fuel in Iceland*, Dissertation (MA), Reykjavik University, Skemman. Available at: http://skemman.is/stream/get/1946/16103/37689/1/LNG_as_a_ship_fuel_in_Iceland.pdf (Accessed: 28 July 2015).
13. Paltsev S. Scenarios for Russia's natural gas exports to 2050, *Energy Economics*, 2014. No. 42 (3), pp. 262—270.
14. Russia as a Natural Gas Supplier to the Asia-Pacific Region: A Conversation with Dr. Michael Bradshaw. Available at: <https://www.asiapacific.ca/blog/russia-natural-gas-supplier-asia-pacific-region-conversation> (Accessed: 28 July 2015).
15. MacFarlane J.M. *A List of the Full Transits of the Canadian Northwest Passage*. Available at: http://nauticapedia.ca/Articles/NWP_Fulltransits.php (Accessed: 24 July 2015).
16. Headland R.K. *Transits of the Northwest Passage to the end of the 2012 navigation season recorded by R.K. Headland*. Available at: <http://northwestpassage2013.blogspot.no/2013/05/transits-of-northwest-passage-to-end-of.html> (Accessed: 29 July 2015).
17. Winther M., et al. Emission inventories for ships in the Arctic based on satellite sampled AIS data, *Atmospheric Environment*, 2014.No. 91 (4), pp. 1—14.
18. Sand M., Berntsen T.K., Seland O., Kristjansson J.E. Arctic surface temperature change to emissions of black carbon within Arctic or midlatitudes. *Journal of geographical research: Atmospheres*, 2013. No. 118 (14), pp. 7788—7798.
19. Jensen Ø. Arctic shipping guidelines: Towards a legal regime for navigation safety and environmental protection? *Polar record*, 2008. No. 44 (229), pp. 107—114.

Рецензент: Смирнов Сергей Владимирович,
директор Ассоциации поставщиков
нефтегазовой промышленности «Созвездие»

УДК 338.12.017

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.72

Новый экономический кризис: региональная проекция

© **Сушко** Ольга Петровна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: osushko@mail.ru.

© **Телегин** Николай Борисович, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учёта Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова

E-mail: n.telegin@narfu.ru

Аннотация. Экономическое положение в России под влиянием многочисленных факторов продолжает усугубляться. Анализ экономического состояния Архангельской области за период с 1999 по 2015 гг. показывает более раннее проявление негативных явлений экономического спада. В настоящее время более остро кризис проявляется в снижении инвестиций, повышении безработицы, колебании цен на некоторую отраслевую продукцию. Прогноз до конца 2015 года и на 2016 год не вселяет оптимизма.

Ключевые слова: экономика, кризис, Архангельская область, обрабатывающие отрасли, цены, динамика торговли, инвестиции.

The new economic crisis: a regional projection

© **Olga P. Sushko**, Candidate of Economics, Senior lecturer at the Department of Economics of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: o.sushko@narfu.ru

© **Nikolay B. Telegin**, Candidate of Economics, Associated professor at the Department of Accounting and Audit of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: n.telegin@narfu.ru

Abstract. The economic situation in Russia continues to worsen because of multiple factors. Analysis of the economic situation of the Arkhangelsk region 1999—2015 reveals an earlier manifestation of the negative effects of the economic recession. Currently, the crisis is manifesting itself in the reduction of investment, increase in unemployment rates, fluctuations of prices for some industrial products. Also the forecast for the end of the year 2015 and for 2016 is not encouraging.

Keywords: economy, crisis, Arkhangelsk region, the processing industry, the prices, the dynamics of trade, investments

Введение

Экономическая ситуация в России остаётся напряжённой. Можно назвать несколько причин экономического кризиса и его последствий. Низкие цены на нефть на мировом рынке, снижающийся курс рубля к основным конвертируемым валютам, экономические санкции Запада и ответное российское продовольственное эмбарго, падение акций ведущих российских компаний на фондовой бирже, кредитная политика Центробанка РФ, политический конфликт между Россией и Украиной и другие детерминанты усугубляют продолжающуюся рецессию. Но действительно ли экономическое положение в стране и в регионах настолько тяжёлое, что можно назвать ситуацию кризисной?

Актуальность данной темы определила цель исследования, заключающуюся в анализе современного состояния экономики Архангельской области. В этой статье мы рассмотрим экономическое состояние Архангельской области, оперируя фактическими данными за длительный период, начиная с 1999 года. Более детально проанализированы статистические показатели последних лет (2009—2015 гг.), поскольку именно в данный период времени происходило восстановление экономики между последними кризисными периодами.

Объектом исследования данной статьи стала экономика Архангельской области, для анализа которой использовались математические методы анализа, основанные на точных исходных данных, измерениях и оценках. Используются официальные статистические публикации территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и другие открытые источники.

Результаты исследования

Начнём с того, что ситуация в экономике развивается не по правилам, которые характерны для предыдущих кризисов 1998 г. и 2008—2009 гг., когда воздействие на экономику было сильным, но относительно недолгим. Прежде всего, кризис негативно воздействует на развитие промышленности, и объёмы выпуска продукции в основных отраслях замедляются. Обратный эффект наблюдался в кризисный 2014 год, когда промышленное производство в целом по России выросло на 1,7%. Данный рост обеспечивался благодаря выпуску обрабатывающих отраслей, которым помогла девальвация и расширение возможностей импортозамещения. Но если в целом по России промышленное производство имеет позитивную динамику, то в Архангельском регионе ситуация в обрабатывающих отраслях имеет разную динамику (рис. 1 и 2). Так, производство строительных материалов и продукции для машиностроительной отрасли имеет положительную трендовую динамику выпуска с 2009 г. по первый квартал 2015 г. Иная ситуация в деревообрабатывающей отрасли, в которой выпуск

продукции начался замедляться ещё до наступления последнего кризиса. В 2012 г. выпуск продукции упал на 7% по сравнению с 2011 г. Напротив, в 2014 году объём выпуска лесоматериалов вырос по сравнению с 2013 годом.

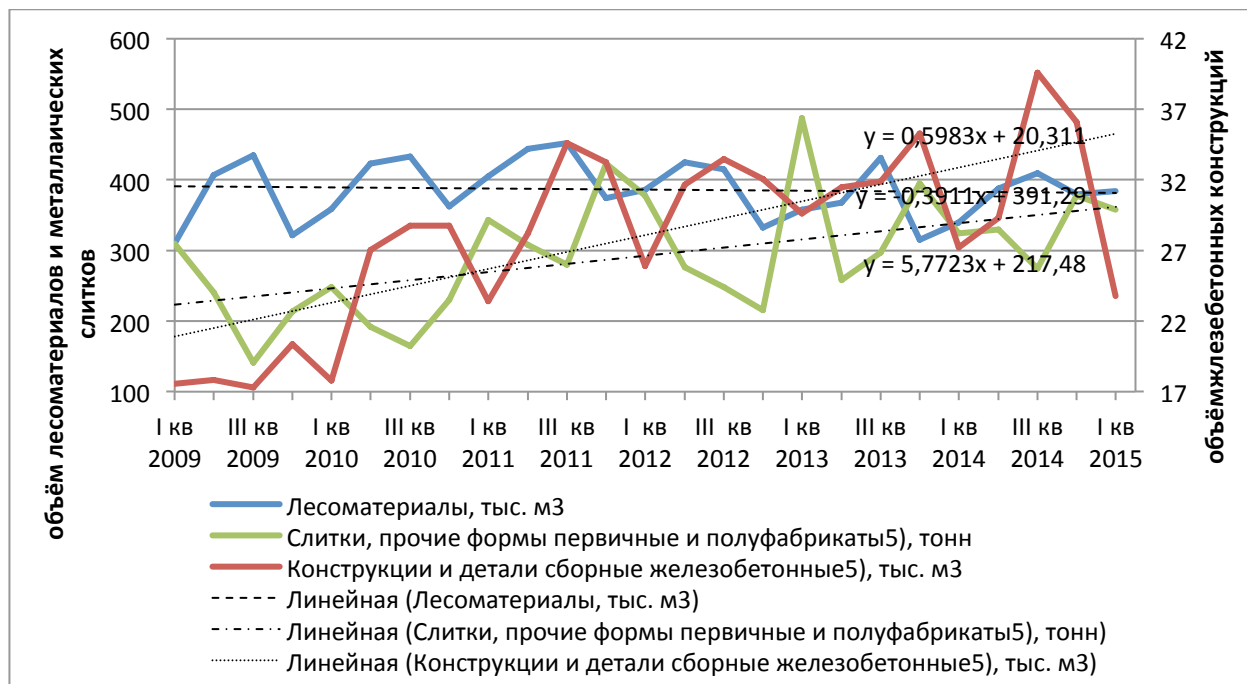

Рис.1. Квартальная динамика выпуска продукции промышленных отраслей с прогнозом на четыре квартала в Архангельском регионе. URL: <http://arhangelskstat.gks.ru/>

Такая же неравномерная динамика производства наблюдается в пищевой отрасли.

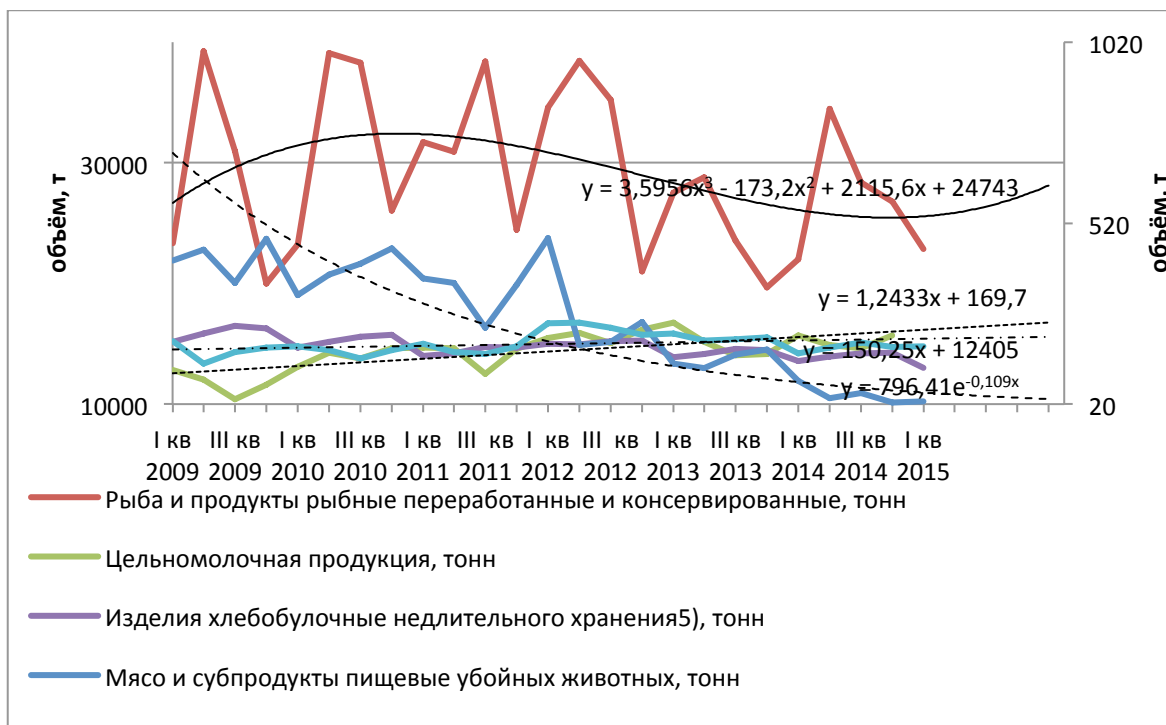

Рис. 2. Квартальная динамика выпуска продукции пищевой отрасли с прогнозом на четыре квартала в Архангельском регионе

Прирост выпуска продукции в 2014 год наблюдается по молочной (+1,2% по сравнению с 2013 г.), рыбной (+12,1%) отраслям. Выпуск хлеба и хлебобулочных изделий в 2014 г.

снизился на 4%, но данное снижение наблюдалось и в 2013 г. (на 5%), что нельзя связать с причинами кризиса 2014—2015 гг. Более печальная ситуация наблюдается по выпуску мясной продукции (табл. 1), где снижение выпуска продукции происходит на протяжении последних шести лет. В 2013 году выпуск продукции мясоперерабатывающей отрасли упал почти в 2 раза по сравнению с 2012 годом, а в 2014 году — в 3 раза к уровню 2013 года.

Таблица 1

Выпуск продукции пищевой отрасли в Архангельском регионе

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Мясо и субпродукты пищевые убойных животных, тонн	1 695	1 557	1 302	1 100	580	195
Рыба и продукты рыбные переработанные и консервированные, тонн	113 551	126 663	125 486	129 281	99 542	111 614
Цельномолочная продукция, тонн	46 867	55 811	56 439	62 650	60 149	60 878
Изделия хлебобулочные недлительного хранения, тонн	63 822	61 208	57 609	60 470	571 334	55 951
Изделия хлебобулочные длительного хранения, полуфабрикаты хлебобулочные, тонн	665	665	688	929	813	707

Источник: Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Архангельской области

В трендовой динамике цен на продукцию промышленной и пищевой отраслей, наблюдаемой с 1999 года, происходят периодические колебания, но в целом трендовая составляющая имеет отрицательное значение и значительного прироста цен производителей в период 2014—2015 гг. не зафиксирован¹ (рис. 3).

Рис. 3. Динамика цен продукции обрабатывающей и пищевой отраслей в Архангельском регионе с 1999 г. по 2015 г.

¹ Социально-экономическое положение Архангельской области без Ненецкого автономного округа за январь-сентябрь 2015 года. URL: http://arhangelskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/arhangelskstat/resources/333478004a4a3c93b076f8758571d025/DocIN09.pdf (дата обращения: 09.11.2015).

Скорее всего, значительный рост цен в 2015 году будет зафиксирован на конечную продукцию в торговой отрасли и на продукцию производителей в последующем периоде, если продолжится стагнация экономики. Но прогнозы по темпам инфляции Министерства финансов и Министерства экономического развития весьма позитивны и расходятся незначительно (10—11,5% и 11,9% соответственно). В отличие от цен производителей потребительские цены в 2014 году значительно выросли. Так, индекс цен на продовольственные товары составил в декабре 2014 года 119,9%, на непродовольственные товары — 108,7%, услуги — 110,8%².

В течение 2013—2015 гг. торговая отрасль Архангельской области имеет положительную динамику развития, несмотря на кризисный период и усиление стагнации в экономике России. Оборот розничной торговли за 2014 год вырос на 3,2% по сравнению с 2013 годом и составил 200,5 млрд. руб. Благоприятная ситуация в данной сфере важна для экономики области, так как доля торговой отрасли в структуре формирования валового регионального продукта региона составляет 11,7%³. При этом финансовое состояние большинства предприятий торговли остаётся устойчивым. Аппроксимация данных по объёму торговли Архангельской области показывает положительную динамику и на следующий год.

Таким образом, в целом можно говорить об отсутствии катастрофического положения в промышленности Архангельского региона в период 2014—2015 гг. и о более раннем проявлении негативных явлений экономического спада. Можно было бы радоваться установленным результатам в производственном выпуске продукции, росте торгового оборота, небольших колебаниях цен на продукцию разных отраслей, но всех интересует, что следует ожидать в краткосрочной перспективе. Для пищевой промышленности и экспортно-сырьевых отраслей, получивших выгоды от девальвации, падение, возможно, будет, но будет более умеренным. Гораздо сложнее придётся менее конкурентоспособным отраслям, особенно машиностроению, сельскому хозяйству, инновационным отраслям, которые пострадают сильнее, как и в прошлый кризис 2008 года [1]. Поскольку для удержания достигнутых позитивных результатов или исправления отрицательного положения в последующий период нужны инвестиции и технологии, которых нет, продолжают снижаться или оставаться недосягаемыми, а спрос на продукцию тем временем сжимается из-за падения доходов населения, что неизбежно приведет к снижению потребления.

² Торговля Архангельской области. URL: <http://dvinaland.ru/economics/-5c79agd9> (дата обращения: 02.06. 2015).

³ Там же.

Резюмируем, что для «правильного кризиса» характерно снижение капитальных инвестиций, бюджета и доходов населения. Статистика же показывает, что и здесь новый кризис не нанёс глобального удара в 2014 году по деньгам региона: бюджетным, инвестиционным и доходам населения. Это характерно для Архангельской области, так как по остальным регионам России картина иная. В силу ряда объективных причин регионы РФ находятся на различных уровнях экономического развития, как это отмечалось и ранее [2, с.221]. В тех регионах, где наблюдается дестабилизация бюджетов, следует отметить, что началась она не в прошлом кризисном году, а в 2012—2013 гг., когда сократились поступления налога на прибыль и федеральные трансферты. Поэтому в 2013 году дефицит бюджетов регионов вырос до 642 млрд. руб., то есть почти в три раза, а «к декабрю 2014 года общий региональный долг вырос до 2,1 трлн рублей и достиг трети от собственных доходов бюджетов регионов (без учета трансфертов). В половине регионов долговая нагрузка намного выше — от 50% до 130% собственных доходов. Только самые богатые регионы (Москва, Тюменская и Сахалинская области, нефтегазодобывающие автономные округа) пока способны проводить сбалансированную бюджетную политику» [3].

Анализируя экономические итоги Архангельской области за 2014 год, наблюдаем другую ситуацию: прирост налоговых поступлений от организаций на 9% по сравнению с 2013 годом и от физических лиц на 6% (рис. 4). Но если динамика поступлений налоговых платежей физических лиц с 1999 года позитивна, то предприятия уплачивают налог с прибыли неравномерно. Сильное снижение здесь произошло в 2013 году (на 11% по сравнению с 2012 годом).

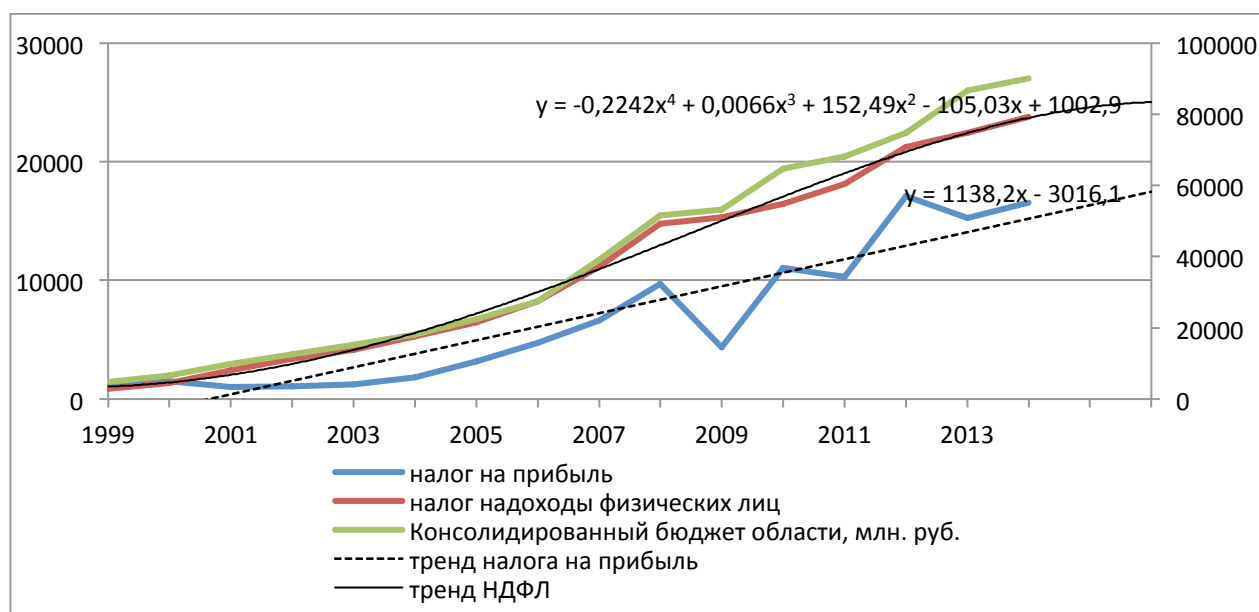

Рис. 4. Бюджет Архангельского региона с 1999 г. по 2015 г.

В инвестиционных вложениях в основной капитал, без которых невозможны интенсивный и экстенсивный экономический рост, наблюдается падение с 2013 года, то есть и здесь стагнация проявилась раньше влияния последних кризисных факторов, о чём свидетельствуют данные приведённые нами в таблице 2.

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал Архангельской области

Год	Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	Изменение к предыдущему периоду, %	Год	Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	Изменение к предыдущему периоду, %
1999	4 018		2007	130 642	147,8
2000	10 471	260,6	2008	145 622	111,5
2001	15 114	144,3	2009	74 284	51,0
2002	23 809	157,5	2010	99 686	134,2
2003	28 629	120,2	2011	134 722	135,1
2004	32 657	114,1	2012	162 514	120,6
2005	47 710	146,1	2013	157 276	96,8
2006	88 413	185,3	2014	148 129	94,2

Источник: Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Архангельской области

По мнению макроэкономических аналитиков, мнение которых совпало с позицией Минэкономразвития России, отечественная экономика достигнет дна к концу 2015 года, но в инвестициях и промышленности ожидается более глубокий спад⁴. Следовательно, в национальной промышленности и дальше будет продолжаться снижение выпуска продукции и производительности труда. И в первую очередь это затронет регионы с низкой инвестиционной привлекательностью. Архангельская область имеет невысокий инвестиционный рейтинг, а значит, следует ожидать ещё большее снижение инвестиций с последующим спадом в промышленном производстве.

Кризисные явления в экономике всегда сопровождаются ростом безработицы и бедности. Самый быстрый и доступный резерв сокращения затрат для предприятий и организаций в условиях кризиса — это сокращение персонала. Как отмечал известный экономист Абел Аганбегян: «Сокращение численности ведет к увеличению безработицы, снижению реальных доходов большой группы семей, и, таким образом, *финансово-экономический кризис на глазах перерастает в социальный*. Ухудшение условий жизни людей в период кризиса происходит не только из-за значительного роста числа безработных, но и из-за экономии на заработной плате и других доходах с целью снижения затрат и просто с уменьшением дохо-

⁴ Экономисты Citi заявили о прохождении дна в российской экономики. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55b8d9749a794761f795b6e5> (дата обращения: 02.06.2015).

дов малого и среднего бизнеса, сокращением дивидендов и предпринимательского дохода в крупных корпорациях» [4].

Для сегодняшнего кризиса занятость населения и безработица могут и не проявляться в связи с наложением демографических явлений. Сокращение рабочей силы в России, наблюдаемое давно в связи со снижением рождаемости и ростом населения пенсионного возраста, нивелируется миграционным притоком дешёвой рабочей силы из стран СНГ. Для рынка труда Архангельской области характерна длительная негативная тенденция повышения уровня безработицы, которая проявилась значительно раньше последних кризисных последствий. Снижение числа занятого населения в нашей области наблюдается с 2006 года. Уровень безработицы после минимального значения в 2012 году постоянно повышается, и в 2014 году достиг 44,3 тыс. чел. (рис. 5). Таким образом, безработица в Архангельской области в 2014 году превысила значение 7%, что значительно выше среднероссийского уровня безработицы в России (4,8%).

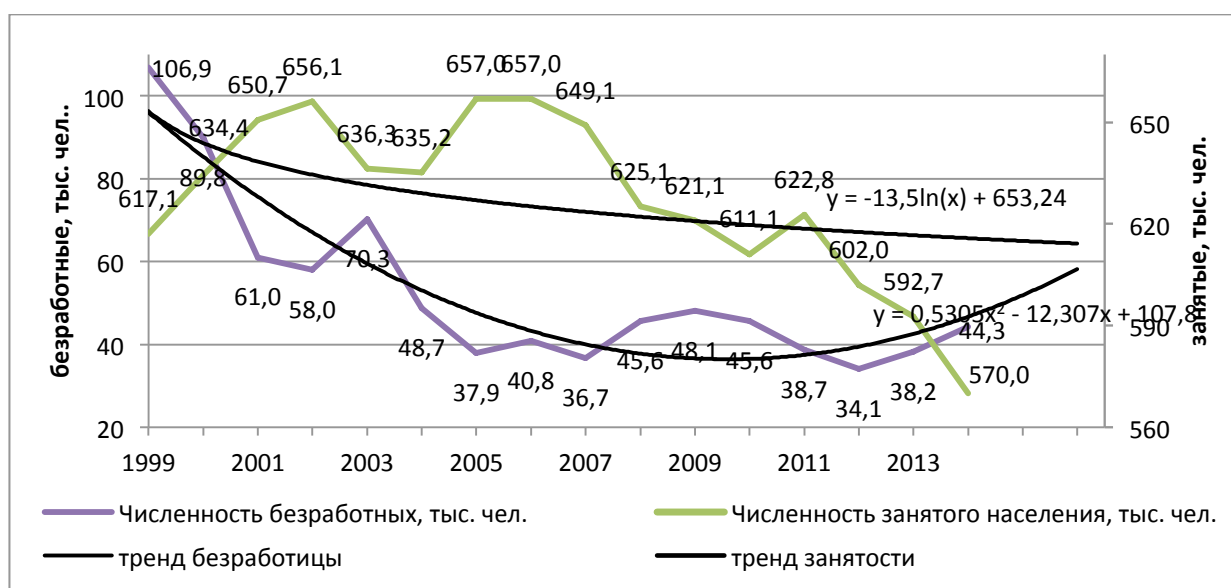

Рис.5. Численность занятых и безработных в Архангельской области с 1999 г. по 2015 г.
Источник: Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Архангельской области.

Заключение

Анализ статистических данных показал, что ожидания сильного спада в экономике Архангельской области в 2014—2015 гг. не оправдались, хотя и наблюдается напряжённость в инвестиционном развитии региона.

Снижение численности занятого населения в регионе продолжается на протяжении последних пятнадцати лет и не связано с новым экономическим кризисом. Настоящий экономический кризис имеет иной характер, более медленный и длительный.

Исследование экономической динамики региона с 1999 года по 2015 год показывает, что причины стагнации экономики более глубокие. Наложение последних многочисленных факторов на институциональные изменения в экономике могут привести к более негативным кризисным последствиям с отложенным временным лагом.

Поэтому нужна инновационная программа преобразования экономики и государственная поддержка, направленная на развитие современной инфраструктуры (технопарков, производственных площадок, кластеров), введение налоговых каникул для менее конкурентоспособных и защищённых от импорта отраслей, создание особых условий для регионов.

Однако позитивных изменений в динамике основных кризисных детерминант пока не наблюдается. Следовательно, ожидать экономического роста и положительного социально-экономического развития в 2015—2016 гг. не стоит. Некоторое ослабление в развитии кризисных явлений возможно уже в конце 2015 года, что скажется в замедлении инфляции и темпов снижения потребления.

Литература

1. Абрамов А., Апевалова Е., Астафьева Е. и др. Кризисная экономика современной России: тенденции и перспективы / ред. Е. Т. Гайдар. М.: Проспект, 2010. 656 с.
2. Корчагин Ю.А. Современная экономика России / Ю.А. Корчагин. 2-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 670 с.
3. Зубаревич Н. Кризис в регионах: настало время платить за «Крымнаш». URL: <https://slon.ru/insights/1218531/> (дата обращения: 14.09.2015).
4. Аганбегян А. Кризис. Беда и шанс для России. М.: АСТ, 2009.

References

1. Krizisnaya ekonomika sovremennoj Rossii: tendencii i perspektivy / E.T. Gajdar. M.: Prospekt, 2010. 656 s.
2. Korchagin Yu. A. Sovremennaya ekonomika Rossii / Yu.A. Korchagin. 2e izd., dop.i pererab. Rostov n/D.: Feniks, 2008. 670 s.
3. Zubarevich N. Krizis v regionax: nastalo vremya platit za «Krymnash». URL: <https://slon.ru/insights/1218531/> (Accessed: 14.09.2015).
4. Aganbegyan A. Krizis. Beda i shans dlya Rossii. M.: AST, 2009.

Рецензент: Пластинин Александр Викторович,
доктор экономических наук, профессор

УДК 327.56/327.57

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.81

Арктика как пространство для междисциплинарности, устойчивого развития и мира

© Хейнинен Ласси, доктор наук (PhD), профессор Arctic Politics (2013) в Университете Лапландии, Финляндия. Является главой тематической сети по изучению геополитики и безопасности и редактором Арктического ежегодника. Преподает в иностранных вузах и осуществляет работу с докторантами из университетов северных стран. Его исследования охватывают международные отношения, геополитику и изучение вопросов безопасности. Является автором более чем 200 научных публикаций, например, «Безопасность и суверенитет в северной Атлантике», издательство Palgrave Pivot (2014);

«Арктические стратегии и политики — предметное и сравнительное изучение» (2011). Активно участвует в дискуссиях на международных научных конференциях, семинарах и воркшопах, а также встречах, посвященных взаимодействию науки и политики. E-mail: lassi.heininen@ulapland.fi

Аннотация. В основу статьи положен доклад профессора Ласси Хейнинена на международной конференции «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики», которая прошла в рамках V международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубежной научной общественности 15—16 сентября 2015 года в городе Архангельске¹. В период после холодной войны в Арктике успешно был осуществлён переход от военного противостояния к политической стабильности и растущему международному сотрудничеству. Новые обстоятельства и неопределённость могут поставить под угрозу существующую стабильность. Lassi Heininen считает, что ни один из нас не хотел бы открыть новый фронт в Арктике — мы достаточно испытали и достаточно мудры для того, чтобы не делать этого.

¹ Мероприятие было организовано под эгидой Совета Безопасности Российской Федерации в сотрудничестве с Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: Арктика, мир, конфликты, стабильность, угрозы, «Арктический парадокс», отсутствие открытого противостояния, возможности

The Arctic Region as a Space for Trans-disciplinary, Resilience and Peace

© **Lassi Heininen**, Dr., is professor of Arctic Policy at University of Lapland (Finland). He is also Leader of the Thematic Network on Geopolitics and Security Studies and the Editor of the *Arctic Yearbook*. Prof. Heininen teaches and lectures regularly abroad and supervises PhD students from Northern countries. His research fields include IR, Geopolitics, Security Studies, Environmental Politics, Arctic Studies. He is an author of more than 200 scientific publications (e.g. *“Security and Sovereignty in the North Atlantic”* (ed.) by Palgrave Pivot (2014); *“Arctic Strategies and Policies — Inventory and Comparative Study”* (2011). Prof. Heininen is actively involved in speaking at international scientific conferences, seminars and workshops, as well as at the gatherings implementing the interplay between science and politics. E-mail: lassi.heininen@ulapland.fi

Abstract. The article is based on report of Professor Lassi Heininen at the international conference "Ensuring security and sustainable development of the Arctic region, the preservation of ecosystems and traditional lifestyles of indigenous peoples of the Arctic", which was held in the framework of the V International meeting of representatives of the Member States of the Arctic Council, observer States and foreign scientific public on 15—16 September 2015 in the city of Arkhangelsk². During the period in after the Cold War has been carried out successfully transition from military confrontation to the Political stability and increasing international cooperation. New circumstances and uncertainty may jeopardize the stability of the existing. Lassi Heininen believes that none of us would like to open a new front in the Arctic — we are experienced and wise enough not to do so.

Keywords: Arctic, peace, conflict, security, threat, "Arctic paradox", the absence of open conflict, the possibilities

Почему прогнозы будущих конфликтов или «схватки за Арктику» не сбываются? И почему достигнутая стабильность в Арктике характеризуется гибкостью? Ответ на эти вопросы заключается в том, что стабильность и сотрудничество в Арктике является особенно ценным для северных стран и народов в эпоху глобализации. В период после холодной войны успешно был осуществлён переход от военного противостояния к политической стабильности и растущему международному сотрудничеству. В этой игре есть только победители [1]. И всё

² It was organized under the auspices of the Russian Federation Security Council in cooperation with the Northern (Arctic) Federal University, NArFU.

это становится очевидным, когда видишь как Канада, Дания и Россия соблюдают нормы Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS), готовя свои предложения по вопросам разграничения арктического континентального шельфа — предложения конкурируют, а государства сотрудничают.

Кроме того, всё это показывает силу нематериальных ценностей, таких, как мир, человеческий капитал, а также кумулятивных, «мягких» методов в политике и управлении [2, 3]. Во всем этом есть также доля креативности, как показывают следующие примеры:

- a. во-первых, соглашение по полярным медведям (international Polar Bear Agreement);
- b. во-вторых, развитие самоопределения коренного населения и самоуправления Гренландии (Акт о самоуправлении Гренландии);
- c. в-третьих, «скандинавская модель» и её распространение (The Nordic Peace 2003) [4];
- d. в-четвертых, основанные на традициях экологические знания (Sami Council);
- e. в-пятых, сотрудничество по охране окружающей среды (Arctic Environmental Protection Strategy, AEPS);
- f. в-шестых, формирование политики Арктического Совета восемью северными странами совместно с организациями коренных народов;
- g. в-седьмых, новые знания об изменениях климата, появившиеся в рамках работы группы по «Оценке воздействия на климат Арктики» (Arctic Climate Impact Assessment, ACIA) и «Арктического отчёта развития человеческого потенциала» (Arctic Human Development Report, AHDR);
- h. в-восьмых, программы Университета Арктики (University of the Arctic);
- i. в-девятых, международные, транснациональные связи (para-diplomacy) в Гренландии и Российской Арктике (Ackren 2014) [5];
- j. в-десятых, осуществление взаимодействия между наукой и политикой в рамках Северного форума исследователей (Northern Research Forum);
- k. в-одиннадцатых, интернет платформа для академического диалога в рамках Арктического ежегодника (Arctic Yearbook), международного междисциплинарного рецензируемого интернет издания (см.: www.arcticyearbook.com).

Эпоха после окончания холодной войны в Арктике подошла к концу во многих отношениях. *Новая Арктика*, её безопасность и политическое развитие являются современной повесткой дня. Данные аспекты наиболее важны в связи с отголосками региональных конфликтов, постоянной борьбы с международным терроризмом, а так же глобализацией. Помимо первостепенных угроз, важными являются такие факторы как долговременное загрязнение окружающей среды, изменение климата и этические проблемы масштабных утилизационных мероприятий. Наконец, в Арктике большое значение имеет *антропоцен* — самый последний этап геологической эволюции, когда индустриальная цивилизация сама становится геологической силой, потенциальный переломный момент для глобальной системы [6]. Арктические страны и их государственные предприятия имеют большое влияние на бу-

дущее развитие, выбрав в качестве приоритета исключительно предпринимательскую деятельность или более целостный подход, принимая во внимание население, окружающую среду и, к примеру, сосредоточив внимание на экологически чистых технологиях.

В проекте «Глобальная Арктика» (см.: www.globalarctic.org) мы рассматривали Арктический регион в 2010-х годах как неотъемлемую часть глобальных политических, экономических, технологических, экологических, а также социальных изменений. Будущее региона теперь не только в руках субъектов арктической политики. Соответственно, то, что происходит в Арктике сегодня, имеет значительные последствия для всего мира. Существует растущее давление извне, за пределами региона, исходящее от стран-наблюдателей в Азии и Европе, и от ТНК, являющихся глобальными акторами. Арктика рассматривается как одно из глобальных пространств, но понимается не совсем верно и часто интерпретируется, как право на арктические ресурсы для стран, не являющихся частью этого региона, вместо того, чтобы быть истолкованным в качестве общей ответственности за уникальную экосистему региона, заботы о его богатом биоразнообразии и разнообразии культур, важных для всего человечества.

Стоит попытаться найти решение для этой ситуации. Поскольку антропоцен уже создал «*Арктический парадокс*» — чем быстрее мы используем ископаемое топливо, тем быстрее мы получим доступ к новым углеводородам, которые, в свою очередь, способствуют потеплению климата, что ведёт к таянию морского льда в Арктике и делает новые нефтяные и газовые ресурсы доступными [7]. Большого ответа на это, чем массовость добывающей промышленности, быть не может. Действующие лица арктической политики показали возможность быть инновационными и устойчивыми. Так и будет продолжаться дальше, если арктические государства будут действовать в интересах благосостояния своих граждан, защиты окружающей среды и устойчивого развития Арктики, следуя постулатам, определённым в 1996 году при создании Арктического Совета [8]. С течением времени данные нормы стали легитимными среди народов и гражданского общества Арктического региона.

Одним из критериев науки является социальная значимость, то есть, наука есть нечто большее, чем просто лаборатории, люди, сообщества, окружающая среда, это еще и наука дипломатии. Она включает взаимодействие между наукой, политикой, экономикой и их реализация — то, что как раз и происходит на каждой встрече стран-участниц Арктического Совета. Я — политолог, а также гражданин, и моя роль, даже обязанность, заключается в том, чтобы распространять результаты своих исследований, делиться своими знаниями, а также мыслями с гражданским обществом и мировым сообществом в целом. Причём делать это

надо даже тогда, когда идеи не составляют мейнстрим и не поддерживаются большинством лиц, принимающих конкретные решения.

В контексте Арктики это означает, что я не могу не признать, что существуют новые конфликты между арктическими государствами вызванные другими недавними региональными конфликтами и режимом санкций в отношениях между США / ЕС и Россией, даже если я не могу чётко определить их. Межправительственное сотрудничество под эгидой Арктического Совета продолжается, а научное сотрудничество в арктических исследованиях сильнее, чем когда-либо. Согласно резолюции Конференции в Тояме (на III Научной конференции по планированию арктических исследований ICARP III и Арктическом Научном Саммите ASSW 2015 в апреле 2015 в Тояме, Япония): «Арктика остаётся регионом геополитической стабильности, которая является необходимым условием для поддержания арктических исследований»³.

Арктические государства и народы, в том числе Российская Федерация и США, поставят на карту очень многое, если не будет стабильности в Арктике, а также прочной основы для сотрудничества в этом регионе. Я считаю, что ни один из нас не хотел бы открыть новый фронт в Арктике — мы достаточно испытали и достаточно мудры для того, чтобы не делать этого. Аналогичная идея лежит в основе нашего научного доклада «Российские стратегии в Арктике: Как избежать новой холодной войны» [9].

Конечно, ситуация может развиваться по негативному сценарию, а новые обстоятельства и неопределённость могут поставить под угрозу существующую стабильность. Если арктические государства и существующие структуры, поддерживающие гражданское общество, преодолеют эти препятствия, то мы достигнем новых вершин, столкнувшись лицом к лицу к лицу с реальными проблемами 21-го века: глобальными экологическими проблемами; растущим неравенством, новой политической нестабильностью, вызванной (новой) волной терроризма на Ближнем Востоке, войнами в Афганистане, Ираке и Сирии, а также деятельностью «Исламского Государства». И наконец, возникают новые этические аспекты будущего мирового развития такими, как потеря биоразнообразия, рост добывающей промышленности на арктическом шельфе в условиях хрупкости экосистем. Всё это ставит вопрос об «итоговой цене» сегодняшнего развития Арктического региона в глобальном масштабе, если существующее положение вещей останется неизменным [10].

³ Integrating Arctic research: a roadmap for the future /Arctic Science Summit Week 2015 (ASSW), Toyama conference statement. 30 April 2015. URL: <http://ru.uarctic.org/media/1113830/assw-conference-statement-final.pdf> (дата обращения: 21.11.2015).

Кроме того, появятся новые возможности для того, чтобы найти решения этих проблем, то есть встанет вопрос о готовности или способности «индустриальной цивилизации» снизить, а в конечном итоге прекратить разработку полезных ископаемых и углеводородов. Текущее состояние арктического региона, его стабильность и сотрудничество, а также происходящие изменения оказывают влияние на весь земной шар, а экономические интересы в Арктике сделали регион одним из ключевых игроков мировой экономики и политики. Всё это способствует тому, что Арктика, высокая степень устойчивости её развития, человеческий капитал, а также реализация подхода «единство — в разнообразии» становится интересным объектом для исследований в области окружающей среды, изменения климата, стабильности и поддержания миролюбивых взаимоотношений, а также создания и развития региональной и глобальной системы управления.

В Арктике нет открытого противостояния, что является одним из немногих исключений в мировой политике, наряду с Международной космической станцией (МКС). Возможно этот регион, также как Иран после ядерной сделки, станет новым исключительным примером того, как формировать альтернативные решения для поддержания безопасности и политического диалога. Позитивную роль в этих процессах играет дальнейшее развитие взаимодействия между наукой и политикой, между научными знаниями и традиционными, а также междисциплинарность таких знаний.

Литература

1. Heininen, L. Northern Geopolitics: Actors, Interests and Processes in the circumpolar Arctic. *Polar Geopolitics: Knowledges, Resources and Legal Regimes*. Eds. by R.C. Powell and K. Dodds. Edward Elgar: Cheltenham, UK and Northampton, Massachusetts, 2014, pp.241—258.
2. The Arctic Yearbook 2014 – Human Capital in the North. L. Heininen (Editor), H. Exner-Pirot and J. Plouffe (Managing editors). *TN on Geopolitics and Security*, and NRF. URL: <http://www.arcticyearbook.com>
3. *AHDR, Arctic Human Development Report*. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004
4. *The Nordic Peace*. Eds. by C. Archer and P. Joenniemi. Great Britain: Ashgate, 2003.
5. Ackren, M. Greenlandic Paradiplomatic Relations. *Security and Sovereignty in the North Atlantic*. Ed. by Lassi Heininen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, Palgrave Pivot, 2014, pp. 42—61.
6. Finger, M. (forthcoming). The Arctic, Laboratory of the Anthropocene. *Future Security of the Global Arctic. State Policy, Economic Security and Climate*. Ed. by L. Heininen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, Palgrave Pivot, 2015, pp. 121—137.
7. Palosaari, T. The Amazing Race. *Nordia Geographical Publications, Volume 40: 4. NGP Yearbook 2011*. Tornio: Geographical Society of Northern Finland, 2012, pp.13—29.

8. The Ottawa Declaration. Declaration on the Establishment of the Arctic Council. At the Ministerial meeting of the Arctic Council, Ottawa, Canada, 19th of September 1996.
9. Хейнинен Л., Сергунин А., Яровой Г. Политика России в Арктике: как избежать новой холодной войны. М., 2014. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/arctic_rus.pdf (дата обращения: 23.09.2015).
10. Heininen, L. (forthcoming). Security of the Global Arctic in Transformation – Potential for Changes in Problem Definition. *Future Security of the Global Arctic. State Policy, Economic Security and Climate*. Ed. by L. Heininen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, Palgrave Pivot, 2015, pp.12–34.

References

1. Heininen, L. Northern Geopolitics: Actors, Interests and Processes in the circumpolar Arctic. *Polar Geopolitics: Knowledges, Resources and Legal Regimes*. Eds. by R.C. Powell and K. Dodds. Edward Elgar: Cheltenham, UK and Northampton, Massachusetts, 2014, pp.241–258.
2. The Arctic Yearbook 2014 – Human Capital in the North. L. Heininen (Editor), H. Exner-Pirot and J. Plouffe (Managing editors). TN on Geopolitics and Security, and NRF. URL: <http://www.arcticyearbook.com>
3. *AHDR, Arctic Human Development Report*. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004
4. *The Nordic Peace*. Eds. by C. Archer and P. Joenniemi. Great Britain: Ashgate, 2003.
5. Ackren, M. Greenlandic Paradiplomatic Relations. *Security and Sovereignty in the North Atlantic*. Ed. by Lassi Heininen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, Palgrave Pivot, 2014, pp. 42–61.
6. Finger, M. (forthcoming). The Arctic, Laboratory of the Anthropocene. *Future Security of the Global Arctic. State Policy, Economic Security and Climate*. Ed. by L. Heininen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, Palgrave Pivot, 2015, pp. 121–137.
7. Palosaari, T. The Amazing Race. *Nordia Geographical Publications, Volume 40: 4. NGP Yearbook 2011*. Tornio: Geographical Society of Northern Finland, 2012, pp.13–29.
8. The Ottawa Declaration. Declaration on the Establishment of the Arctic Council. At the Ministerial meeting of the Arctic Council, Ottawa, Canada, 19th of September 1996.
9. Heininen L., Sergunin A. & Yarovoy G. Russian Strategies in the Arctic: Avoiding a New Cold War. Moscow: The Valdai Discussion Club, Grantees Report, September 2014. URL: www.valdaiclub.com
10. Heininen, L. (forthcoming). Security of the Global Arctic in Transformation – Potential for Changes in Problem Definition. *Future Security of the Global Arctic. State Policy, Economic Security and Climate*. Ed. by L. Heininen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, Palgrave Pivot, 2015, pp.12–34.

Рецензент: Харлампьева Надежда Климовна,
кандидат исторических наук,
доцент Санкт-Петербургского университета

УДК 332.021+ 356/359

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.88

Значение Арктики для национальной безопасности России, Китай может стать арктической державой

© **Храмчихин** Александр Анатольевич, заместитель директора Института политического и военного анализа. E-mail: hrmndanot@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено значение Арктики для национальной безопасности РФ в стратегическом и собственно арктическом аспектах. На данный момент военно-политическая обстановка в Арктике опасной для России в целом не является. Исследуются последствия сокращения ледового покрова, что позволит заходить в арктическую акваторию надводным боевым кораблям

ВМС США — авианосцам, а также крейсерам и эсминцам с системой «Иджис». Анализируются возможные сценарии конфликтов, а также развитие геополитической ситуации в арктическом регионе. В будущем КНР может приобрести один из островов Исландии, что автоматически сделает Китай арктической державой.

Ключевые слова: Арктика, ПРО, ПВО, ВМС, Северный флот, Россия, США, Китай

The value of the Arctic for Russia's national security, China may become the Arctic Power

© **Alexander A. Khramchikhin**, Deputy Director of Institute of Political and Military Analysis. E-mail: hrmndanot@mail.ru

Abstract. The value of the Arctic for Russia's national security and strategic aspects of the Arctic itself are considered in the article. At the moment, the military-political situation in the Arctic seems not to be dangerous for Russia. The author investigates the effects of reduced ice cover that allow the US Navy warships — aircraft carriers, cruisers and destroyers, equipped with the “Aegis” system — to enter the Arctic waters. In this article possible scenarios of conflict and prospects of the geopolitical situation in the Arctic are examined. In future, China could purchase one of the islands of Iceland. Such a possession would automatically make China an Arctic Power.

Keywords: Arctic, missile defense, aircraft defense, navy, Northern fleet, Russia, USA, China

Введение

Российская Арктика занимает огромную территорию между меридианами 32°04'35" в. д. и 168°58'49" з. д., т.е. почти 160° из 360° по широте. Длина российского арктического побе-

режья составляет 22,6 тыс. км (из 38,8 тыс. км береговой линии РФ в целом). Сухопутные территории РФ в Арктике имеют площадь 3,7 млн. кв. км (их население — 2,5 млн. чел.). Таким образом, они занимают 21,6% от всей территории РФ, при этом на них проживает всего 1,7% населения страны. Значение Арктики для национальной безопасности страны с военной точки зрения можно условно разделить на стратегический и собственно арктический аспекты.

Стратегическое значение арктического региона для обеспечения обороноспособности России

Стратегическое значение арктического региона для обеспечения обороноспособности страны определяется тем, что именно через него проходят самые короткие воздушные маршруты из Северной Америки в Евразию и обратно. То есть гипотетический обмен ракетными ударами между Россией и США должен состояться через воздушное пространство Арктики и ближний космос над ней. С 50-х гг. XX в. такие удары могли наноситься только в ядерном варианте, в XXI в. появляется возможность нанесения неядерных ударов, преследующих цели стратегического характера.

Соответственно, Арктика становится передовым рубежом противоракетной (ПРО) и противовоздушной (ПВО) обороны. В целях ПРО в европейской части Российской Арктики расположены две радиолокационные станции системы предупреждения о ракетном нападении (РЛС СПРН) — в Оленегорске (Мурманская область) и в Печоре (Республика Коми). Первая из них, типа «Днестр-М» (модернизирована по варианту «Днепр»), является самой старой из действующих РЛС СПРН (введена в строй в 1971 г.), вторая — более новая, типа «Дарьял», введена в эксплуатацию в 1984 году. Само расположение обеих этих РЛС на территории РФ сделало их «последними в очереди» на замену новыми РЛС типа «Воронеж», так как сначала строились новые РЛС для замены тех, что после распада СССР оказались за пределами России. Строительство РЛС типа «Воронеж» в Оленегорске будет начато не ранее 2017 года, а в Печоре — ещё позже. В азиатской (сибирско-дальневосточной) части Российской Арктики объектов СПРН нет, как нет и планов их строительства.

Примерно такой же является ситуация с ПВО (под которой подразумевается борьба с аэродинамическими целями). В европейской части Арктики имеется три зенитно-ракетных полка, оснащенных зенитно-ракетной системой (ЗРС) С-300П: в Северодвинске (Архангельская область), Оленегорске и Полярном (Мурманская область), последний в прошлом году перевооружён новейшей ЗРС С-400. В Мончегорске дислоцирован смешанный авиаполк, в составе которого имеются перехватчики МиГ-31, теоретически возможно усиление авиационной группировки за счёт переброски самолётов из состава других авиаполков ВКС РФ. В

азиатской части Российской Арктики как наземная ПВО, так и истребительная авиация отсутствуют, причём на Дальнем Востоке средства наземной ПВО имеются лишь в Приморском и Хабаровском краях и на Камчатке. Вся остальная его огромная территория в этом смысле полностью открыта для проникновения воздушного противника на пространстве от Арктики до границы с Монголией и Китаем.

При этом, как было сказано выше, в последние годы возникла угроза нанесения обезоруживающего неядерного удара по российским стратегическим ядерным силам (СЯС) с помощью крылатых ракет морского и воздушного базирования (КРМБ и КРВБ) [1, 2, 3]. Подобный удар решает стратегические задачи без экологической катастрофы, неизбежной в случае массированного ядерного удара (даже если он остаётся без ответа). Можно предположить, что основную роль в обезоруживающем ударе должны будут сыграть американские атомные подводные лодки (ПЛА типов «Лос-Анджелес» и «Вирджиния», ПЛАРК типа «Огайо»). Их миссия облегчается тем, что даже в период максимума своей боевой мощи (в 70-е — 80-е гг. XX в.) ВМФ СССР решал задачи противолодочной обороны (ПЛО) с очень низкой эффективностью [4]. В частности, время слежения ВМФ СССР за иностранными ПЛ не превышало 0,3% от времени их пребывания в районах патрулирования [5]. Сейчас ВМФ РФ, повидимому, может относительно эффективно осуществлять ПЛО лишь в непосредственной близости от своих баз. В остальной части российских территориальных вод и, тем более, за их пределами ПЛАРК и ПЛА США смогут действовать практически беспрепятственно. Ситуация усугубляется тем, что в Арктике в прибрежной зоне и в районе кромки льдов очень высок уровень природных акустических шумов, что ещё больше способствует скрытности действий ПЛА [6]. В связи с этим совершенно очевидно, что строительство системы ПВО в Арктике, способной обнаруживать и уничтожать КРМБ и КРВБ вскоре после пуска, является задачей хотя весьма сложной и дорогостоящей, но всё же значительно более простой и дешёвой, чем создание охватывающей всю Арктику системы ПЛО.

Сокращение ледового покрова Арктики и его последствия для обеспечения безопасности РФ

Хорошо известный природный феномен резкого сокращения в последнее десятилетие ледового покрова Северного Ледовитого океана (вплоть до его почти полного таяния в летний период) является не просто важнейшей, но, по сути, единственной причиной значительного роста интереса к освоению Арктики не только в странах данного региона, но и во многих странах, географически к Арктике не относящихся. Именно это природное явление позволяет вести в Арктике полноценную экономическую и военную деятельность. В частно-

сти, отсутствие льда ещё более облегчает действия в акватории Северного Ледовитого океана ПЛА и ПЛАРК противника и пуск с них КРМБ. С другой стороны, задача ПЛО также облегчается. Кроме того, отсутствие сплошного ледового покрова позволяет заходить в арктическую акваторию надводным боевым кораблям ВМС США — авианосцам, а также крейсерам и эсминцам с системой «Иджис», которые способны нести как КРМБ, так и зенитные ракеты (ЗУР) глобальной системы ПРО¹. В данном аспекте крейсера и эсминцы ВМС США также решают стратегические задачи, причем как наступательные (удар КРМБ по целям на территории РФ), так и оборонительные (ПРО) [8]. Впрочем, действия надводных кораблей затруднены тем, что, в отличие от ПЛА, им почти невозможно обеспечить скрытность.

Феномен сокращения ледового покрова порождает собственно арктический аспект обеспечения национальной безопасности РФ, необходимость подготовки ВС РФ к военным конфликтам непосредственно на арктических территориях и акваториях.

Основу группировки обычных сил ВС РФ в Арктике в настоящее время составляет Северный флот. В его составе имеется (без учёта ракетных атомных подлодок, относящихся к СЯС) 7 ПЛА (1 пр. 885, 2 пр. 949А, 1 пр. 971, 1 пр. 945А, 2 пр. 671РТМК), 3 ПЛ (1 пр. 677, 2 пр. 877), авианесущий крейсер пр. 11435, атомный ракетный крейсер пр. 1144, эсминец пр. 956, 3 БПК пр. 1155, 6 МПК пр. 1124М, 2 МРК пр. 1234.1, 10 тральщиков, 3 БДК пр. 775. Кроме того, значительное количество подводных лодок и надводных кораблей находятся на ремонте и в резерве. В составе морской авиации — более 70 самолётов и около 40 вертолётов. На Кольском полуострове дислоцированы также три бригады: 61-я морской пехоты, 80-я арктическая, 200-я мотострелковая. Как и в случае с ПВО, вся группировка дислоцирована в самой западной части российской Арктики. Более того, Северный флот до сих пор был в большей степени ориентирован на действия в Атлантическом океане, а не в арктических акваториях. В азиатской части Арктики развернута лишь 99-я тактическая группа на Новосибирских островах, её потенциал достаточно ограничен. Предполагается формирование арктической бригады в районе Салехарда. Таким образом, за пределами Кольского полуострова потенциал ВС РФ в Арктике на данный момент незначителен.

При этом необходимо понимать, что даже в случае продолжения глобального потепления Арктика ещё, как минимум, очень долго будет непригодна для сколько-нибудь массо-

¹ Система Aegis представляет собой многофункциональную боевую информационно-управляющую систему (МБИУС), состоящую из интегрированной сети сенсоров и компьютеров, а также ударно-боевых средств в виде ракет-перехватчиков первого поколения Standard missile 2 (SM-2) и более усовершенствованных ракет-перехватчиков Standard missile 3 (SM-3), запуск которых производится с помощью универсальных установок вертикального пуска Mk 41, расположенных под основной палубой таких крейсеров и эсминцев [7].

вого проживания населения. Кроме того, ни у одной из нынешних арктических стран нет проблемы перенаселения. Наоборот везде, кроме США, есть проблема депопуляции. Соответственно у потенциального передела Арктики могут быть чисто экономические мотивы.

Возможные сценарии вооружённого конфликта

Наиболее популярным теоретическим сценарием вооружённого конфликта в Арктике является борьба за раздел месторождений углеводородов на арктическом шельфе. Однако надо иметь в виду, что сама по себе добыча нефти и газа с океанского дна в условиях наличия даже временного ледового покрова ещё никем и никогда не решалась (по крайней мере — в значительных масштабах). Соответственно, технологические и финансовые риски здесь очень велики, что делает рентабельность проекта неочевидной. Из-за этого ни одна нефтяная или газовая компания не пойдёт на реализацию подобного проекта, если не урегулированы риски юридического, политического и, тем более, военного характера. Никто не начнёт «явочным порядком» добывать нефть и газ на тех участках шельфа, которые являются спорными, поскольку такой проект заведомо окажется убыточным, к тому же ни одна страховая компания не будет его страховать (либо цена страховки будет неприемлемо высокой). Соответственно, данный сценарий конфликта можно считать совершенно иллюзорным. Особенно учитывая тот факт, что из всех существующих месторождений нефти и газа на сегодняшний день не определена принадлежность лишь 3%.

Немного более вероятным представляется конфликт в форме столкновения ВМС сторон из-за нерешённости проблем судоходства в Арктике при условии её освобождения ото льда на продолжительный период. Сама по себе неурегулированность данного вопроса, влекущая необходимость сопровождения торговых судов боевыми кораблями, причём на всём маршруте через Арктику, сразу многократно увеличивает стоимость перевозок, тем самым ликвидируя экономическую выгоду от сокращения маршрута.

Нынешняя «борьба за Арктику» пока находится, скорее, на уровне политической риторики, чем практических действий. В частности, до сих пор не было никаких признаков реальной военной конфронтации в регионе. Группировки ВС арктических стран почти нигде не соприкасаются между собой и не имеют практической возможности как-то воздействовать друг на друга без серьёзных дополнительных мероприятий, которые не могут остаться незамеченными для средств разведки других стран. Более того, группировки ВС Канады и Дании в Арктике пренебрежимо малы, Исландия вообще не имеет ВС, а Швеция и Финляндия не имеют выхода к Северному Ледовитому океану, что практически исключает их из «борьбы за Арктику» (поскольку под таковой традиционно подразумевается передел акваторий, но не

территорий). Соответственно, в чисто военном плане на данный момент теоретически участвовать в такой борьбе могли бы лишь Россия, США и Норвегия, причём именно теоретически. Деятельность группировок вооружённых сил в Арктике носит на данный момент почти исключительно оборонительный характер [9, 10].

Можно констатировать, что ВС Канады, Норвегии и Дании в силу общей слабости военного потенциала не способны осуществить какое-либо серьёзное активное военное воздействие в отношении арктических территорий РФ. С другой стороны, США даже силами той группировки сухопутных войск и ВВС, которые дислоцированы на Аляске в мирное время (воздушно-десантная бригада, бригада «Страйкер», два авиакрыла), могут без особого труда занять Чукотку, где нет никаких частей ВС РФ. При этом Россия не будет иметь возможности оперативно перебросить туда тяжёлые соединения из-за значительных расстояний. Ближайшая к Чукотке мотострелковая бригада расположена на Камчатке, следующие — в Хабаровском и Приморском краях. Из-за наличия тяжёлой техники их переброска по воздуху невозможна, а по морю — займёт значительное количество времени и, главное, будет блокирована ВМС США, которые на Тихом океане значительно сильнее ВМФ РФ. Россия имеет возможность перебросить на Чукотку только части ВДВ и ВВС, однако и это будет сделать достаточно сложно из-за противодействия ВВС США.

При этом неясно, что может дать США подобная операция в политическом и военном плане. Она не даёт им никакой очевидной выгоды, а несёт угрозу эскалации конфликта вплоть до полномасштабного обмена ядерными ударами. Причём такой сценарий становится тем более вероятен, чем меньше у России возможности освободить свою территорию обычными силами. Как несложно понять, Чукотка не представляет для США такой ценности, чтобы ради её захвата ставить под угрозу существование собственной страны. Тем более это относится к другим участкам российского арктического побережья, поскольку применительно к ним для США существенно усложнится решение задач логистики и ПВО (из-за увеличения расстояний), а для России обе эти задачи, соответственно, упростятся.

В России уже началась отработка переброски войск в Арктике с запада на восток, а также развёртывания в Арктике частей ВДВ. В сентябре 2013 года была проведена операция по восстановлению аэродрома «Темп» на острове Котельный. В операции участвовали ледоколы «50 лет Победы», «Вайгач», «Таймыр», «Ямал» и ракетный крейсер «Петр Великий». Именно с этой операции началось создание вышеупомянутой 99-й тактической группы. В марте 2015 года в рамках внезапных учений ВС РФ подразделения 98-й воздушно-десантной дивизии из Ивановской области были переброшены в Арктику (на Новую Землю и Землю Франца-Иосифа,

затем на Кольский полуостров). В августе 2015 года подразделения 80-й арктической бригады были переброшены на БДК «Георгий Победоносец» и «Кондопога» в Дудинку, где провели учения по охране и обороне ГМК «Норильский никель» совместно с двумя воздушно-десантными ротами, переброшенными в Норильск шестью самолётами Ил-76.

Все эти учения показывают значительно возросшие возможности ВС РФ по проецированию силы в пределах собственной территории даже в самых её труднодоступных регионах. По-видимому, переброска войск на Чукотку (даже без задействования Тихоокеанского флота) является вполне решаемой задачей.

Однако переброска войск из европейской части Арктики и из других регионов страны не во всех случаях может заменить постоянную дислокацию войск в этой части России. Создание пятого объединённого стратегического командования ВС РФ на базе Северного флота (который в связи с этим выведен из состава Западного военного округа), формирование арктических бригад, создание войсковых группировок на арктических островах представляется не просто оправданным, но совершенно необходимым шагом. На островах Котельном и Врангеля, мысе Шмидта, восточном побережье Чукотки и на Курилах создаются современные военные базы. К 2016—2017 годам по планам Министерства обороны РФ будет завершена реконструкция шести аэродромов в Арктике. Арктическая группировка войск РФ полностью будет сформирована, по заявлению С.К. Шойгу, к 2018 году ².

Китай в будущем может стать арктической державой

В более отдалённой перспективе влияние на ситуацию в Арктике могут начать оказывать страны, географически к ней не относящиеся, то есть азиатские. Многие страны Южной, Юго-Восточной и, особенно, Восточной Азии имеют очень большую экономическую заинтересованность в Арктике с точки зрения доступа к её природным ресурсам и трансарктическим коммуникациям, значительно сокращающим путь из Европы в Азию. При этом, однако, даже самые сильные из них в военном отношении (Индия, Япония, Республика Корея) в обозримом будущем не могут обеспечить военное присутствие в Арктике, поскольку находятся очень далеко от этого региона и не имеют возможности создать там военные базы.

В данный момент то же самое относится и Китаю. Однако эта страна в силу масштабов экономики и населения в наибольшей степени заинтересована в доступе к Арктике в рамках внешней экспансии, без

² Создание арктической группировки войск РФ завершится к 2018 году, сообщил 22 октября министр обороны России Сергей Шойгу. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/2368965> (дата обращения: 22.10.2015)

которой крайне сложно будет решить внутренние проблемы КНР [11]. При этом экономические и военные возможности Китая существенно выше, чем у всех перечисленных азиатских стран. Поэтому Китай предпринимает значительные усилия для проникновения в Арктику.

Изначально Пекин действовал в Арктике через Норвегию, разместив свою полярную станцию и исследовательский ледокол на Шпицбергене. С 2008 года, воспользовавшись экономическим кризисом, Китай перенёс основные усилия на Исландию. В 2012 году Китай и Исландия заключили соглашение о свободной торговле — первый подобный договор КНР с европейской страной. После этого президент Исландии Олавур Рагнар Гримссон заявил, что Китай должен войти на постоянной основе в Арктический совет, поскольку Арктика «перестала быть региональной, а стала глобальной темой»³. Более того, президент Исландии, явно с подачи Пекина, объявил о создании «Арктического круга» — новой международной организации по делам Арктики. Членом этой структуры может стать любая страна или организация. Таким образом, предполагается придать Арктике тот же интернациональный статус, который имеет Антарктида. Подобная постановка вопроса представляется совершенно неправомерной. Антарктида — необитаемый континент, его интернациональный статус является естественным. Арктика — это, в основном, Северный Ледовитый океан, побережье которого принадлежит конкретным странам. Его деление осуществляется с помощью норм морского права и другого международного законодательства. Однако именно Китай через Исландию проводит идею «интернационализации Арктики», причем определённую поддержку этой идее оказывают США⁴.

Имеются данные о том, что Китай хочет приобрести у Исландии самый северный остров (точнее — скалу), принадлежащий этой стране — Колбейнси. Его площадь составляет 90 кв. метров, что, естественно, не позволяет вести на нём никакую экономическую или военную деятельность. Однако этот остров находится к северу от Полярного круга, поэтому владение им автоматически сделало бы Китай арктической страной и позволило бы претендовать на место в Арктическом совете, проводя там свои интересы. В частности, Китай выступает за интернационализацию Северного морского пути и Северо-Западного прохода. В этом его позиция совпадает с позицией США и диаметрально противоположна позиции России и

³ Азия рвётся в Арктику. URL: <http://news.21.by/other-news/2013/05/23/768093.html> (дата обращения: 08.11.2015)

⁴ Старт деятельности новой глобальной организации фактически был дан Президентом Республики Исландия Ólafur Grímsson 16 апреля 2013 года во время его выступления в Вашингтоне. Первая Ассамблея Arctic Circle 12—14 октября 2013 г. собрала участников из 40 стран. — Примечание редакции АиС.

Канады. Пока неясно, состоится ли продажа острова, в послевоенную эпоху подобных прецедентов не было. В любом случае, именно идея интернационализации Арктики, её шельфа и коммуникаций создаст России гораздо больше проблем в данном регионе, чем нынешняя военная деятельность всех остальных арктических стран вместе взятых.

Постоянное присутствие в Арктике подводных лодок и надводных кораблей ВМС НО-АК возможно будет в том случае, если Китай сможет получить ВМБ в Атлантическом океане (в странах Африки и Латинской Америки). Подобное развитие событий представляется вполне возможным, учитывая степень экономического, политического и демографического проникновения Китая на эти континенты. По-видимому, первой из таких стран станет Намибия. Китайская ВМБ на её территории может появиться до 2020 года.

Заключение

Таким образом, на данный момент военно-политическая обстановка в Арктике опасной для России, в целом, не является. Вероятность даже весьма ограниченного военного столкновения в Арктике близка к нулю. Однако необходимо понимать, что одной из причин этого является военное превосходство России в этом регионе, перманентное укрепление Арктической группировки войск РФ. Если потепление здесь не сменится резким похолоданием и восстановлением ледового покрова, значение Арктики для национальной безопасности страны будет неизбежно увеличиваться как в стратегическом, так и в собственно арктическом аспектах.

Геополитическую ситуацию коренным образом может изменить Китай, выступающий за интернационализацию Арктики и имеющий возможность стать полноправной арктической державой, приобретая один из заполярных островов.

Литература

1. Храмчихин А. Возможность нанесения обезоруживающего удара по российским стратегическим силам и некоторые средства парирования данной угрозы // Стратегия морской деятельности России и экономия природопользования в Арктике. IV Всероссийская морская научно-практическая конференция. Мурманск, 7—8 июня 2012 года. С. 131—140.
2. Шевченко И. Современное состояние и перспективы развития крылатых ракет морского базирования ВМС США // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 8. С. 66—73.
3. Шевченко И. Крылатые ракеты морского базирования США // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 11. С. 83—87.
4. Шиков А. Создание и становление теории противолодочной борьбы ВМФ России // Тайфун. № 46. С. 30—34.
5. Шкирятов О., Золотов А. Системный подход к обеспечению и оценке боеготовности сил // Морской сборник. 2002. № 2. С. 29—34.

6. Тынянкин И. Океанология и скрытность // Морской сборник. 2002. № 2. С. 35—39.
7. Козин В.П. «Иджис» — прямая угроза России // Национальная оборона. 2012. №4, апрель. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2012/0416/18358201/detail.shtml> (дата обращения: 08.11.2015).
8. Чертанов В. Морской компонент глобальной системы противоракетной обороны США // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 11. С. 61—72.
9. Спиридонов А. Нарастание военных потенциалов в Арктическом регионе // Зарубежное военное обозрение. 2012. № 6. С. 94—95.
10. Военно-политическая обстановка в Арктике и возможные перспективы ее развития // Геоэкономические процессы в Арктике и развитие морских коммуникаций. Апатиты: КНЦ РАН, 2014. С. 58—68.
11. Храмчихин А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. М.: Ключ-С, 2013. 192 с.

References

1. Khramchixin A. Vozmozhnost naneseniya obezoruzhivayushhego udara po rossijskim strategicheskim silam i nekotorye sredstva parirovaniya dannoj ugrozy // Strategiya morskoy deyatelnosti Rossii i ekonomiya prirodopolzovaniya v Arktike. IV Vserossiyskaya morskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Murmansk, 7—8 iyunya 2012 goda. S. 131—140.
2. Shevchenko I. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya krylatyx raket morskogo bazirovaniya VMS SShA // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2009. № 8. S. 66—73.
3. Shevchenko I. Krylatye rakety morskogo bazirovaniya SShA // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2011. № 11. S. 83—87.
4. Shikov A. Sozdanie i stanovlenie teorii protivolodochnoj borby VMF Rossii // Tajfun. № 46. S. 30—34.
5. Shkiryatov O., Zolotov A. Sistemnyj podhod k obespecheniyu i ocenke boegotovnosti sil // Morskoy sbornik. 2002. № 2. S. 29—34.
6. Tynyankin I. Okeanologiya i skrytnost//Morskoy sbornik. 2002. № 2. S. 35—39.
7. Kozin V.P. «Idzhis» — pryamaya ugroza Rossii// Nacionalnaya oborona. 2012. №4, april. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2012/0416/18358201/detail.shtml> (Accessed: 08.11.2015).
8. Chertanov V. Morskoy komponent globalnoj sistemy protivoraketnoj oborony SShA // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2009. № 11. S. 61—72.
9. Spiridonov A. Narashhivanie voennyh potencialov v Arkticheskom regione // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2012. № 6. S. 94—95.
10. Voенно-politicheskaya obstanovka v Arktike i vozmozhnye perspektivy ee razvitiya // Geoekonomicheskie process v Arktike i razvitie morskikh kommunikacij. Apatity: KNC RAN, 2014. S. 58—68.
11. Khramchixin A. Drakon prosnulsya? Vnutrennie problemy Kitaya kak istochnik kitajskoj ugrozy dlya Rossii. M.: Klyuch-S, 2013. 192 s.

Рецензент: Лукин Юрий Федорович,
доктор исторических наук, профессор

УДК 323.21/325.11

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.98

Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы¹

© **Шапаров** Александр Евгеньевич, доктор политических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор монографий: «Иммиграционная политика англосаксонских стран: акторы и механизмы» (2011), «Иммиграционная политика: генезис и современные тенденции (Австралия, Великобритания и Канада)» (2010), «Социальная мобильность: проблемы политического регулирования» (2008). E-mail: teledvina@rambler.ru.

Аннотация. Необходимость учёта региональной специфики при формировании и реализации государственной этнонациональной политики в АЗРФ раскрывается на основе анализа двух противоположных управленческих подходов — экономико-технократического и политико-гуманитарного. Коренные народы Севера рассматриваются как объект и субъект государственной этнонациональной политики России. Анализируются две проблемы: создание условий для сохранения и развития народов, традиционно проживающих в регионе, содействие их культурному многообразию, повышение уровня жизни; интеграция в общество внутренних и внешних мигрантов. Отмечается, что концептуально оформились три императивных подхода к формированию государственной национальной политики в отношении малочисленных этносов Севера: государственно-патерналистский, либерально-рыночный и неотрадиционалистский. Перспективы взаимодействия государства и коренных народов рассмотрены в контексте надэтнической идентичности — «*индигенные народы*», то есть местные, коренные.

Ключевые слова: Арктика, Север, государство, этносы, национальная политика, коренные народы, индигенность

Ethnic policy of Russia in the Arctic: basic approaches and principles

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда — проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов».

© **Alexander E. Shaparov**, Doctor of Political Sciences, Professor at the Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov. Author of monographs: "Immigration policy of the Anglo-Saxon countries: actors and mechanisms" (2011), "Immigration policy: genesis and current trends (Australia, Great Britain and Canada)" (2010), "Social mobility: problems of political regulation" (2008). E-mail: teledvina@rambler.ru.

Abstract. The need to account the regional specific of the ethnic policy making and its practice in the AZRF is grounded on 2 contrary management approaches: economic- technocratic approach and political-humanitarian approach. Indigenous peoples are considered to be the subject and the object of the state ethnic policy of Russia. 2 issues are analyzed: 1) preservation and development of indigenous peoples, historically living in the area; contributions to their cultural diversity; improvement of the living standards; 2) social integration of internal and external migrants. It is noted that there are three imperative approaches to the state policy towards small-numbered ethnic groups of the North: the state-paternalistic, liberal market and neo-traditionalist approaches. Prospects of mutually-interacting state and indigenous peoples discussed in the context of supra-ethnic identity — indigenous peoples, "local" people.

Keywords: *Arctic, North, state, ethnos, ethnic integration policy, indigenous people, indigenism*

Введение

Арктическая зона РФ (АЗРФ) охватывает территории с различным этническим и конфессиональным составом, экономической специализацией и формами организации региональной политической власти. Огромная малонаселённая территория, суровые климатические условия и расположение на пересечении разных культур predetermined сложность этносоциальных процессов в Арктике. Колонизация северных земель составляет суть миграционных процессов в исторической ретроспективе. Великий отечественный историк В.О. Ключевский считал колонизацию основным фактом отечественной истории, обращая внимание на роль государства в этом процессе: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией» [1, с. 50]. Важную специфическую особенность российской колонизации составляет её направленность на освоение незаселенных или экономически неосвоенных территорий. Следует различать термины «колонизация» и «колониализм», имеющие разную смысловую нагрузку и оценочные характеристики. На качественную разницу в дефинициях «колонизация» и «колониализм» указывает профессор Л.Л. Рыбаковский [2, с. 128]. По его мнению, политика колонизации, проводимая Россией, исключала такие явления как рабо-

торговля и уничтожение туземного населения, в отличие от имперской политики колониализма, характерной для Испании, Португалии, Великобритании и других стран, в результате которой произошло закабаление и ограбление народов Нового Света и превращение территорий их проживания в колонии развитых стран. Термин «колонизация», на наш взгляд, более точно раскрывал суть процесса переселения, акцентируя внимание на целенаправленном характере воздействия на этот процесс со стороны государства в российских условиях. Россия, будучи основой евразийского мира, исторически формировалась как система, объединявшая многочисленные этносы и тем самым дававшая им новое качество будущего. Причём перспективы существования и развития открывались не только для масс, но и для элиты тех этносов, которые включались в состав России. Многие представители малых этносов в условиях российской государственности получали возможности для восходящей социальной мобильности.

Таким образом, смешение и дисперсное расселение народов, различия хозяйственных укладов и ценностных установок, большая роль государства в колонизации северных земель выступили историческими факторами регионализации пространства Арктики. Несмотря на существующие различные этнические и конфессиональные характеристики населения, Российскую Арктику следует рассматривать как единый макрорегион в составе России, вследствие безусловного преобладания в его населении русского мегаядра, а также общероссийского самосознания, доминирующего над этническим и региональным у большинства жителей северных территорий РФ.

Нация и этносы в Российской Арктике

Вопрос выработки эффективной государственной этнонациональной политики становится всё более актуальным в повестке дня по освоению Арктики. Его актуальность обусловлена комплексом причин — возрастающим вниманием со стороны государства, принявшего за последние годы стратегические документы по развитию АЗРФ, обостряющейся мировой конкуренцией за ресурсную базу, важным геоэкономическим и геополитическим значением региона. Особого внимания заслуживает потребность формирования региональных моделей этнонациональной политики, на которую указывают эксперты [3, 2013]. Сложность задачи формирования региональных моделей этнонациональной политики России заключается, с одной стороны, в необходимости учета особенностей этносоциальных процессов, протекающих в регионах, различающихся по социально-экономическому развитию, особенностям межэтнических отношений, динамике миграционных процессов, а с другой стороны, обязательном соответствии региональных подходов единой государственной политике в этой сфере.

Прежде чем переходить к анализу ценностных характеристик отечественной этнонациональной политики, определимся с дефинициями «этнос» и «нация». Отметим отсутствие консенсуса среди зарубежных и отечественных учёных по данной проблеме, её сложность и политизированность. По мнению Ю.М. Бромлея, этнос — это «...исторически сложившаяся на данной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [4, с. 58]. То есть этнос выступает главным образом как социокультурная общность. В отличие от этноса, нация — политическое и надэтническое образование, включающее разные этносы. Британский этнограф из Лондонской школы экономики Э. Смит определяет нацию как политико-культурное сообщество, осознающее свою автономию, единство и собственные интересы: «нацией ... именуется народонаселение, имеющее историческую территорию, общие мифы и историческую память, массовую и народную культуру, общую экономику и общие, установленные законом права и обязанности для своих членов» [5, с. 57]. Отметим, что Э. Смит подчеркивает именно политическую природу нации, взяв в качестве критериев «установленные законом права и обязанности». В современных обществах только государство обладает суверенным правом принимать конституцию и законы, а также устанавливать права и обязанности для граждан на своей территории. Определение нации Э. Смитом считается классическим, поскольку находится между двумя крайними точками зрения на происхождение наций — с одной стороны, инструменталистской и конструктивистской теориями, считающими нацию сконструированным, воображаемым феноменом (Б. Андерсон [6, 1983], Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Л.М. Дробижева [7], В.А. Тишков [8]) и примордиалистской концепцией с другой, считающей нацию биосоциальным феноменом (П. Ван ден Берге, К. Гирц, Д. Армстронг).

Таким образом, под нацией мы будем понимать всё население России, подпадающее под вышеназванные критерии — долговременно проживающее на территории, разделяющее общие мифы, традиции, имеющее общую историческую память, обладающие гражданскими правами и обязанностями. Отметим, что среди целей национальной политики России в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) на первое место поставлено упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации).

Особое место среди населения АЗРФ занимают коренные малочисленные народы Севера — этносы. Это важное замечание в контексте нашей статьи, поскольку тема этнонациональной политики России в Арктике включает государственную политику в отношении всего населения АЗРФ. В тоже время, коренные малочисленные народы Севера выступают в качестве особого объекта государственной политики.

Важные особенности расселения в Арктике состоят в том, что, хотя это в целом территория с низкой плотностью населения, уровень урбанизированности здесь один из самых высоких в стране — около 80% [9, с. 38]. Значительная часть городского населения проживает в крупных промышленных центрах — Архангельске, Северодвинске, Мурманске (свыше 100 тысяч человек) и ещё в 30 городах с населением свыше 5 тысяч человек. Остальная часть населения проживает в преимущественно замкнутых сообществах, для которых характерна «оторванность» от «большой земли». Речь идет о существовании географически, климатически и экономически обусловленных особенностях функционирования социума, которые обязательно должны учитываться при формировании национальной политики в отношении этносов АЗРФ.

Управленческие подходы к развитию Арктической зоны России

Следствием распада СССР стала деградация хозяйственной, транспортной и социальной инфраструктуры, значительный миграционный отток населения северных территорий, разрушение системы здравоохранения, особенно в сельской местности, отток специалистов. В постсоветскую эпоху в большинстве северных регионов сформировалось отрицательное сальдо миграции населения. Основной причиной оттока населения из северных регионов в 90-е годы XX века стало изменение роли государства в экономике, свертывание масштабных проектов освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока. С 1990 по 2011 гг. численность населения Севера России уменьшилась с 9 807 тыс. чел. до 7 967 тыс. чел., то есть совокупные потери северных территорий составили 1 млн. 840 тысяч человек [10, с. 71]. Отрицательное сальдо в миграционном обмене северных территорий с центральными и южными регионами России с меньшей интенсивностью продолжается и в настоящее время.

Вектор государственной политики России в отношении Арктики изменился начиная с 2007 года. За последние годы было принято несколько важных доктринальных документов. Так, в 2013 году принята Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. В 2014 году утверждена госпрограмма «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации

на период до 2020 г.». Указом Президента России образована государственная комиссия по вопросам развития Арктики.

По мнению автора, в современной России сформировались два противоположных управленческих подхода к формированию государственной политики по освоению территорий Крайнего Севера. Условно обозначим их как экономико-технократический и политико-гуманитарный.

Идеологическим основанием **экономико-технократического подхода** выступают либеральные ценности, исповедуемые представителями экономического блока правительства: конкуренция, равенство возможностей, современные варианты принципа *laissez-faire*. В рамках данного подхода минимально учитывается специфика экономического развития северных территорий. В русле экономико-технократического подхода стал популярным «вахтовый» метод к освоению природных богатств Арктики. «Вахтовый» метод в настоящее время находит воплощение и в практике государственных и частных нефтегазовых компаний. Его сторонники апеллируют к необходимости снижения издержек по поддержанию инфраструктуры в суровых климатических условиях, оптимизации расходов и других экономически обоснованных заключений, призванных увеличить эффективность затрачиваемых государством и компаниями средств. В русле данного подхода находится противопоставление понятий «Арктика» и «Север», характерное для доктринальных программно-политических документов и, шире, для всего процесса нормотворчества предыдущего десятилетия. Суть его заключается в том, что «Арктика» включает территории, имеющие выход к Северному Ледовитому океану. «Север» подразумевает более обширный охват территорий с суровым климатом [11, с. 155—191]. Казалось бы, подобная дифференциация географически обусловлена и логична. Однако в практике государственной политики противопоставление «Арктики» и «Севера» означает безусловный приоритет арктическим проектам, связанным прежде всего с развитием Северного морского пути и сворачивание господдержки северным территориям, не входящим в АЗРФ².

Таким образом, Арктика, а не Север выделяется в качестве стратегического объекта государственной политики. Закрепление тенденции повышения роли Арктики в ущерб развитию Севера в российском законодательстве негативно воспринимается в экспертном сообществе. Власти ряда северных регионов выступают с предложениями по расширению Арктической зоны. Аналогичного мнения придерживаются и эксперты. По мнению профессора

² Указом Президента России 2 мая 2014 г. определен состав сухопутной территории АЗРФ, куда включены территории четырех субъектов полностью и четырех субъектов РФ частично — 16 муниципальных образований.

Ю.Ф. Лукина, если субъект РФ частью своей территории выходит к морскому побережью, то всю территорию данного субъекта следует включать в состав Арктической зоны [12, с. 170]. В октябре 2014 г. в СМИ появилась информация со ссылкой на главу Минтруда России М. Топилина о возможной отмене районных коэффициентов, применяемых при оплате труда в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. И, хотя Минтруд позднее дезавуировал данное сообщение [11, 2014], оно имело негативную реакцию в общественном мнении населения северных регионов.

Второй, *политико-гуманитарный подход*, заключается в необходимости комплексного развития территорий Севера, создания комфортных условий для проживания населения. Речь идет о расширенном толковании АЗРФ, включающим большинство северных территорий, и о необходимости целенаправленной государственной политики по Арктике и Северу, в частности, разработку нормативно-правовой базы, включающей специальный закон об Арктике. Важной задачей государственной политики выступает реиндустриализация экономики регионов АЗРФ путем создания сети специальных территорий опережающего развития. Реиндустриализация экономики АЗРФ должна стать основой развития социальной инфраструктуры, медицины, образования, рынка труда регионов Севера. Аналогичная целенаправленная политика, учитывающая специфику территорий, должна быть выработана в отношении Сибири и Дальнего Востока. По нашему мнению, решение демографических проблем, закрепление населения, прежде всего трудовых ресурсов, на территориях Крайнего Севера выступает важнейшей государственной задачей, особенно актуальной в условиях современной геополитической ситуации. Обезлюдение северных территорий, конечно, не грозит напрямую утратой государственного суверенитета АЗРФ. Однако продолжение данной тенденции в среднесрочной перспективе порождает серьезные проблемы геоэкономического и геополитического характера. Местное коренное население помимо адаптации к климатическим условиям, обладает особыми императивными характеристиками — чувством Родины (homeland), восприятием территории в качестве «своей», что подразумевает широкий спектр социогуманитарных характеристик — от бережного отношения к хрупкой природе Арктики (малая родина), до осознания единства своей судьбы с большой Родиной — Россией. Опустынивание пространства АЗРФ будет означать слом многовекового цивилизационного усилия русского народа по колонизации территорий Севера.

Экспертами отмечается отсутствие единого императивного подхода в нормативно-правовом регулировании отношений в АЗРФ, отражающих специфику этого макрорегиона. По мнению директора Центра экономики Севера и Арктики профессора А.Н. Пилясова,

идеологическим стержнем федерального законодательства об Арктической зоне должна стать нацеленность на решение проблем безопасности в их расширенной трактовке, включающей как проблемы национальной безопасности, так и проблемы безопасности человеческой жизни, экологической безопасности и безопасности местных сообществ [13, с. 27]. Такая точка зрения представляется обоснованной и в плане регулирования межнациональных отношений в Арктике.

При формировании этнонациональной политики России необходимо учитывать региональную специфику межэтнических отношений. В частности, замещение старожильческого населения в результате миграционного обмена, притока неадаптированных к условиям Севера мигрантов, не нацеленных на долговременное проживание, влечет риски роста межэтнической напряженности в чувствительной в геополитическом плане территории России. С одной стороны, неконтролируемая миграция, лоббируемая недобросовестными работодателями, выступает доминирующим фактором, негативно влияющим на межнациональные отношения. Правительственные усилия по социальной адаптации трудовых мигрантов не решают таких проблем, как продолжающийся наркотрафик из среднеазиатских республик, высокий уровень преступности среди мигрантов, особенно нелегалов, конфликты между трудовыми мигрантами, расширение сектора теневой экономики. Особенно значимым становится влияние этого фактора в условиях социально-экономического кризиса.

С другой стороны, на миграционные установки жителей территорий Крайнего Севера определяющее влияние оказывают факторы комфортности и безопасности проживания в регионе. По результатам социологического исследования в 2008—2010 гг. в Республике Коми (РК), проведенного по инициативе Министерства по национальной политике РК, основными причинами отъезда являются: «желание сменить место жительства, север — на юг или среднюю полосу» — 29,3%; «у населённого пункта, в котором проживают, нет будущего, т.к. не развивается производство» — 25,0%; «нет возможности материально обеспечить семью» — 14,9% [14, с. 113]. В ходе исследования респонденты указали причины, способные вызвать межнациональные конфликты. Все три года наиболее часто респонденты называли три причины: 1) «невоспитанность, бескультурье, глупость, несдержанность людей, результат взаимного непонимания» (48,9%); 2) «приезжих слишком много, их вызывающее поведение, притеснение коренного населения» (42,5%); 3) «бедность, неустроенность жизни, большой разрыв между богатыми и бедными, зависть к тем, кто богаче» (33,2% в 2010 г.) [14, с. 118].

Таким образом, отток старожильческого населения и замена его на временных мигрантов в среднесрочной перспективе создает угрозу утраты населением регионов Крайнего Севера национально-государственной идентичности.

Всё более реальной угрозой безопасности населения России становится экспансия радикальных исламистов. Эксперты указывают на тенденцию проникновения исламских фундаменталистов в немусульманские регионы России, используя разнообразные формы вербовки своих сторонников. Особенно тревожны факты распространения радикальных идей среди молодёжи. Если усилиями власти данную тенденцию не удастся сломать, проникновение радикальных исламистов в регионы АЗРФ останется лишь делом времени.

Автор считает, что этнонациональная политика России в Арктике, имеющая целью устойчивое развитие субъектов, входящих в АЗРФ, должна быть реализуема через два основных направления. *Первое* заключается в создании условий для сохранения и развития народов, традиционно проживающих в регионе, содействия их культурному многообразию, повышению уровня жизни. Достижение этнополитической стабильности, формирование межэтнической, межконфессиональной толерантности возможно на принципах эффективного взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций, и, что крайне важно, на основе экономического роста.

Второе направление этнонациональной политики в Арктике — интеграция в общество внутренних и внешних мигрантов, переехавших из регионов и государств с отличающейся этнокультурной, конфессиональной или языковой спецификой.

В основу формирования как национальной, так и миграционной политики России должен быть положен *принцип цивилизационного единства*. Под «цивилизационным единством» мы понимаем разделяемые на уровне сознания культурные ценности, нормы, правила общежития, определяющие поведенческие паттерны, присущие индивидам, как представителям больших и малых групп, имеющих долговременные исторические связи и опыт совместного проживания. Важным внутренним признаком цивилизационного единства выступает наличие самоидентификации индивида с обществом страны-проживания, отождествление своего будущего и будущего своих детей с будущим страны, воспринимаемой им в качестве Родины. Важными внешними признаками цивилизационного единства могут выступать знание индивидом языка, законов, традиций, истории и культуры страны-проживания, готовность служить в её вооруженных силах. При этом второстепенную роль выполняют такие факторы, как этничность, наличие родственников в стране проживания или прописки до определённого года. Следует отметить, что принадлежность к этносам, истори-

чески связанным с обществом страны-проживания, входящим или входившим в состав общества страны-проживания, выступает важной предпосылкой цивилизационного единства. В этом смысле оправданы и необходимы преференции для российских соотечественников — русских и представителей других коренных народов России, не имеющих государственности за границей. В то же время, акцентирование этничности как доминантного фактора цивилизационного единства контрпродуктивно, поскольку влечет за собой угрозу развития национализма и сепаратизма. Природно-климатические условия во многом предопределили объединительное начало России.

Привлечение и закрепление трудовых ресурсов выступает значимой составной частью государственной миграционной политики в АЗРФ. При этом эффективность миграционной политики должна определяться через её влияние на уровень межэтнической и межконфессиональной напряжённости.

Таким образом, реализация экономико-технократического подхода в практике государственной политики России в Арктике, на наш взгляд, может достичь временных эффектов, однако в средне- и долгосрочном периодах порождает значительные риски и угрозы геополитического характера. Устойчивое развитие территорий АЗРФ возможно лишь при условии, что интересы проживающего на них населения будут учтены как в программно-директивных документах, так и в практике государственной политики России в Арктике.

Коренные народы Севера как объект и субъект государственной этнонациональной политики России

Важная задача государственной этнонациональной политики в Арктике — выработать и реализовывать систему мер поддержки представителей народов, ведущих традиционный образ жизни и хозяйства. Особое внимание при формировании и реализации государственной этнонациональной политики на федеральном и региональном уровне должно быть уделено решению проблем коренных малочисленных народов Севера (словосочетание «малочисленные народы Севера» является общераспространённым устойчивым выражением и подразумевает коренные малочисленные народы, проживающие на территории Севера, Сибири и Дальнего Востока России).

Политика государства по развитию территорий Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока в советский период при многих позитивных достижениях, имела и негативные последствия. Традиционным хозяйственным и бытовым укладам народов Севера, обеспечивающим их экономический базис, в 30—50-е годы XX в. был нанесён удар насильственным переводом на оседлый образ жизни. По мнению экспертов, интернанизация школьного обу-

чения молодёжи малочисленных народов Севера включила механизм их дезадаптации к окружающей среде, выразившийся в росте алкоголизма, преступности, ставящий под угрозу само существование традиционного хозяйства. Следует отметить и нарастание экологических проблем, которые связаны с расширением промышленного использования природных ресурсов на Севере.

В конце XX в. на волне подъёма этнического самосознания в СССР (России) организационно оформились ассоциации коренных малочисленных народов. Наиболее известная в настоящее время — Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ), образованная в 1990 г. Первоначально Ассоциация объединяла представителей 26 этносов, в настоящее время их число увеличилось до 41. Далеко не все этносы, проживающие на территориях АЗРФ, могут быть отнесены к коренным.

В международной терминологии используются разные определения относительно коренного народа — это: аборигенное, автохтонное, индигенное население [15, с. 24]. Характерными для коренных народов (англ. *indigenous peoples*) являются признаки: историческая связь (преемственность) с территорией их настоящего проживания, компактность расселения; самосознание себя в качестве таковых, самоидентификация; наличие собственного языка, культуры, традиций и иных социальных, экономических и политических институтов; желание сохранить свою землю и этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народа [15, с. 47—48]. Следует отметить, что подходы к определению этнической принадлежности и, как следствие, статистический учёт представителей коренных этносов сильно отличаются от страны к стране.

В России доля коренных этносов относительно всего населения, проживающего в Арктическом регионе, незначительна. По подсчётам отечественного исследователя профессора Ф.Х. Соколовой, общая численность коренных малочисленных народов, проживающих в арктических регионах на начало XXI в., составляла 8,0—8,5% населения. На Аляске доля коренных народов составляет — 14,9%, в Арктической Канаде — 50,8%, в Таймырском районе Красноярского края — 24,8%, в Ненецком и Чукотском автономных округах Российской Арктики — 18,7 и 31,3% соответственно [16]. Это качественно отличает отечественную ситуацию с коренными народами от аналогичной в США, Дании и, особенно, в Канаде. Не случайно именно США и Канада ещё в 1960—70-е годы на законодательном уровне закрепили особые права автохтонных этносов на арктические земли.

Во второй половине XX в. на волне роста этнического самосознания коренных народов произошло усиление их политической активности в развитых странах. В случае северных народов остро встал земельный вопрос. Промышленное освоение северных территорий США и Канады поставило под угрозу традиционный образ жизни эскимосов. В первой половине XX века организации эскимосов, алеутов и индейцев США отстаивали права на пользование общинными землями в основном через подачу петиций. К середине XX века произошло объединение разрозненных организаций в региональные ассоциации, вначале по этническому принципу, а с 1966 года после создания Аляскинской федерации коренных народов (АФКН) по полиэтническому. Создание АФКН выдвинуло на повестку дня вопросы гарантий осуществления традиционных промыслов, предполагающие выделение специальных земель, а также требования компенсаций за отторгнутые земли и передачи сырьевых ресурсов. Результатом деятельности стало принятие в 1971 году Конгрессом США Акта по разрешению земельных требований коренных жителей Аляски (ANCSA). Соглашение состояло из передачи прав на 44 млн. акров земли и выплаты коренным народам 962,5 млн. долларов в качестве компенсации за утраченные земли [17].

В Канаде в настоящее время применяется типовой договор между компаниями и местными общинами, который предусматривает их участие в прибыли, меры по поддержке культуры и традиционного уклада. На основе равноправного партнерства жители северных территорий имеют право решать, где и что будет добываться³.

В России, где принят федеральный закон о гарантиях прав коренных народов, где сказано, что они имеют право на возмещение убытков и ущерба, нанесённого из-за хозяйственной деятельности на территориях их исконного проживания, у компаний нет обязательств по выплате компенсаций. Они делают это на добровольной основе, на основе соглашений, которые заключаются с общинами, с региональными властями⁴.

Таким образом, активизация усилий коренных народов по отстаиванию своих прав в условиях развитых демократий имела важные политические последствия. *Во-первых*, на основе совместной общественно-политической деятельности коренных народов, изначально проживающих на данной территории, сформировалась особая форма надэтнической идентичности — «индигенные народы» (*indigenous*), то есть «местные», «коренные». Одновременно индигенность выступает как форма трансграничной самоорганизации коренных народов. Исследователями отмечается тот факт, что политикой возрождения индигенных куль-

³ Компенсации коренным народам в Арктике выплачивают только на добровольной основе. URL: <http://regnum.ru/news/1772526.html> (дата обращения: 08.11.2015).

⁴ Там же.

тур заняты преимущественно городские жители, которые имеют довольно хорошее образование и возможность общаться на международном уровне. Население, занятое традиционным хозяйством (например, оленеводством), часто лишено возможности такого участия и в принципе не включено в данные политические процессы [18, с. 29].

Во-вторых, в развитых странах институционализировалась идея выделения специальных прав коренных народов, включая особые права на территорию проживания. Признание за коренными народами особых коллективных прав принято именовать как «индигенная перспектива» (*indigenous perspectives*) [19, с. 62—95].

В-третьих, в отношении коренных народов были приняты важные международно-правовые документы, закрепляющие особые, более широкие права. Наиболее значимые из них — Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989 г.) и Декларация ООН о правах коренных народов (2007 г.).

Таким образом, к концу XX в. в мире произошли важные институциональные изменения в отношении к коренным народам, в признании обладания ими особыми правами, прежде всего на территорию, и статусом. Как справедливо замечает В. Владимирова: «Международный индигенный активизм создает пространство для формирования более широкой индигенной идентичности, инкорпорируя единство и универсальность коренных народов на глобальном уровне, основываясь на аналогичных историях угнетения и колониального господства и продолжающейся в настоящее время маргинализации во всем мире, подтверждая при этом политику различий на местном уровне» [18, с. 47]. Исследователями отмечается существенная разница в ценностных подходах к выработке политики государства в отношении индигенных народов. Если для англосаксонских стран — США, Канады и Австралии — на политику в отношении автохтонного населения оказывает влияние груз колонизаторского прошлого, восприятия аборигенов как «нецивилизованных», отсталых, то в скандинавских странах коренные народы, использующие сходные адаптационные практики, воспринимаются не в качестве «чужих», а в контексте «свои другие».

К настоящему времени в России в значительной мере сформирована нормативно-правовая база в сфере защиты прав и традиционного образа жизни малочисленных народов Севера. Конституцией РФ гарантируются права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами, нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Для сравнения, до настоящего времени в конституции Австралии официально не закреплено, что аборигены являются коренными жителями

континента. Россия является участницей международных правовых документов, касающихся коренных народов, в том числе Декларации Организации Объединённых Наций о правах коренных народов, принятой резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2007 г. Следует отметить, что Россия не ратифицировала Конвенцию МОТ № 169. Основная причина — расхождение в толковании понятия «коренные народы» (в отечественном законодательстве для признания народа коренным кроме традиционного образа жизни необходим критерий малочисленности). Кроме того, ст. 14 Конвенции МОТ № 169 признаёт за соответствующими народами права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают⁵. Отечественное законодательство не содержит положений, закрепляющих права собственности на земли за народами по этническому признаку.

На федеральном уровне неоднократно утверждались государственные программы их социально-экономического развития. В феврале 2009 г. распоряжением Правительства была утверждена Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Целью Концепции провозглашено создание в Российской Федерации условий для формирования устойчивого развития малочисленных народов Севера на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей этих народов. В законодательстве закреплены меры государственной поддержки малочисленных народов в виде льгот, субсидий, квот на использование биологических ресурсов. Льготы для представителей малочисленных народов Севера, проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и занимающихся традиционными видами хозяйственной деятельности, предусмотрены Налоговым кодексом, Лесным кодексом, Водным и Земельным кодексами Российской Федерации. В феврале 2009 г. Правительство РФ утвердило «Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Её целью провозглашалось создание условий для формирования устойчивого развития народов Севера, которое, в свою очередь, предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений.

⁵ Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 27.07.2015).

Патернализм по отношению к народам Севера должен, по возможности, поддерживать их традиционное хозяйство. В «Основах государственной политики РФ в Арктике до 2020 года» (2008 г.) подчёркивается необходимость конструктивного диалога и более глубокого вовлечения в политический процесс субнациональных и субгосударственных игроков, таких как арктические регионы России, муниципалитеты, коренные жители и неправительственные организации.

К настоящему времени вопрос о необходимости выработки специальной государственной политики в отношении малочисленных народов не вызывает разногласий ни среди научного сообщества, ни среди управленцев. Что касается ценностных оснований политики и форм взаимодействий между государством и КМН (коренными малочисленными народами), то по этим вопросам единство отсутствует. По мнению автора, в современной России концептуально оформились, как минимум, три императивных подхода к формированию государственной национальной политики в отношении малочисленных этносов Севера: государственно-патерналистский, либерально-рыночный и неотрадиционалистский.

Представители первого, **государственно-патерналистского подхода** исходят из неспособности малочисленных народов Севера самостоятельно справиться с проблемами адаптации их традиционного уклада к современным социально-экономическим условиям. Сторонники патерналистского подхода (сюда помимо части экспертов относятся представители ассоциаций КМН Севера) выступают за всемерное расширение государственной помощи, прекращение которой повлечет за собой угрозу депопуляции и грозит части этносов полным исчезновением. Реализация государственно-патерналистского подхода к формированию государственной политики в отношении малочисленных этносов во многом зависит от способности лидеров организаций КМН Севера пролоббировать свои интересы во властных институтах.

Сторонники второго, **либерально-рыночного подхода** (в основном правительственные чиновники федерального уровня) апеллируют к неолиберальным ценностям — рынка, конкуренции, равенства возможностей, как экономически обусловленным условиям функционирования современного социума. Обязанности государства состоят в создании инвестиционного климата, поддержке частной инициативы, содействию «встраивания» традиционных промыслов в рыночные реалии. Например, право пользования любыми природными ресурсами должно возникать на основании результатов конкурсов и аукционов. Сторонники либерально-рыночного подхода исходят из ограниченности государственных ресурсов, которые могут быть направлены на поддержку КМН Севера, адресности государственной помощи, недопустимости расширенного толкования этносов, относящихся к коренным малочисленным наро-

дам. Их аргументация находит поддержку как в управленческих кругах, так и у части экспертов, обеспокоенных распространением иждивенческих настроений среди представителей малочисленных народов, в частности, среди молодёжи. Отметим, что в реализуемой государством политике в отношении КМНС либерально-рыночных вектор явно преобладает. В своём выступлении на съезде президент АКМНСС и ДВ С.Н. Харючи отметил, что начиная с 2009 г. из Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» были изъяты нормы о получении рыбопромысловых участков для традиционного рыболовства без проведения конкурса. В результате многие общины лишились права вылавливать рыбу на своих исконных землях, поскольку не смогли выиграть конкурсы у коммерческих предприятий, предложивших наиболее выгодные для государства условия. Вступивший в силу в 2010 году ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов» уже не предусматривал возможности закрепления за общинами и иными объединениями народов Севера охотничьих участков для осуществления традиционной охоты [20, с. 4].

Третий, **«неотрадиционалистский» подход**, первоначально был сформулирован А.И. Пикой [21, 1996]. Его суть заключается в отказе от ассимиляторской модернизации культуры и образа жизни народов Севера, предоставление им правовой и экономической поддержки, свободы для самостоятельного развития экономики, культуры и самоуправления в современных экономических условиях. Основной целью государственной политики, по мнению «неотрадиционалистов», должен стать переход к экономической самостоятельности и национально-территориальному (общинному) самоуправлению малочисленных народов, становление их как действительных субъектов социального, экономического и культурного развития. Неотрадиционализм предполагает возвращение коренных северян к исконным занятиям, которые могут обеспечить их существование, — охоте, рыболовству, оленеводству и ремёслам. В политической сфере «неотрадиционалисты» настаивают на прямых отношениях «Центр — народы Севера». По их мнению, оставлять проблемы малочисленных народов Севера в исключительной компетенции администрации краёв, областей, округов — нецелесообразно и нецелесообразно.

Таким образом, два из трёх подходов к выработке государственной политики в отношении малочисленных народов имеют существенные методологические недостатки. Главный недостаток протекционистского подхода в том, что КМНС рассматриваются лишь как объект государственной политики. Излишний протекционизм со стороны государства нивелирует инициативу самих представителей малочисленных этносов. Реализация протекционистского подхода вряд ли возможна в условиях социально-экономического кризиса и сокращения

бюджетных расходов. Второй, либеральный подход, предполагающий опору на рынок и конкуренцию, в реалиях Крайнего Севера оборачивается социал-дарвинизмом. Третий, неотрадиционалистский, подразумевающий посильное совместное развитие традиционной культуры в современных экономических условиях, выглядит наиболее перспективным, совмещающий интересы государства и представителей коренных малочисленных на-родов. Через социально-экономическое развитие и общественно-политическую представительность коренные этносы обретают свою субъектность, выступая не только в качестве объекта государственной политики, но и субъекта, способного влиять на принимаемые решения.

Заключение

Российская Арктика — территория с настолько специфическими климатическими условиями и социально-экономическими особенностями жизни населения, культурными и историческими традициями, что всё это не может не учитываться при выработке и реализации государственной этнонациональной политики в этом регионе. К наиболее важным инструментам реализации объединительной роли России на евразийском пространстве, находящихся в распоряжении государства, относятся этнонациональная и миграционная политики. Формирование государственных миграционной и этнонациональных политик на основе принципов цивилизационного единства есть естественный по своей природе процесс, отвечающий национальным интересам страны. Если миграционная, демографическая и социальная политики государства и не входят в тело этнонациональной политики, то самым непосредственным образом влияют на её результаты.

Системообразующими принципами государственной этнонациональной политики являются принцип гражданственности и признание приоритета прав и свобод человека. В то же время, целями этнонациональной политики России в АЗРФ выступает сохранение целостности страны, недопущение сепаратизма и конфликтов на межнациональной почве. Средствами реализации целей и задач этнонациональной политики России в Арктике, её императивными основаниями, по нашему мнению, должны стать развитие регионов арктической зоны, сохранение исконной среды обитания коренных народов Севера, стратегия народосбережения. Критериями реализации эффективной этнонациональной политики выступают формирование Российской Арктики как территории мира и согласия, укрепление общероссийского гражданского самосознания её населения, гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений, как условий развития этого важного в геополитическом плане макрорегиона России.

Литература

1. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти томах. Т.I. Курс русской истории. Ч.I. М.: Мысль, 1987. 430 с.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Выпуск 5: Стадии миграционного процесса // Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001. 140 с.
3. Попков Ю.В., Тюгашев Е. А. Целевые ориентиры региональных моделей государственной национальной политики // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_18/6269-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 12.08.2015).
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
5. Smith A. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995. 211 p.
6. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. London: Verso, 1983. 240 p.
7. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. №5. С. 9—24.
8. Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие /под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011. 459 с.
9. Пилясов А.Н. Контуры стратегии развития Арктической зоны России // Арктика: экология и экономика. 2011. № 1. С. 38—47.
10. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение. М.: Экон-информ, 2012. 311 с.
11. Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. 400 с.
12. Максим Топилин: Решения по отмене «северных» надбавок не принималось // Министерство труда и социальной защиты РФ, 27.10.2014. URL: <http://www.rosmin-trud.ru/labour/salary/56/> (дата обращения: 19.08.2015).
13. Пилясов А.Н. // Стенограмма парламентских слушаний «Проблемы законодательного регулирования в сфере развития Северного морского пути и Арктической зоны Российской Федерации» 27 марта 2015 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/53619> (дата обращения: 21.07.2014).
14. Фаузер В.В. Мониторинг экономических и социальных процессов (на примере международных отношений) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012 № 6 (24). С. 110—123.
15. Гарипов Р.Ш. Защита коренных народов в международном праве. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 256 с.
16. Соколова Ф.Х. Коренные малочисленные народы Арктики: концепт, современное состояние культуры // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 51—69
17. Гордон Л. Пуллар. Самоуправление коренных народов и политические институты на Аляске. URL: http://landclaim.narod.ru/indig_1.htm (дата обращения: 08.11.2015)
18. Владимирова В. Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 23—56.

19. Henry Huntington, Shari Fox. The Changing Arctic: Indigenous Perspectives // In: Arctic Climate Impact Assessment. Eds by C. Symon, L. Arris, B. Heal. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 62—95.
20. Харючи С.Н. Выступление Президента Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. С. 4. URL: <http://www.raipon.info/about/Doclad.doc.pdf> (дата обращения: 14.08.2015).
21. Пика А.И. Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47—53.

References

1. Klyuchevskij V.O. Sochineniya v 9-ti tomakh. T.I. Kurs russkoj istorii. Ch.I. M.: Mysl, 1987. 430s.
2. Rybakovskij L.L. Migraciya naseleniya. Vypusk 5: Stadii migracionnogo processa// Prilozhenie k zhurnalu «Migraciya v Rossii». M., 2001. 140 s.
3. Popkov Yu.V., Tyugashev E. A. Celevye orientiry regionalnyh modelej gosudarstvennoj nacionalnoj politiki // Novye issledovaniya Tuvy. 2013. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_18/6269-popkov-tyugashev.html (Accessed: 12.08.2015).
4. Bromlej Yu.V. Oчерki teorii etnosa. M.: Nauka, 1983. 412 s.
5. Smith A. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995. 211 p.
6. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. London: Verso, 1983. 240 p.
7. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. № 5. S. 9—24.
8. Rossijskaya naciya: Stanovlenie i etnokulturnoe mnogoobrazie /pod red. V.A. Tishkova. M.: Nauka, 2011. 459 s.
9. Pilyasov A. N. Kontury strategii razvitiya Arkticheskoj zony Rossii // Arktika: ekologiya i ekonomika. 2011. № 1. С. 38—47.
10. Fauzer V.V., Fauzer G.N., Nazarova I.G., Korshunov G.V. Tendencii i perspektivy socialno-ekonomicheskogo razvitiya severnyh regionov Rossii: demografiya, trud, migraciya, rassele-nie. M.: Ekon-inform, 2012. 311 s.
11. Lukin Yu. F. Velikij peredel Arktiki. Arkhangelsk: Severnyj (Arkticheskij) federalnyj universitet, 2010. 400 s.
12. Topilin M. Resheniya po otmene «severnyx» nadbavok ne prinalos // Ministerstvo truda i socialnoj zashhity RF, 27.10.2014. URL: <http://www.rosmin-trud.ru/labour/salary/56/> (Accessed: 19.08.2015).
13. Pilyasov A.N. // Stenogramma parlamentskix slushanij «Problemy zakonodatelnogo regulirovaniya v sfere razvitiya Severnogo morskogo puti i Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii» 27 marta 2015 g. URL: <http://council.gov.ru/activity/activit-ies/parliamentary/53619> (Accessed: 21.07.2014).
14. Fauzer V.V. Monitoring ekonomicheskikh i socialnyh processov (na primere mezhnacionalnyh otnoshenij) // Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2012. № 6 (24). S. 110—123.
15. Garipov R. Sh. Zashhita korennyh narodov v mezhdunarodnom prave. Kazan: Centr innovacionnyh texnologij, 2012. 256 s.

16. Sokolova F.X. Korennye malochislennye narody Arktiki: koncept, sovremennoe sostoyanie kul'tury // Arktika i Sever. 2013. № 12. S. 51—69
17. Gordon L. Pullar. Samoupravlenie korennyh narodov i politicheskie instituty na Alyaske. URL: http://landclaim.narod.ru/indig_1.htm (Accessed: 08.11.2015)
18. Vladimirova V. Transnacionalnye indigennye organizacii, liberalnyj multikulturalizm i narrativy ob «indigenom separatizme» na Severe Rossii // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2015. № 1. S. 23—56.
19. Huntington H., Fox Sh. The Changing Arctic: Indigenous Perspectives // In: Arctic Climate Impact Assessment. Eds by C. Symon, L. Arris, B. Heal. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. pp. 62—95.
20. Xaryuchi S.N. Vystuplenie Prezidenta Associacii korennyx malochislennyx narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossijskoj Federacii. S. 4. URL: <http://www.raipon.info/about/Doc/ad.doc.pdf> (Accessed: 14.08.2015).
21. Pika A.I. Neotradicionalizm na Rossijskom Severe: idti v budushhee, ne zabывая proshlogo // Sociologicheskie issledovaniya. 1996. № 11. S. 47—53.

Рецензент: Харлампьева Надежда Климовна,
кандидат исторических наук,
доцент Санкт-Петербургского университета

Культура народов Арктики и Севера/ Culturology

УДК 323.1+314.9+911.53

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.118

Этнокультурный ландшафт Российской Арктики: от концептуализации знаний к управлению конфликтами¹

© **Лукин** Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Арктика и Север». Автор монографий: «Новая Архангельская летопись» (2015, 2-е изд.) «Российская Арктика в изменяющемся мире» (2013), «Великий передел Арктики» (2010); «Глобальный социум самоуправляемых общин» (2006), учебника для вузов с грифом УМО «Конфликтология: управление конфликтами» (2007). E-mail: lukin.yury@mail.ru

Аннотация. Статья нацелена на междисциплинарный анализ концептуальных основ и современной ситуации этнокультурного ландшафта Российской Арктики, выявление проблем управления конфликтным взаимодействием в сфере социально-этнических отношений. Автором разработана технологическая модель перехода от концептуализации знаний к управлению конфликтами. Проанализирована деятельность по проведению Арктического этнологического мониторинга в РФ, предложен авторский перечень из семи предметных направлений для формирования баз данных. Безусловно, что нужно продолжать работу на законодательном уровне по защите прав КМНС. Однако ключевой проблемой становится обеспечение баланса между патернализмом государства по сохранению традиционных культур коренных народов и внедрением современных технологий, ростом инвестиций в накопление человеческого капитала. Актуально обеспечение социальной сплочённости, выделение квот в ведущих отраслях современной экономики для коренных народов Севера. Назрела потребность перехода к зелёной экономике в Арктике, что очень близко традиционной культуре северян, их мировосприятию.

Ключевые слова: Арктика и Север, операциональные определения, моделирование, этнокультурный ландшафт, коренные народы, язык, Арктический этнологический мониторинг, этническая напряжённость, управление конфликтами, зелёная экономика

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда — проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»

Ethno-cultural landscape of the Russian Arctic: from the conceptualization of knowledge to the management of conflicts

© **Yury F. Lukin**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Editor-in-chief "Arctic and North" journal. The author of books: "New Archangelsk Chronicle" (2015, 2nd ed.), "Russian Arctic in a Changing World" (2013, 2012), "The Great repartition of the Arctic" (2010); "The global socium of self-governing communities" (2006), a textbook for high schools "Conflictology: Conflict Management" (2007). E-mail: lukin.yury@mail.ru

Abstract. The article focuses on a multidisciplinary analysis of the conceptual framework and the current situation of ethnic and cultural landscape of the Russian Arctic and reveals the problems of management of conflict interaction in social and ethnic relations. The author developed and discussed a technological model in order to move from the conceptualization of knowledge to the conflict management. The author analyzed Arctic ethnological monitoring activities in Russia and proposed a list of seven subject areas to form databases. Undoubtedly, the need to continue this work on the legislative level emerges to protect the rights of indigenous peoples. However, a key challenge is to ensure a balance between paternalism of the state aimed at preserving the indigenous cultures and increasing investment in human capital and the introduction of modern technologies. Social cohesion and the allocation of quotas for indigenous peoples of the North in the leading sectors of the modern economy are relevant for today. A need of transition to green economics in the Arctic, close to the traditional culture of northerners and their worldview is extremely important as well.

Keywords: *Arctic and North, operational definitions, modeling, ethno-cultural landscape, indigenous people, language, Arctic ethnological monitoring, ethnic tensions, management of conflicts, green economics*

Концептуализация знаний в арктиковедении с использованием операциональных определений и других технологий

На самом первом этапе любого исследования методологически значимым, особенно при работе в проектной междисциплинарной команде, становится применение *операциональных определений* (operational definition). По мнению Э. Деминга (William Edwards Deming, 1900—1993), operational definition дают возможность передачи однозначного смысла с помощью понятий. «Операциональное определение позволяет облечь понятие в определенную форму, ясную всем» [1, гл. 9]. Operational definition не допускают двусмысленности, более того они включают критерии для принятия решений. Их можно использовать как в теории, так и в практике управления. Возникает потребность в уточнении основных концептов

(понятий, терминов) и в арктиковедении, что имеет практическую значимость и позволяет специалистам, менеджерам лучше ориентироваться в теоретической проблематике, адекватно понимать и системно воспроизводить используемую научную лексику.

Концептуализация знаний, имеющих отношение к Российской Арктике, осуществляется методологически на основе поэтапной технологии «step by step», где каждый шаг связан с определённым системным блоком (стадией) решаемых задач в динамической последовательности определённого процесса: концептуализация знаний и моделирование; арктический этнологический мониторинг; разработка этнополитики, стратегии менеджмента; локальная реализация поставленных задач, конкретных мероприятий в 4 субъектах и 16 муниципальных образованиях сухопутных территорий АЗРФ, обобщение опыта и внедрение лучших практик. А затем обратная связь с целью коррекции, возможно на каждом из всех предыдущих этапов или только изменения в стратегическом менеджменте, этнополитике, законодательстве и правоприменительной деятельности (рис.1).

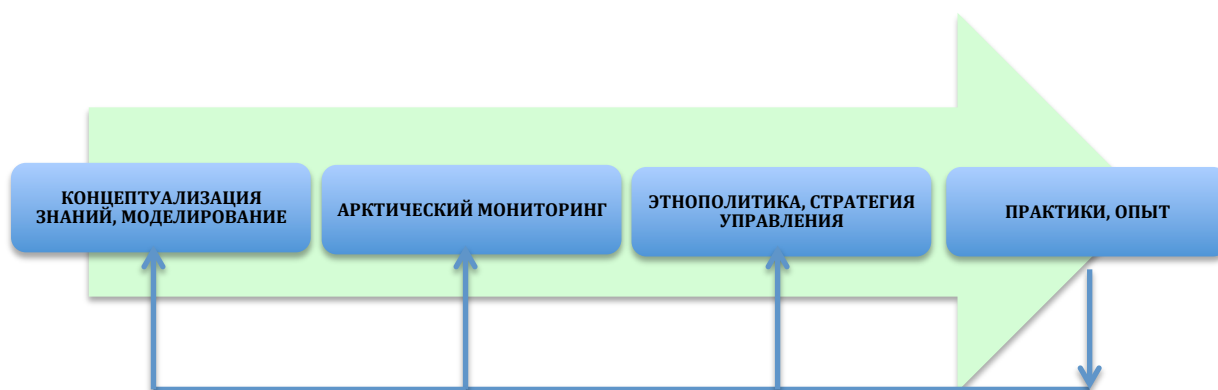

Рисунок 1. Технологическая модель перехода от концептуализации знаний к менеджменту/ Ю.Ф. Лукин

Схематично такую технологическую модель можно изобразить как непрерывный диалектический процесс развития от теории к практике, где на каждой стадии возможна и желательна своя операционная последовательность и динамика по времени реализуемых мероприятий, использованию тех или иных технологий как на концептуально-теоретическом уровне, так и в практической деятельности по управлению регионами.

Не вызывает сомнений, что для решения поставленных исследованием задач необходим междисциплинарный, многоуровневый подход, синтез теории и практики, предопределённый особенностями *гуманитарного и социального знания*. Любой человек с его эго, особенно в суровых условиях Арктики и Севера, не может существовать вне социума. Этническое начало при этом находит своё отражение как в социальном, так и в культурном измерениях. Поэтому при изучении проблематики этнической напряжённости используются концепты как этнокультурного, так и этносоциального контента. Фокус всей проводимой рабо-

ты, арктический этнологический мониторинг должны быть направлены не только на исследование социальной сферы жизнедеятельности в регионах, что безусловно важно, но и на конфликтное этническое взаимодействие в сфере культуры с учётом особенностей жизнедеятельности коренных народов Севера. Желательно уточнение гипотезы о том, что более значимой в Арктике и на Севере является социальная, а не культурная напряжённость в этнических отношениях, гражданская, а не этническая идентичность. В формировании протестного потенциала чаще преобладают социальные мотивы, принимая политическую и реже национальную окраску, как в Украине. Возможно ли такое в Российской Арктике — на этот вопрос ещё предстоит найти обоснованные ответы при проведении этнологического мониторинга, анализе его результатов и имеющихся баз знаний.

В междисциплинарном анализе межэтнических отношений в Арктике с позиций психологии целесообразно осуществить переход *от изучения отдельных конфликтов к анализу межэтнической напряжённости как феноменологического психологического поля*, а этнических групп как напряжённых этносоциальных систем. Это позволяет приблизиться к разработке конструктивной содержательно-динамической модели диагностики состояния межэтнических отношений и прогнозирования их развития [2]. При этом изучаются не только сами конфликтные ситуации, но и возможности позитивного потенциала межэтнических отношений, сохранения и развития этнической толерантности в северных социумах. Заметную роль в профилактике межличностных, межэтнических отношений в Арктике несомненно играют также *психолого-коммуникативные технологии* предупреждения конфликтов: сбалансированность социально-психологического взаимодействия этносов, сохранение репутации партнёра, исключение социальной и этнической дискриминации, разделение заслуг, согласие, эмпатия и другие известные в конфликтологии, психологии, социологии методы и техники. По моим наблюдениям, на практике чаще всего используются апробированные технологии проведения социологических исследований и реже более трудные, личностные методы, используемые в конфликтологии, психологии.

Проблема практического плана очевидно заключается ещё и в том, чтобы использовать имеющиеся технологии, эффективные методики и индикаторы разных научных дисциплин в нужное время и в нужном месте. Организационно здесь речь идёт не только о формальной научной интеграции теоретических знаний, но и о менеджменте, формировании проектных исследовательских команд на междисциплинарной основе, финансировании работ, проводимых по единой дорожной карте.

В концептуальном отношении, кроме того, как уже отмечалось выше, очень важно уточнить отдельные, в ряде случаев, спорные понятия, в том числе о глобальном и региональном измерениях Арктики и Севера, чтобы выйти на уровень *operational definition* для понимания друг друга. Постановка вопроса *о глобальном и региональном измерении Арктики и Севера* необходима, например, здесь и сейчас для адекватного определения объекта и предмета исследования, так как в настоящее время в научной среде отсутствует общепринятое толкование даже основополагающих концептов «Арктика» и «Российская Арктика». Арктику как многоплановый объект исследуют специалисты самых разных научных дисциплин и поэтому практически невозможно однозначно выразить концептуально всю полифоничность большого арктического пространства. В арктиковедении чаще всего реализуются подходы преимущественно с позиций той или иной узкой научной специализации авторов, что всегда подобно однобокому флюсу в познании сложного объекта.

В *глобальном измерении* непосредственное отношение к Арктике имеют восемь приарктических стран (АС-8): Дания (Гренландия), Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Швеция, Финляндия, обладающих северными территориями за Полярным кругом. Пять из них (Дания, Канада, Норвегия, Россия, США) на основе UNCLOS владеют дополнительно к суше территориальными водами в акватории СЛО. При этом в мире вообще нет ни одной северной страны, которая всей своей территорией и акваторией входила бы полностью в состав циркумполярной зоны. Называя указанные восемь северных стран «приарктическими», а не «арктическими», мы тем самым подчёркиваем эту важную геополитическую особенность.

Региональное измерение учитывает население и территорию только тех арктических губерний, штатов, областей, краёв, провинций, муниципальных образований, которые находятся непосредственно за Полярным кругом. В связи с тем, что понятие «регион» трактуется в регионологии далеко не однозначно, представляется возможным взять в качестве рабочего инструмента следующую его трактовку и типологию. Регион рассматривается в данной статье как некая реально существующая в XXI веке данность: ландшафтно-географическое, административно-территориальное, культурное и социально-экономическое пространство, имеющее природно-климатические и другие отличия от соседних регионов.

В официальных документах США используются концепты «National Strategy for the Arctic Region», «Arctic Strategy USA»². Арктика употребляется в широком смысле данного понятия.

² NATIONAL STRATEGY FOR THE ARCTIC REGION. May 10, 2013. Arctic Strategy USA. November 2013. URL: ipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2013/05/20130510147232.html#axzz3sCzoAfDf; <http://www.cfr.org/arctic/department-defense-arctic-strategy/p31929> (дата обращения: 19.11.2015).

В стратегии Финляндии «Finland's Strategy for the Arctic Region 2013», принятой 23 августа 2013 года, применяется концепт «арктический регион»³.

В России принято на практике отождествлять регион с субъектом федерации. Типология же современных регионов РФ включает три основные модели. *Микрорегионы* — муниципальные образования, самоуправляемые общины, межмуниципальные объединения, агломерации. *Мезорегионы* — 85 субъектов РФ, следовательно и 85 регионов разного масштаба: 22 республики, 9 краёв, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область, 4 автономных округа. Из них четыре субъекта РФ полностью и три частично входят в состав арктического макрорегиона (АЗРФ). *Макрорегионы* — девять федеральных округов, четыре зоны — Западная, Восточная, Арктическая (Север), Юг России.

Касаясь *соотношения понятий «Арктика» и «Север»* необходимо заметить, что для канадцев, например, понятие «Север Канады» шире понятия «Канадская Арктика» и географически включает в себя некоторые земли южнее Полярного круга (Нунавут, Юкон). Не случайно стратегия Канады была опубликована под названием «Canada's Northern Strategy: our North, our heritage, our future» (Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее)⁴. Север традиционно рассматривается как неотъемлемая часть канадской идентичности, а «северность» (Nordicité) как особый образ жизни. В отличие от Канады, в стратегии Дании понятие «Север» фактически не используется. «Kongeriget Danmarks Strategi for Arktis 2011—2020» направлена на благо жителей Арктики, включая уважение прав коренных народов на использование собственных ресурсов и развитие на этой основе, уважение самобытной культуры, традиций и образа жизни, продвижение их прав⁵.

Российская Арктика (РА), Арктическая зона РФ (АЗРФ) — это идентичные понятия, которые обычно воспринимаются как часть Севера России, включающего АЗРФ в себя по принципу матрёшки. Понятие «Север» при этом геополитически соотносится с теллурацией, то есть сухопутным могуществом, связано с освоением материковых пространств Евразии. В АЗРФ по указу Президента РФ входят северные территории пока только суши (Приложение к Указу Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296). Коренное (радикальное) различие между РА и АЗРФ по состоянию на сегодняшний день заключается в том, что концепт «Россий-

³ Finland's Strategy for the Arctic Region 2013. Government resolution on 23 August 2013. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/document-archive/category/12-arctic-strategies> (дата обращения: 25.06.2015)

⁴ Canada's Northern Strategy: our North, our heritage, our future. Ottawa, 2009. URL: http://web.law.columbia.edu/sites/default/files/microsites/climate-change/files/Arctic-Resources/ArcticCouncil/01_Canadas%20northern%20strategy.pdf (дата обращения: 26.06.2015).

⁵ Kongeriget Danmarks Strategi for Arktis 2011—2020. URL: http://canada.um.dk/da/~media/Canada/Documents/Other/Arktis_Rapport_DA.pdf (дата обращения: 02.09.2015).

ская Арктика» включает, кроме суши, акватории морей СЛО и акваторию Северного морского пути, на которые в соответствии с международным правом распространяется юрисдикция российского государства. Федеральный же закон, определяющий легитимные границы АЗРФ, не принят до настоящего времени (ноябрь 2015). С учётом сказанного, по моему мнению, можно сформулировать такое определение АЗРФ, которое будет полностью соотноситься в правовом поле с Российской Арктикой (что очень важно концептуально и практически):

«Арктическая зона Российской Федерации» — внутренние морские территориальные воды, исключительные экономические зоны акваторий Баренцева, Белого, Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского морей, континентальный шельф, определяемый в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, акватория Северного морского пути как исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация Российской Федерации, все как открытые здесь, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, сухопутные северные территории субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на побережье северных морей, имеющих выходы к акватории Северного Ледовитого океана, обеспечивающие безопасность российского государства» / Лукин Ю.Ф.

Территориальные внутренние морские воды (12 морских миль), исключительные экономические зоны (200 морских миль), континентальный шельф (350 морских миль) — это термины международного права, UNCLOS. Их употребление в ФЗ «Об АЗРФ» вполне коррелируется с международной правоприменительной практикой.

«Акватория СМП» употребляется в законе от 28.07.2012 N 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути». Понятие национальной акватории СМП очень важно упомянуть в новом ФЗ «О развитии АЗРФ», чтобы противостоять попыткам интернационализации арктических коммуникаций, имея в виду Северный морской путь.

Тезис «все как открытые здесь, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане» приводится по Постановлению Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Изменения климата могут способствовать появлению новых островов, что позволит увеличить полярные владения РФ. Необходимо учитывать, что в Мировом океане идёт борьба даже за самые небольшие скалы. При формировании и легитимном уточнении состава АЗРФ, учитывая геополитическую, общественную и экологическую значимость проблемы, обеспечение безопасности российского государства, необходимо сделать достоянием всего общества и опубликовать полный перечень всех российских островов в морях СЛО в рамках подзаконного акта «Государственный реестр российских островов в морях Северного Ледовитого океана», в котором указать фактический статус каждого арктического острова, его ведомственную принадлежность и конкретную ответственную организацию, осуществляющую здесь владение, управление, охрану окружающей среды островной территории и акватории.

Таким образом, внутри каждой приарктической страны (АС-8) имеются свои циркумполярные территории Заполярья, высоких широт. Естественно, что Чукотский автономный округ или губерния Финнмарк, как части России и Норвегии, выполняя роль акторов на региональном уровне, объективно не имеют той международной значимости в геополитике как сами

эти приарктические государства. И здесь возникает перманентная конфликтная коллизия — столкновение различных интересов, имеющих отношение к стремлению северных региональных социумов выступать в качестве политических акторов, отстаивая права коренных народов на ресурсы территорий своего проживания. Исследование данной проблематики безусловно требует анализа существующего этнокультурного ландшафта.

***Этнокультурный ландшафт Российской Арктики в свете глобальных трендов
исчезновения традиционных культур и языков***

Ландшафтно-географическая среда, природа, флора и фауна, земля и вода, общность территории, имеющиеся ресурсы всегда играли и играют важную роль в развитии северных этносов. В структуру ландшафта Арктики специалисты обычно включают и антропогенное развитие арктических ландшафтов, культурные ландшафты, памятники истории и культуры вместе с ландшафтным окружением [3]. Для данной статьи имеет значимость, прежде всего, культурное и социальное измерения этнокультурного ландшафта Российской Арктики. Ключевыми социокультурными доминантами, на мой взгляд, является анализ динамики населения, его этнического состава, а также современные проблемы языкового разнообразия.

Очеловеченный ландшафт Российской Арктики включает этническое, мультикультурное, социально-экономическое пространство с населением в 2,5 млн человек (2012).

Таблица 1

Население Арктики, тыс. чел. (2012)

№	Государства	Арктические регионы, провинции	Население
1	Россия	Мурманская область	796,1
		Архангельская область: МО в Беломорье, острова в СЛО	661,8
		Ненецкий автономный округ	42,6
		Республика Карелия: три МО на побережье Белого моря	51,6
		Республика Коми: городской округ Воркута	95,8
		Ямало-Ненецкий автономный округ	522,8
		Красноярский край: Таймырский МР, Норильск, Игарка	216,8
		Республика Саха (Якутия) – 11 улусов	64,7
		Чукотский автономный округ	50,5
		<i>Итого в Российской Арктике</i>	2 502
2	США	Аляска	710
3	Норвегия	Финмарк, Тромс, Нурланн, Шпицберген	466
4	Исландия		311
5	Швеция	Норботтен	260
6	Финляндия	Лапландия	184
7	Канада	Северо-Западные территории, Юкон, Нунавут, Нунавик	120
8	Дания	Гренландия	58
		<i>Итого в 7 приарктических странах (не включая РФ)</i>	2 109
		<i>Всего в циркумполярном мире</i>	4 611

Только в АЗРФ постоянно проживает больше людей, чем в арктических регионах семи других приарктических стран мира, вместе взятых. Эти индикаторы являются самым весомым аргументом в геополитических интригах и заявлениях о якобы пустом российском пространстве, которое срочно надо интернационализировать, осваивать путём захвата и присвоения чужих земель и богатств. Культура народов Арктики и Севера, как часть глобальной поликультуры, несомненно включает в себя культурные универсалии, которые присущи всем культурам независимо от географического места, исторического времени и социального устройства общества. Это не только материальные объекты, вещи, строения, орудия труда, предметы быта, одежда, украшения, но и паттерны — относительно устойчивые и повторяющиеся способы восприятия, чувствования, мышления, деятельности, поведения, включающие обычаи, обряды, ритуалы, символы, духовные ценности и нормы, идеи, веру, знания.

Особое место в этнической палитре культур нашей многонациональной страны занимают 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока⁶. По данным переписи населения 2010 года, порядка 258 тысяч человек проживают в экстремальных природно-климатических условиях, ведут традиционный, в том числе кочевой, образ жизни и традиционное хозяйствование⁷. Это всего лишь 10% от всего населения АЗРФ, более 80% которого является урбанизированным, проживает в городах и посёлках городского типа.

При исследовании этнической напряжённости в Российской Арктике приходится учитывать те *общеглобальные тренды*, которые определяют сегодня в целом международную этнокультурную ситуацию. Арктический этнокультурный ландшафт является неотъемлемой частью глобального ландшафта, включающего 10 000 культур и 6 900 языков⁸. При этом, во всех регионах мира в XXI веке *обостряются процессы исчезновения традиционных культур, языков и малых этносов*. Происходит их вымирание, забываются традиции, уязвимые культуры становятся маргинальными, а то и совсем исчезают. Во время открытия Международного года языков (2008) отмечалось: «Сейчас на каждом из 90% языков говорит менее 100 тысяч человек. 357 языков имеют не более 50 носителей. А существование ещё 46 язы-

⁶ Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации — народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями // ФЗ от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». С изменениями и дополнениями от: 21 марта 2002 г., 22 августа 2004 г., 2 февраля 2006 г., 28 декабря 2013 г. URL: <http://base.garant.ru/182356/> (дата обращения: 27.09.2015).

⁷ Заместитель руководителя ФАДН России Павел Семенов выступит с докладом на Арктическом совете. URL: <http://fadn.gov.ru/news/2015/09/14/2390-zamestitel-rukovoditelya-fadn-rossii-pavel-semenov-vystupit-s-dokladom-na-arkticheskom-sovete> (дата обращения: 23.09.2015)

⁸ 3-я Всемирная климатическая конференция (WCC-3), Женева, 31 августа — 4 сентября 2009 года / Alexander Müller. URL: <http://agroobzor.ru/article/a-300.html> (дата обращения: 02.07.2015).

ков и вовсе под вопросом: на каждом из них говорит лишь один человек»⁹. В мире каждые две недели умирает один язык, а вместе с ним происходит исчезновение культуры, знаний, уникального мышления. Следы местных и автохтонных, так называемых «невидимых знаний», чаще всего устных и маргинальных, сохраняются только благодаря описаниям фольклористами, историками, этнологическими науками, психологией повседневной жизни. Но даже в такой форме традиционные «невидимые» знания остаются в основном узкопрактическими, сильно отличающимися от научных, технических знаний. В экономике, политике, управлении, праве, науке, образовании сегодня преимущественно используются понятные и доступные всем «явные» или кодифицированные, упорядоченные знания, использующие, в том числе, ИКТ, современную информационную инфраструктуру. В связи с этим ставятся вопросы о радикальном сокращении лингвистического разнообразия, которое якобы тормозит развитие и распространение образования, языков массовой коммуникации. Выход из этого тупика ЮНЕСКО видит в том, чтобы установить равновесие между языками. Например, путем установления *двойного образовательного курса* на родном языке и языке межнационального общения, дающем доступ к научным кодифицированным знаниям. Для этого необходимо развивать на местах технологии *перевода*, являющегося наилучшим посредником между культурно-лингвистическим разнообразием и универсальным характером знания¹⁰.

В Российской Арктике протекают культурные процессы, характерные для всего глобального социума, но без масштабных проявлений радикальных форм этнического протеста и экстремизма. Языки, а вместе с ними культуры, как и люди, их носители, приспособляются к новой реальности XXI столетия. Анализ переписей 2002, 2010 гг. показывает, например, что в XXI столетии продолжается естественный процесс умирания ненецкого языка на ментальном уровне. В 2010 году указали владение русским языком 94,4% российских ненцев, а ненецким только 45,28%. Часть ненцев, не владея ненецким языком, считает его всё же родным. Психологически на уровне менталитета это можно объяснить глубоким желанием сохранить свою культуру, свои родные корни. В какой-то степени это также внутреннее неприятие тренда на вытеснение из повседневного обихода своего родного языка, *духовный латентный протест*. При этом на смену уходящим приходит новое поколение молодых ненцев уже с иным менталитетом, потребляющее продукты массовой культуры, использующее современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Среди ненец-

⁹ Половина языков Земли исчезнет / Мишель Монтас, пресс-секретарь генсека ООН. URL: <http://www.vz.ru/society/2008/2/22/147099.html> (дата обращения: 25.12.2010).

¹⁰ К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 240 с. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 02.07.2015).

кого этноса, постоянно утрачивающего родной язык, ускоряются процессы урбанизации, ассимиляции, смены этнической идентификации у потомков смешанных браков. Русский язык в быту, коммуникациях, потреблении продуктов, массовой культуре фактически постепенно вытесняет родной язык не только у ненцев, но и других коренных малочисленных народов.

Однако пока остаются живы носители ненецкого языка, он всё же не канет в лету. По данным восьми переписей общее количество ненцев за 1926—2010 гг. возросло с 18 до 44 тысяч человек, или в 2,4 раза. Поэтому ни о каком вымирании ненецкого этноса, его депопуляции, естественно, речи не идёт. Более того, возможно даже увеличение численности ненцев свыше 50 тысяч человек к 2025—2030 гг. при наличии благоприятных возможностей для его жизнедеятельности, росте рождаемости и продолжительности жизни [4, с. 33—34]. Увеличилась численность коренных малочисленных народов (эвенков, юкагиров, долганов, чукчей) также в Республике Саха (Якутия) с 28,2 тысячи в 1989 году до 40,2 тысячи в 2010 году, но здесь же за 1989—2010 гг. сократилось число эвенов с 10,6 до 9,8 тысячи [5, с. 38].

Позитивный пример в проведении этнополитики показывает сегодня Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, где реализуются проекты «Языковое гнездо», «Этнопедагогический и национально-языковой компоненты в начальной школе обучения», проводятся муниципальный конкурс декоративно-прикладного творчества «Таймырская радуга», муниципальная олимпиада по родным языкам, осуществляются новые подходы к образовательному и воспитательному процессу детей-кочевников, развитию промыслов и декоративно-прикладном искусстве в образовательной среде. Осуществляется проект «Русская литература на языках таймырских этносов». В ходе конкурса выбирается литературное произведение, которое будет переведено затем на пять языков коренных малочисленных народов Таймыра¹¹. Подобная работа ведётся в других регионах, муниципальных образованиях и автономных округах Севера России.

Что касается науки, то следует отметить системный вклад в комплексное изучение этногенеза, трансформации традиционных культур и специфики менталитета, развития языков, этнической культуры и истории народов северо-востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН в г. Якутске, директор института — заслуженный деятель науки России, лауреат Государственной премии РФ, доктор исторических наук, профессор А.Н. Алексеев. Многоцветной социально-этнической картине северных территорий посвящены статьи, опубликованные журналом «Арк-

¹¹ Гришко А.В. На Таймыре, в преддверии педагогической конференции, состоялось заседание круглого этноста-ла // Пресс-релиз Управления общественных связей Администрации Таймыра 11.09.2015.

тика и Север»: о взаимодействии региональной власти и коренных малочисленных народов Севера (И.С. Астахова), повседневной жизни национальных поселений Якутии в контексте социологических исследований (С.М. Баишева), штрихи к портрету жителя арктической зоны Якутии (У.С. Борисова), русские старожилы Якутии: культура и ландшафт (С.И. Боякова), традиционная хозяйственная деятельность — этносохраняющий образ жизни (В.И. Кирко, К.Н. Захарова), о государственной политике в области сохранения языков (Н.П. Копцева), изменения жизненных стратегий и экономического поведения молодёжи Арктики по материалам Усть-Янского района (О.В. Осипова), демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики (В.В. Фаузер) и другие ¹².

Вполне очевидно, что *ключевыми направлениями проводимой российским государством этнополитики* в АЗРФ в языково-культурной сфере становятся обеспечение эффективного доступа коренных народов к использованию кодифицированных знаний, киберпространства, развитие многоязычия, двойных, а может и тройных, образовательных курсов на родном языке, языках межнационального и международного общения, перевода на языки коренных народов. Помимо благих пожеланий для этого необходимы не только политическая воля, но и соответствующие ресурсы, включая человеческие, инвестиции, эффективная реализация принимаемых государственных и региональных программ, ФЦП.

Арктический этнологический мониторинг

Запуск и проведение любого мониторинга требует, прежде всего, тщательной методологической, концептуально-теоретической подготовки. В связи с этим, заметим, что этническая напряжённость и конфликтность всегда социальны, их носителями являются люди и социальные общности. Социально-этническая напряжённость в российском обществе в настоящее время во многом является следствием воспроизводства *социальной аномии*, к росту которой приводит имущественное расслоение, угроза безработицы, социальная незащищённость, неуверенность в завтрашнем дне. Методологический анализ социальной аномии операционализируется в соответствующую методику и перечень показателей её воспроизводства, таких как: социально-психологическое самочувствие, идентичность социальная и национальная, социально-политическая активность и протестный потенциал, отношение к властным структурам, особенности правосознания, социально-экономическая ситуация, уровень самоубийств [6, с. 4, 19].

¹² Арктика и Север: архив номеров журнала на русском языке. URL: <http://narfu.ru/aan/> (дата обращения: 19.11.2015).

Конфликтное взаимодействие между социально-этническими общностями проявляется в социуме не только из-за различий культурных ценностей, но и несоответствия между ожидаемым качеством жизни и практическим удовлетворением всего спектра потребностей. В число основных факторов межэтнической напряжённости в настоящее время всё чаще включают неконтролируемую миграцию, изменение соотношения этнических групп и влияния в результате вновь создаваемых диаспор, социально-экономическую депрессию, приводящую к «поиску виновных» и ксенофобии, проблеме титульных этносов, этнический национализм (не только русский, но и национализм этнических меньшинств), этнизацию бытовых и социальных конфликтов, распространение радикального ислама, в том числе связанного в 2014—2015 гг. с группировкой ИГИЛ и вербовкой его сторонников в России.

Очень важно раннее выявление латентной межнациональной напряжённости и возникновения на этой почве стихийного протеста, анализ контента записей в социальных сетях,

как маркера настроений в том или ином региональном социуме. При этом необходимо учитывать, что напряжённость, несогласие, соперничество, спор являются только началом конфликтной ситуации, но вполне могут в своей динамике привести к враждебности, агрессии,

насилию и войне на пике конфликтного противоборства (Рис.2. Шкалы уровня напряжённости к конфликте). Точно также предконфликтная ситуация трансформируется в острейшее информационное и энергетическое противоборство на второй стадии конфликта.

В исследовании этнической напряжённости ключевое значение имеет «этническая идентичность» или «этничность»¹³. Ещё С. Хантингтон (1927—2008) отмечал, что культурные идентичности — этнические, национальные, религиозные, цивилизационные, — занимают главное место в современном мире, определяют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта. «Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культур-

¹³ Концепт идентичности (от лат. *Identificare, identicus*) обозначает отождествление, точное соответствие, полное совпадение. Разнообразие субъектности предполагает ответ на вопрос: «Кто я?» «Кто мы такие?» и позволяет выделять в структуре идентичности два уровня: личный и социальный. Типы социальной идентичности обусловлены её многоуровневостью: этнической, региональной, национальной, цивилизационной, психологической, культурной.

ными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и — на самом широком уровне — цивилизациями», — писал он в работе «Столкновение цивилизаций» [7, с. 6], прогнозируя усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов, рост числа беженцев до десятков миллионов, расползание терроризма, повсеместной резни и этнических чисток, распад государств. В современном мире действительно «обостряется борьба за национальную и религиозную идентичность и самоопределение, за передел границ по национальному и религиозному принципу. Растет число конфликтов под этническими и религиозными лозунгами» [8].

Новая российской идентичность, как отмечает профессор Л. М. Дробижева, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, — это *сложный конгломерат* ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Свыше 90% идентифицируют себя гражданами России [9, с. 269]. Вместе с тем, по результатам проведённых социологических исследований в разных регионах РФ в той или иной степени фиксировалось распространение ксенофобии — страхов по отношению к другим, а также радикальных антиэмигрантских настроений, национализма. Общая тенденция межэтнического противостояния в современной Якутии, например, очевидна — это противостояние мигрантов и «местного» населения, независимо от его расовой и национальной принадлежности¹⁴.

На общем глобальном кризисном фоне перманентных изменений ситуация в Арктике чаще всего оценивается сегодня как устойчиво стабильная. Понятие «*стабильности*» при этом воспринимается в общественном мнении как оттенок некоего застоя, консервации имеющих социально-этнических и международных отношений, хотя это не будет отражать в полной мере весь контент данной дефиниции. *Под этнической стабильностью*, по моему мнению, правильнее понимать устойчивое социально-экономическое и культурное развитие, имеющее поступательный характер и не исключающее перманентное обновление в противовес неизменности застывшего (замороженного) традиционного этнокультурного пространства. Насколько велик запас стабильности в Арктике — готовых научно обоснованных ответов на этот вопрос пока нет, хотя прогнозных оценок и публикаций на эти темы вполне достаточно, в том числе данных проводимых мониторингов.

Проведённый Центром изучения национальных конфликтов¹⁵ мониторинг этнокон-

¹⁴ Есть ли в Якутии межэтническое противостояние? URL: <http://www.1sn.ru/67218.html> (дата обращения: 20.03.2015).

¹⁵ ЦИНК основан в 2013 году. Главным исследовательским проектом является Рейтинг межэтнической напряжённости в регионах России «Гроздь гнева».

фессиональной ситуации в субъектах РФ показал, что в общей сложности с 1 сентября 2013 г. по 20 марта 2014 г. в России произошло 570 этнически мотивированных конфликтных действий различной степени интенсивности (от размещения ксенофобного контента в интернете до массовых столкновений с применением оружия и смертельными исходами)¹⁶. Весной-осенью 2014 года было зафиксировано снижение количества проявлений межнациональной вражды на 35 %¹⁷.

Рисунок 3. URL: <http://cdn5.files.rzn.info/data/image/gallery/base/8/8b/8b184a8935345/original.jpg>

Что касается проблем северных территорий, то ещё в первом докладе отмечалось, что большинство насильственных конфликтных действий в Ханты-Мансийском автономном округе было направлено против выходцев с Кавказа (дагестанцев, чеченцев) и трудовых мигрантов из стран Средней Азии (киргизов, таджиков). Во втором выпуске (весна-осень 2014) подчеркивалось, что ситуация в ХМАО продолжает ухудшаться, неконтролируемая миграция, экспансия радикального ислама и экономическая конкуренция создают мощный конфликтный потенциал. На интерактивной карте как первого, так и второго исследований практически все регионы Арктики и Севера России были окрашены в цвета с низкой и очень низкой напряжённостью и не входили в активную зону рисков с высокой и средней напряжённостью. В Архангельской, Мурманской и Тюменской областях, Республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия), в Ямало-Не-

¹⁶ Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряжённости в регионах России. Осень 2013 — весна 2014 года. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (дата обращения: 17.10.2015)

¹⁷ Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряжённости в регионах России. Весна — осень 2014 года. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/files/public/rating/thegrapesofwrath02.pdf> (дата обращения: 17.10.2015)

нецком округе весной-осенью 2014 года фиксировались преимущественно ненасильственные конфликтные действия; единичные насильственные действия; неоднократные конфликтные действия в Интернете. В Ненецком и Чукотском автономных округах, Магаданской области, Пермском крае отсутствовали или редки были ненасильственные действия. Замечу, что в указанных двух докладах речь ведётся в основном всё же не о самих конфликтах, а всего лишь о возникновении конфликтных ситуаций, которые могут перерасти, а могут и не трансформироваться в острое конфликтное противоборство в регионах АЗРФ.

Необходимо иметь в виду, что в России опыт проведения этнологического мониторинга на протяжении длительного периода и высоком научном уровне был апробирован ранее. В 1993 году была запущена работа Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов неправительственной экспертной организации (EAWARN). Сеть издала 19 фундаментальных докладов об этнополитической ситуации в России и сопредельных государствах, несколько сотен специальных бюллетеней, серию тематических докладов и книг. В 1996—2001 гг. выходило серийное издание «Модели этнологического мониторинга». Руководил сетью известный учёный, академик В.А. Тишков, бывший директор Института этнологии и антропологии РАН, с июля 2015 года — научный руководитель ИЭА РАН. В настоящее время в институте действует Центр этнополитических исследований. Накопленный опыт EAWARN несомненно очень значим при проведении подобного рода работы.

С июля 2014 года в России создаётся единая система мониторинга межнациональных отношений, предупреждения возможных конфликтов на этнической почве¹⁸. В число пилотных регионов для апробирования такой системы вошли 17 субъектов РФ (их состав затем уточнялся). Из северных территорий в проект был включен Ханты–Мансийский автономный округ. Администрация сельского поселения Алябьевский ХМАО осуществляла, например, мониторинг по 8-ми направлениям:

1. Деятельность религиозных организаций на территории сельского поселения.
2. Деятельность некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку.
3. Влияние миграционных процессов, в том числе состояние преступности с участием иностранных граждан.
4. Публичные мероприятия: митинги, демонстрации, шествия, пикетирования.
5. Обращения в органы местного самоуправления (ОМС) физических и юридических лиц.
6. Деятельность неформальных молодёжных объединений на территории сельского поселения.
7. Печатные средства массовой информации на территории сельского поселения.
8. Оперативное реагирование на проявления экстремизма: результаты рассмотрения правоохранительными органами информационных материалов, направленных ОМС по выявленным про-

¹⁸ Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям 3 июля 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46144> (дата обращения: 31.07.2015)

явлениям с признаками экстремизма; профилактические мероприятия, проводимые ОМС в целях предупреждения проявлений экстремизма, в том числе информационно-пропагандистское сопровождение деятельности по профилактике экстремизма, наличие и издание муниципальных правовых актов и планов мероприятий, направленных на профилактику экстремистских проявлений на религиозной почве, деятельность совещательных органов по противодействию экстремистской деятельности, межнациональным вопросам¹⁹.

При этом число индикаторов по указанным восьми направлениям просто зашкаливало и приближалось к 80-ти. Явный избыток собираемых сведений, да ещё на уровне самых низовых муниципальных поселений, при отсутствии профессионально подготовленных для этого кадров (хотя бы прошедших минимальное повышение квалификации), обостряет проблемы верификации, валидности, надёжности получаемой информации и успешно способствует бюрократизации всего процесса мониторинга, начиная с поселений. Насколько достоверной будет корреляция с данными соответствующих ведомственных учреждений — остаётся под вопросом. Дублирование источников информации всегда требует тщательного сравнительного анализа. Безусловно, пилотные проекта как раз и нацеливаются на проведение эксперимента и апробацию используемых методик, но эффективность в целом всего проекта мониторинга пока вызывает сомнения.

Перед вновь созданным Федеральным агентством по делам национальностей поставлена задача «пытаться просчитывать возможные риски, аккумулировать предложения, создавать программы, предлагать решения тех или иных проблем и, соответственно, для выполнения этих задач реализовывать те или иные проекты»²⁰. Система мониторинга будет опираться на данные Росстата, ФСБ, ФСО, МВД, Росфинмониторинга, IT-программы. Получение достоверных данных во многом будет зависеть от состыковки программного обеспечения, социологии и экспертных оценок, а также от компетенций персонала на всех уровнях получения и обработки информации.

Нужно подчеркнуть, что процессы оценки и регулирования этнических конфликтов в регионах тесно связаны и взаимозависимы от их *моделирования, мониторинга и менеджмента*. Важно понять, что отдельные замеры в Арктике и на Севере России не дают необходимого результата в изучения всех совокупностей напряжений и конфликтности. Мониторингу присуще моделирование инструментария эмпирического исследования региональных кон-

¹⁹ Постановление администрации сельского поселения Алябьевского района Ханты-Мансийского автономного округа – ЮГРЫ от 20 мая 2014 г. № 98 “Об организации системы мониторинга по профилактике межнациональных (межэтнических), межконфессиональных конфликтов на территории сельского поселения Алябьевский”. URL: <http://alabievo.ru/documents/552.html> (дата обращения: 01.08.2015).

²⁰ Стенограмма встречи Дмитрия Медведева с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Баринным 29 июля 2015 года. URL: <http://government.ru/news/19081/> (дата обращения: 03.08.2015).

фликтов на основе концептуальных данных, а менеджменту — «моделирование (программирование) системы эффективных практических мер по их урегулированию в соответствии с полученными конкретными эмпирическими данными» [10, с. 15—16]. Поэтому арктический этнологический мониторинг в целом нужен не только для фиксации возникающих «гроздьев гнева» на местах, а для принятия обоснованных решений по предупреждению конфликтов и их разрешению. По его результатам локализуется фактическая напряжённость в межэтнических отношениях, анализируются возникающие конфликтные ситуации (определяется предмет конфликта, как минимум две его стороны и другие участники) и прогнозируется возможность трансформации конфликтной ситуации в энергетическое и информационное противоборство в ходе второй фазы конфликта, его завершение на третьей фазе.

Хочу также подчеркнуть, что практическое применение тех или иных индикаторов в процессе арктического этнологического мониторинга отнюдь не отменяет проведение научных исследований и формирование баз данных по нескольким предметным разделам. Тематика такого рода информационных баз сгруппирована мною в 7-мь блоков.

1. Демографический состав, численность, рождаемость, смертность, социально-этническая структура населения по данным переписей и опросов, анализ возникающих проблем гражданской и этнокультурной идентичности.
2. Культурно-языковая ситуация, динамика жизни языков коренных народов Севера, проблемы лингвистического разнообразия, образования, перевода.
3. Распространение религиозных конфессий христианства (православие, протестантизм, католицизм), ислама, сектантства, традиционных верований народов (культ предков, анимизм, фетишизм, магия, шаманизм) и анализ возникающих конфликтных ситуаций в XXI веке. Ценностные ориентации, менталитет коренных народов Севера.
4. Качество жизни, состояние здоровья, социальная сплочённость населения. Индексы человеческого развития (ИЧР), креативности, счастья, толерантности в субъектах и муниципальных образованиях АЗРФ, Крайнего Севера. Инвестиции в накопление и развитие человеческого капитала северных территорий России.
5. Существующие проблемы территорий традиционного природопользования КМНС, жизнеспособности промыслов (оленьеводство, рыбный, охотничий, морской, собирательство), кочевых родовых общин, обеспечения занятости, создания новых рабочих мест (выделение квот) в ведущих отраслях экономики для коренных народов Севера.
6. Межэтнические проблемы внутренней и внешней миграции, мобильности населения, ксенофобии в субъектах и муниципальных образованиях Арктики и Севера по результатам мониторинга (здесь важно использовать динамику конфликтных ситуаций, горячих этнических точек).
7. Политические, правовые отношения федеральных, региональных и муниципальных органов власти и управления, бизнеса и местного населения, в том числе по проблемам освоения природных ресурсов, экологии, развития социальной и транспортной инфраструктуры, территорий традиционного природопользования.

Очевидно, что данный мною перечень можно дополнить, изменить. К сожалению, при анализе ситуации в АЗРФ возникают трудности доступа к соответствующим базам региональных ор-

ганов полиции и служб безопасности, к криминальной статистике, информации о социально-этническом протесте. Однако практически управлять конфликтным взаимодействием во всех сферах жизнедеятельности северных социумов необходимо уже сегодня, здесь и сейчас, на что нацеливается общероссийская система мониторинга межнациональных отношений, если её не забюрократизируют на всех уровнях федерального, регионального и муниципального управления.

Управление конфликтным взаимодействием в АЗРФ

Моя авторская позиция заключается в признании универсальности методов управления социально-этническими конфликтами в человеческих сообществах и организациях. Однако, универсальность не отрицает, а наоборот — требует учёта социально-этнических особенностей Российской Арктики и складывающейся на местах реальной ситуации. На возникновение горячих этнических точек в северных регионах способны оказывать воздействие как перезревшие, нерешаемые длительное время проблемы внутреннего социально-экономического развития, так и внешние акторы, использующие мягкую силу. Предупреждение (профилактика) социально-этнических конфликтов в Российской Арктике стратегически заключается в создании благоприятных условий для жизнедеятельности всего населения на северах здесь и сейчас.

Касаясь проблемных вопросов, нужно отметить, что в РФ до сих пор не завершено даже зонирование Российской Арктики и Севера России, легитимное закрепление границ их территорий и акваторий. Бесконечное обсуждение новой сетки районирования Крайнего Севера России, соответствующих критериев, индикаторов, преференций, льгот увязло в бюрократической машине российской государственности. Разрабатываемые арктические стратегии, программы социально-экономического развития во многом имеют декларативный характер, не подкреплены финансовыми и другими ресурсами. Не случайно поэтому готовится новая редакция государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие АЗРФ до 2020 года»²¹. Экспертным советом по Арктике и Антарктике при Совете Федерации ФС РФ (председатель Экспертного совета — В.А. Штыров) в 2015 году обсуждалась концепция проекта федерального закона «Об особых условиях социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации». Однако вариант проекта ФЗ от 17 ноября 2015 года уже назван «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», что опять же свидетельствует о дефиците инвестиций, других ресурсов для решения социально-экономических проблем Россий-

²¹ На заседании президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики 5 октября 2015 года даны, например, поручения федеральным министерствам о включении в новую редакцию госпрограммы РФ «Социально-экономическое развитие АЗРФ до 2020 года» ряда необходимых мероприятий.

ской Арктики. Нет никакого смысла включать в федеральный закон заведомо невыполнимые социальные обязательства, льготы населению, КМНС, а также преференции для бизнеса, субъектов РФ и муниципальных образований АЗРФ.

Однако насущная потребность в модернизации российского законодательства в отношении коренных народов Арктики и Севера России остаётся актуальной. Конструктивное разрешение социально-этнических конфликтов априори базируется на применении законов (по закону, а не по понятиям), использовании нормативных механизмов и институтов (суды, прокуратура и др.), неформальных процедур: арбитража, переговоров, посредничества. Всё это может дать результат только в том случае, если на местах отработана правоприменительная практика, эффективность которой, к сожалению, в регионах России пока ещё оставляет желать много лучшего.

Постоянную напряжённость в отношениях с властью вызывает отстаивание прав коренного населения на ресурсы проживания своих территорий. Положения действующего федерального закона РФ о территориях традиционного природопользования КМНС не являются нормами прямого действия и практически не реализуются. Фактически вообще подорвана материальная основа существования коренного населения Севера, Арктики — разрушены традиционные отрасли хозяйствования (оленоводство, рыбные, охотничьи, морские промыслы), а для работы в приоритетные отрасли экономики коренные народы практически не привлекаются, — констатируют А.А. Пахомов и Т.С. Мостахова [5, с. 39—41].

Речь конкретно идёт о правах безвозмездного пользования землёю и водными объектами в местах традиционного проживания, сохранении и развитии родного языка, традиций и культуры, об упрощенном порядке доступа к пользованию водными биоресурсами, особом режиме лесопользования, господдержке общин коренных малочисленных народов. На заседании президиума Госкомиссии по вопросам развития Арктики 5 октября 2015 года даны поручения проработать вопрос о внесении изменений в законодательство РФ о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов в части заключения договоров о предоставлении рыбопромысловых участков без проведения конкурсов лицам, относящимся к коренным малочисленным народам и их общинам для осуществления рыболовства в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности. Решаются и другие проблемные вопросы.

При этом некоторые региональные инициативы вызывают недоумение. Так, один из губернаторов вдруг предложил переименовать перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: «В моём представлении этот документ необходимо пе-

реименовать в перечень коренных малочисленных народов Арктики, Сибири и Дальнего Востока»²². Однако давно известно, что Север России реально включает высокие арктические широты (Арктика — часть Севера, понятие Севера шире концепта Арктики). В Арктике просто не существует коренных малочисленных народов, которые не входили бы легитимно по своему статусу в перечень КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Следует заметить, что также постоянно будируются, используются в качестве инструментов мягкой силы проблемы политизации северной этничности, в частности, например, включения русских поморов в перечень КМНС на Европейском Севере России²³. Преференции для КМНС сегодня объективно создают напряжённость в отношениях с другими коренными народами, со старожильческим населением, включая русских поморов, как будто эти люди не северяне и живут совершенно в других природно-климатических условиях, а не тут же рядом, в муниципальных поселениях, занимаясь одними и теми же промыслами несколько столетий, чтобы элементарно выживать. Однако здесь ничего не меняется уже длительное время.

Считаю, что политику патернализма КМНС, в том числе на законодательном уровне, безусловно нужно продолжать с учётом того, что группа небольших по численности северных этносов наиболее уязвима и требует больше внимания со стороны государства и общества. Понимая это, участники парламентских слушаний, которые провёл комитет Госдумы по делам национальностей 23 апреля 2015 года, обсудили проект ФЗ № 42057-6 «О внесении изменений в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» и отдельные законодательные акты РФ в части дополнения и уточнения понятийного аппарата, определения порядка отнесения граждан к коренным малочисленным народам РФ. Требуют утверждения методики возмещения убытков, причиненных в результате нанесения ущерба исконной среде обитания КМН. Обсуждалась также концепция ФЗ «Об оценке воздействия на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и традиционное природопользование коренных малочисленных народов РФ»²⁴.

Вместе с тем, вполне очевидно, что ключевой проблемой сегодня всё больше становится поиск баланса между патернализмом государства по сохранению традиционных куль-

²² Особый статус Севера. 5 октября 2015. URL: <http://www.orlov29.ru/gubernator/news/1240.html> (дата обращения: 03.11.2015)

²³ Дискуссию о русских поморах оставляю за рамками данной статьи, учитывая, что Издательским домом имени В.Н. Булатова опубликовано второе издание монографии «Новая Архангельская летопись», в которой поморам посвящён целый раздел: «Поморведение: о Поморье и поморах» // Новая Архангельская летопись: монография. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: САФУ, 2015. С. 50—90.

²⁴ Парламентские слушания на тему: «Законодательное обеспечение жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». 23.04.2015. URL: <http://www.komitet2-4.km.duma.gov.ru/site.xp/052051124049050053054.html> (дата обращения: 10.09.2015)

тур, хозяйствования, промыслов КМНС, с одной стороны, и использованием современных технологий, объёмом инвестиций в накопление человеческого капитала северян, с другой. Решение проблем качества жизни, социальной активности и мобильности населения практически невозможно без увеличения инвестиций, обеспечивающих *накопление человеческого капитала северных социумов* — вложений в образование, здоровье, отдых, жильё, развитие креативности, повышение квалификации и получение молодежью новых профессиональных компетенций. Конкретно речь идёт об обеспечении на местах социальной сплочённости, занятости, фактическом создании новых рабочих мест (выделение реальных квот) в ведущих отраслях современной экономики для всего населения Севера, включая КМНС, развитию самоуправления. Продуманное бюджетное инвестирование государства в квотирование новых рабочих мест для коренных народов Севера (больших и малых по численности), старожильческого населения должно сочетаться с целым комплексом решаемых задач: применением современных технологий; развитием государственно-частного партнерства; поддержкой малого и среднего бизнеса, самоуправляемых общин нового типа; с регулируемой мобильностью трудовых ресурсов и созданием для этого необходимых условий; с эффективным регулированием нарастающей внешней и внутренней миграции.

Важно отметить, что в регионах АЗРФ уже накапливается проверенный практикой опыт соблюдения баланса между патернализмом и внедрением новейших технологий XXI века. Губернатор Ненецкого автономного округа Н. Кошин, например, считает, что: «Успех устойчивого развития коренного населения Арктики — в балансе между сохранением традиций и внедрением современных технологий». К примеру, наш проект кочевых школ предусматривает использование электронных учебников, а классы по изучению ненецкого в школах округа оснащены мультимедийным оборудованием... Как бы странно это ни звучало, прогресс помогает нам сохранять культуру коренных народов, а поднятию престижа профессии оленевода способствует целевая экономическая поддержка от государства. Сегодня мы субсидируем не все издержки, а часть затрат в зависимости от объёма произведённой и реализованной продукции. Тогда получаем результат!»²⁵.

Между тем заметим, что в Арктике и на Севере России пока не получили широкого распространения технологии шестого технологического уклада, **зелёная экономика** (Green economics, Ecological economics). Переход от традиционной модели экономического роста к «зелёной экономике» — это общемировой тренд с опорой на ресурсосберегающие и экологи-

²⁵ В Архангельске в рамках Арктического совета проходит конференция, посвященная устойчивому развитию региона и его коренного населения. URL: <http://adm-nao.ru/press/governor/7548/> (дата обращения: 17.09.2015)

чески безвредные производства, повышение благосостояния людей и снижение рисков для окружающей среды, — подчёркивает доктор экономических наук С.А. Липина [11, с. 54]. Ключевой проблемой развития зелёной экономики в Арктике становится переход на новые технологии переработки отходов, создание безотходных производств. «Если традиционная экономика совмещает труд, технологии и ресурсы, чтобы производить товары конечного пользования и отходы, то зелёная экономика должна возвращать отходы обратно в производственный цикл, нанося минимальный вред природе», — считает известный экономист Павана Сухдев²⁶. Не вдаваясь детально во все аспекты понимания зелёной экономики, отмечу несколько актуальных позиций, имеющих, по моему мнению, значение для снижения конфликтности в исследуемых регионах Арктики и Севера РФ.

1. Прежде всего, важно понять и принять, что концептуально «зелёная» экономика очень близка традиционной культуре северян, их мировосприятию, ценностям и может сыграть в перспективе огромную роль в социально-экономическом развитии коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
2. *Во-вторых*, применение в Арктике и на Севере России современных технологий генерации энергии (например, проект Мезенской приливной гидроэлектростанции), энергоэффективности в строительстве и на транспорте, бережного отношения к потреблению воды и выходу на рынок с этим новым товаром, утилизации отходов, — всё это открывает уникальное *окно возможностей* для того, чтобы занять лидирующие позиции в развитии зелёной экономики и снять отчасти существующее конфликтное напряжение.
3. *В-третьих*, в Российской Арктике уже несколько лет ведётся масштабная очистка загрязнённых островных и прибрежных территорий, удаления и вывоза накопленных ранее отходов. К этой работе активно подключились регионы, федеральные министерства и ведомства, в том числе Министерство обороны РФ. Задача сегодня заключается в том, чтобы не допустить в будущем конфликтных ситуаций, связанных с появлением новых загрязняющих производств, особо обращая внимание на развитие ЖКХ, урбанистической инфраструктуры Мурманска, Воркуты, Норильска, Северодвинска, Тикси, других городов и посёлков, где проживает 80% всего населения АЗРФ, на жизнедеятельность постоянных и вахтовых поселений на островах в акватории СЛО.
4. *В-четвёртых*, основная проблема постоянной конфликтности, на мой взгляд, во многом заключается в экономической цене вопроса, масштабах затрат и сроках окупаемости экологических проектов при переходе к зелёной экономике на северах, в том числе при эксплуатации Северного морского пути. Где взять необходимые ресурсы, найти источники финансирования для продвижения зелёной экономики в АЗРФ — этот вопрос остаётся открытым.
5. *В-пятых*, дискуссионным и противоречивым всегда был и остаётся вопрос о тотальном запрете хозяйственной деятельности в крайне уязвимом с позиций экологии арктическом регионе. Имеет смысл ввести временные ограничения в РФ на добычу углеводородов на глубоководном континентальном шельфе в северных морях, а частному бизнесу, госкомпаниям предложить сосредоточиться на прибрежных мелководных акваториях, на применении технологий добычи нефти с максимально возможным извлечением запасов из скважин на суше, использованием (а не сжиганием) попутного газа, поиске других резервов. Правительству РФ давно пора дать поручения о разработке или коррекции специальных экологических стандартов для Российской Арктики с учё-

²⁶ Зелёная экономика. URL: <http://www.regreenlab.ru/ru/green-economic> (дата обращения: 24.10.2015)

том мирового опыта, достижений современной науки и права.

Убеждён, что эти и другие меры позитивно повлияют на снижение уровня конфликтности. Очень часто мы ещё не осознаём в полной мере, что ландшафт Российской Арктики — это настоящее национальное богатство нашей страны, качество которого во многом определяет устойчивость биосферных процессов, развитие экономики, здоровье населения Европы и Азии. В новостях об Арктике в СМИ часто приводят оптимистические оценки потенциально возможных, ещё даже неразведанных бурением, запасов нефти и газа. И нередко забывают о том, что Арктика — это не только источник минерального и углеводородного сырья, но и возобновляемых природных ресурсов, крупные резервы пресной воды и чистый, прохладный воздух (кислород, поглощение углекислоты), мировая «кухня погоды».

Заключение

Таким образом, даже краткий анализ основных концептов и современной ситуации межэтнических отношений позволяет сделать вывод, что накопленная палитра знаний *методологически расширяет тезаурус* этнокультурного ландшафта Арктики и не только определяет целеполагание и содержание всех последующих исследований, но и задаёт достаточно высокую теоретическую планку в их дальнейшем проведении. Появляется возможность использования уже накопленного смыслового богатства в практике государственного и муниципального управления.

Осуществляя мониторинг этнической напряжённости в Российской Арктике, необходимо внимательно анализировать контент и меры профилактики возникающих конфликтных ситуаций, оценивая угрозы их трансформации в длительное конфликтное противостояние. Практическое применение тех или иных индикаторов в процессе арктического этнологического мониторинга и управления отнюдь не отменяет проведение междисциплинарных научных исследований, формирование баз данных и приращение научных знаний.

Хочу подчеркнуть, что консервация прежнего образа жизни КМНС и патернализм в XXI веке практически не приносят ожидаемого эффекта. Поэтому очень важно соблюдать баланс между «умным патернализмом» государства по сохранению традиционных культур, хозяйствования, промыслов, с одной стороны, и внедрением современных технологий, ростом инвестиций в накопление человеческого капитала в Арктике и на Севере России, с другой. Безусловно нужно продолжать работу на законодательном уровне по защите прав КМНС. Однако ключевой проблемой становится обеспечение на местах социальной сплочённости, занятости, мобильности населения, создание новых рабочих мест (выделение квот) в ведущих отраслях современной экономики для северян в сочетании с ростом инвестиций в накопление

человеческого капитала (образование, здоровье, отдых, жильё), развитие креативности, повышение квалификации и компетенций населения, в первую очередь молодёжи. Назрела потребность в переходе к зелёной экономике, которая очень близка традиционной культуре коренного населения Севера, мировосприятию КМНС.

Очевидно, что для реализации поставленных временем задач на северах требуются значительные объёмы инвестиций, что вряд ли реально сегодня в условиях переживаемого кризиса и проводимого стратегического курса «на восток».

Социальная ответственность российского государства и бизнеса, господство закона, минимизация коррупции (негативные примеры губернаторов Республики Коми, Сахалинской области, видимо, только верхушка подобного айсберга) создают ключевые условия для профилактики конфликтных ситуаций не только во всём российском обществе, но и в межэтнических отношениях в Арктике и на Севере России.

Кроме названных в статье, имеется множество других технологий управления этнической напряжённостью, позитивный практический опыт, апробированные практики управления в субъектах и муниципальных образованиях АЗРФ, в других приарктических государствах. Лучшие практики управления этнической напряжённостью и конфликтами несомненно нуждаются в анализе, обобщении и внедрении в управленческую деятельность государства на всех уровнях власти, включая федеральные ведомственные структуры, субъекты РФ и муниципальные образования на Севере России.

Естественно, что обеспечение стабильности внутреннего этнического пространства АЗРФ требует продолжения проводимых научных исследований и их успешной апробации в государственной этнополитике и практике управления на местах.

Литература

1. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М.: Альпина Паблишерз, 2009. 419 с.
2. Солдатова Г. У. Психология межэтнических отношений в ситуации социальной нестабильности: Дис. ...д-ра психол. наук 19.00.05. Москва, 2001. 431 с. URL: <http://www.dissertcat.com/content/psikhologiya-mezhetnicheskikh-otnoshenii-v-situatsii-sotsial-noi-nestabilnosti> (дата обращения: 03.07.2015).
3. Сударенков В.В. Ландшафты Арктики и их правовая охрана / Тезисы к докладу на пленарном заседании II Международного арктического правового форума «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты». СПб, 3—14 ноября 2014 года.
4. Лукин Ю.Ф. Являются ли ненцы вымирающим этносом // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 32—50. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/6f3/04.pdf> (дата обращения: 01.09. 2015).
5. Пахомов А.А., Мостахова Т.С. Арктические территории: проблемы развития и освоения (на примере Республики Саха (Якутия)) // Экономика Востока России. 2014. № 2. С. 33—42.

6. Малинина К.О. Социальная аномия в современном российском обществе: причины, проявления, показатели / Автореф. дис. ...канд. социолог. наук. М., 2015. 25 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003.
8. Безруков А., Сушенцов А. Россия и мир в 2020 году. Контурсы тревожного будущего. М.: Эксмо, 2015. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/96/45/09964525.a4.pdf> (дата обращения: 06.09.2015)
9. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
10. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Выпуск 20. Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент/ главный редактор Е.И. Степанов. М.: Едиториал УРСС, 2003. 464 с.
11. Липина С.А. «Зелёная» экономика — путь развития государств в XXI веке // Арктические ведомости. 2015. № 3 (14). С. 54—59.

References

1. Deming E. Vyhod iz krizisa: Novaya paradigma upravleniya lyudmi, sistemami i processami. М.: Alpina Pablisherz, 2009. 419 s.
2. Soldatova G. U. Psihologiya mezhetnicheskikh otnoshenij v situacii socialnoj nestabilnosti: Dis. ...d-ra psixol. Nauk 19.00.05. Moskva, 2001. 431 s. URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhologiya-mezhetnicheskikh-otnoshenii-v-situatsii-sotsial-noi-nestabilnosti> (Accessed: 03.07.2015).
3. Sudarenkov V.V. Landshafty Arktiki i ih pravovaya ohrana / Tezisy k dokladu na plenarnom zasedanii II Mezhdunarodnogo arkticheskogo pravovogo foruma «Soxranenie i ustojchivoe razvitie Arktiki: pravovye aspekty». SPb, 3—14 noyabrya 2014 goda.
4. Lukin Yu. F. Yavlyayutsya li nency vymirayushhim etnosom // Arktika i Sever. 2013. № 12. S. 32—50. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/6f3/04.pdf> (Accessed: 01.09. 2015).
5. Pahomov A.A., Mostaxova T.S. Arkticheskie territorii: problemy razvitiya i osvoeniya (na primere Respubliki Saxa (Yakutiya)) // Ekonomika Vostoka Rossii. 2014. № 2. S. 33—42.
6. Malinina K.O. Socialnaya anomiya v sovremennom rossijskom obshhestve: prichiny, proyavleniya, pokazateli / Avtoref. dis. ...kand. sociolog. nauk. М., 2015. 25 s.
7. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. М.: Izdatel'stvo AST, 2003.
8. Bezrukov A., Sushencov A. Rossiya i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushhego. М.: Eksmo, 2015. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/96/45/09964525.a4.pdf> (Accessed: 06.09.2015)
9. Drobizheva L.M. Etnichnost v socialno-politicheskom prostranstve Rossijskoj Federacii. Opyt 20 let. М.: Novyj khronograf, 2013. 336 s.
10. Socialnye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tehnologii razresheniya. Vypusk 20. Regionalnye konflikty: modelirovanie, monitoring, menedzhment / glavnyj redaktor E.I. Stepanov. М.: Editorial URSS, 2003. 464 s.
11. Lipina S.A. «Zelyonaya» ekonomika — put razvitiya gosudarstv v XXI veke // Arkticheskie vedomosti. 2015. № 3 (14). S. 54—59.

Рецензенты: Jukka Nyysönen, Doctor Artium, post-doctoral, the Arctic University of Norway
Ульяновский Виктор Иванович,
доктор социологических наук, профессор

УДК 364.25, 504.75

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.144

Основы жизни ненцев арктического острова Колгуев

© **Михайлова** Галина Викторовна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института экологических проблем Севера (Архангельск) Уральского отделения РАН. E-mail: g.mikhaylova23@yandex.ru

Аннотация. На основе результатов этносоциологических полевых исследований на острове Колгуев (Баренцево море), проведенных опросов ненецкого населения в 2006, 2007, 2014 годы и фокус-групп рассмотрены основы социально-экономической жизни коренных жителей арктического острова. Выявлена обеспокоенность населения со-

кращением поголовья оленей, изменением природной среды, поскольку это угрожает традиционной жизнедеятельности, негативно влияет на качество жизни людей. Характеризуя трансформацию природной среды, коренные жители острова Колгуева отмечают происходящие природно-климатические аномалии, а также изменение растительности, численности и местообитаний животных и птиц, повышение значимости проблемы замусоривания островной территории.

Ключевые слова: Арктика, остров Колгуев, ненцы, жизнедеятельность, изменение природной среды, общественное мнение, этносоциологические исследования

The foundations of life of Nenets people on the arctic island of Kolguev

© **Galina V. Mikhailova**, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Ecological Problems of the North (Arkhangelsk), Ural Branch of the RAS. E-mail: g.mikhaylova23@yandex.ru

Abstract. The social and economic foundations of indigenous people's life on the Kolguev Island (Barents Sea) are presented in the article in terms of the ethno-sociological field work results, surveys and "focus-groups" research of Nenets people done in the years 2006, 2007 and 2014. The anxieties of people caused by the reducing of reindeer herd, changes of the environment that damaged the traditional way of life and economy and negatively influenced the quality of life of indigenous population were identified. Speaking about the transformations of the local environment, the indigenous people of the Kolguev Island mentioned natural and climatic anomalies, changes of plants and populations of birds and animal as well as the increasing pollution of the Island.

Keywords: Arctic, Kolguev Island, Nenets, life activity, changes in the natural environment, public opinion, ethno-sociological research

Введение

Стратегической целью исследований в Арктике является научное обоснование системы рационального и безопасного природопользования, а также сохранения самобытной культуры и упрочение традиционных отраслей хозяйствования малочисленных народов Севера. В соответствии с Основами государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, одним из приоритетов является улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности в Арктике.

Модельной территорией для изучения современного положения коренного арктического населения стал остров Колгуев — территория традиционного проживания и природопользования ненцев, на которой в настоящее время активно ведётся нефтедобыча.

Рисунок 1. Остров Колгуев в НАО. URL: <http://player.myshared.ru/991730/data/images/img12.jpg>

Сбор этносоциологического материала осуществлялся методами опросов. В 2006 году было опрошено 113 жителей пос. Бугрино, в 2007 году — 187 человек, в 2014 году — 70 человек. В 2014 году также были проведены экспертные интервью и три фокус-группы (с представителями оленеводства, образования, пенсионеров). Для формирования фокус-групп использовалась невероятностная, целевая выборка.

Основные проблемы социально-экономической жизнедеятельности ненцев

В 1858 году население острова составляло более ста человек, занимавшихся традиционными видами хозяйственной деятельности. В 1936 году в административном центре ост-

рова в пос. Бугрино были построены несколько жилых домов, школа-интернат, хлебопекарня, магазин. Кочевое население острова стало переселяться в дома. На 1 октября 2014 года в поселке зарегистрировано 464 человека. Около 80% населения — ненцы¹.

Основными проблемами островной жизни на протяжении последних девяти лет остаются: 1) отсутствие рабочих мест; 2) неудовлетворительные жилищные условия; 3) алкоголизация населения; 4) низкий уровень доходов. Однако наибольшую актуальность (1-е место) по результатам опроса 2014 года получила проблема сокращения поголовья оленей.

Таблица 1

Результаты опросов общественного мнения об актуальных проблемах жизнедеятельности ненцев острова Колгуев (2006 г., 2014 г.)

Какие острые проблемы Вас больше всего беспокоят?	Количество отметивших данную проблему, чел.		Рейтинговое место проблемы по частоте упоминания	
	2006 г.	2014 г.	2006 г.	2014 г.
1) <u>сокращение поголовья оленей</u>	7	61	13	1
2) <u>отсутствие рабочих мест в поселке, безработица</u>	54	59	2	2
3) <u>неудовлетворительные жилищные условия, разрушение (ветхость) домов</u>	47	55	3	3
4) <u>алкоголизм, пьянство</u>	32	53	4	4
5) <u>низкий уровень заработной платы, пенсии</u>	60	51	1	5
6) <u>невнимание администрации НАО к нуждам населения острова</u>	12	51	8	5
7) <u>нехватка продуктов и промтоваров в продаже, их высокая цена</u>	11	48	9	6
8) <u>отсутствие в посёлке 9-летней школы, дети, которые нигде не учатся</u>	13	47	7	7
9) <u>ухудшение состояния природной среды</u>	14	44	6	8
10) <u>отсутствие грамотных руководителей из числа местного населения</u>	10	42	9	9
11) <u>мало культурных, развлекательных мероприятий, концертов</u>	4	39	14	10
12) <u>упадок национальной культуры, забвение традиций, языка</u>	6	38	13	11
13) <u>отсутствие регулярного транспортного сообщения с материком</u>	30	34	5	12
14) <u>ухудшение отношения людей друг к другу</u>	7	34	11	12
15) <u>разработка нефтяного месторождения на острове Колгуев</u>	3	34	15	12
16) <u>недостаточный объём медицинской помощи</u>	9	32	10	13
17) <u>другое</u>	5	8	12	14

¹ Паспорт муниципального образования «Колгуевский сельсовет» НАО РФ, 2014 год. URL: <http://kolgadm.ru/pasport-poseleniya.html>. МО «Колгуевский сельсовет» НАО / Официальный сайт Заполярного района НАО. URL: <http://www.zrnao.ru/index.php?id=287> (дата обращения: 17.10.2015)

С момента заселения острова Колгуев ненцами, оленеводство составляло основу этносоциальной и хозяйственной жизни островитян. В конце XIX — начале XX столетия на острове насчитывалось 800 голов домашних оленей. В 20—30-х годах XX столетия, с переходом России на новую государственную политику, численность домашних оленей возросла до 5—7 тысяч голов [1]. Весной 2013 года в сельскохозяйственном производственном кооперативе «Колгуев» была документально подтверждена гибель 570 оленей². Падёж продолжился, и спустя год на острове от стада в 12 тысяч голов осталось около одной тысячи оленей³. Несмотря на принятые меры по стабилизации ситуации, к концу 2014 года поголовье сократилось до 153 оленей⁴. В официальных сообщениях указывается в качестве главной причины гибели оленей бескормица, отмечается отсутствие признаков опасных заболеваний.

Представленные в таблице 2 результаты опросов общественного мнения в 2006, 2014 гг. свидетельствуют о значимости оленьего стада для населения пос. Бугрино и об усилившемся беспокойстве населения в связи с гибелью оленей.

Таблица 2

Результаты опроса общественного мнения о влиянии состояния оленьего стада на жизнь населения п. Бугрино (2006 г., 2014 г.)

«Как изменится Ваша жизнь, если на Колгуеве не будет оленьего стада?»	Число ответов		Доля ответов	
	2006 г.	2014 г.	2006 г.	2014 г.
- обязательно улучшится	1	0	1	0
- улучшится	1	0	1	0
- не изменится	7	4	6	6
- ухудшится	47	5	42	7
- несомненно ухудшится	53	61	47	87
- затрудняюсь ответить	4	0	4	0

В 2014 году жители поселка отмечали в интервью, что оленина — основа их питания и с её исчезновением существенно изменится рацион. Это может негативно отразиться на здоровье коренного населения поселка. Люди выражали надежду, что оленину будут привозить и продавать населению острова. В условиях отсутствия необходимой в рационе оленины население поселка вынуждено более активно заниматься охотой, заготовкой мяса гусей, сбором птичьих яиц, рыбной ловлей, а также сбором ягод и даже грибов.

² Проводится расследование обстоятельств массовой гибели оленей на острове Колгуев // Информационное Агентство «Арктика-Инфо». 16.04.2013. URL: http://www.arctic-info.ru/news/16-04-2013/provoditsa-rassledovanie-obstoatel_stv-massovoi-gibeli-olenei-na-ostrove-kolgyev (дата обращения: 17.10.2015)

³ Причинами массового падежа оленей на о. Колгуев стали избыток поголовья и недостаток пастбищ // Наръяна вындер. 14.04.2014. URL: <http://nvinder.ru/news/2997-prichinami-massovogo-padezha-olenei-na-okolgyev-stali-izbytok-pogolovya-i-nedostatok> (дата обращения: 17.10.2015).

⁴ На Колгуеве могут ввести 10-летний мораторий на убой оленей // Наръяна вындер. 07.05.2015. URL: <http://nvinder.ru/news/7784-na-kolgueve-mogut-vvesti-10-letniy-moratoriy-na-uboy-olenei> (дата обращения: 17.10.2015).

Традиционное природопользование на Колгуеве соседствует с промышленной добычей углеводородного сырья. Разработка нефтегазоносного месторождения в районе реки Песчанка началась в 1970-е годы. Нефтяники работают и проживают в вахтовом посёлке Песчанка на расстоянии около 80 км от Бугрино. К нефтедобыче на острове Колгуев у коренных жителей отношение устойчиво отрицательное, но большая часть респондентов считает, что их жизнь не изменится в случае прекращения нефтедобычи на острове, о чём свидетельствуют результаты опросов (табл. 3).

Таблица 3

Результаты опроса общественного мнения о влиянии нефтедобычи на жизнь населения п. Бугрино (2006 г., 2014 г.)

«Как изменится Ваша жизнь, если на Колгуеве прекратится нефтедобыча?»	Число ответов		Доля ответов	
	2006	2014	2006	2014
- обязательно улучшится	3	7	3	10
- улучшится	11	11	10	16
- не изменится	68	42	60	60
- ухудшится	14	2	12	3
- несомненно ухудшится	5	8	4	11
затруднились ответить	12	0	11	0

Надеясь на возрождение оленьего стада, жители острова выражали обеспокоенность в связи с планами по реализации проекта разработки месторождения в центре острова. Оленеводы отмечают, что лучшие ягельные места часто находятся именно в зонах нефтедобычи.

Оленеводство имеет большое значение как для оленеводов, так и для ненцев, не занятых в нём непосредственно. Оно выполняет жизнеобеспечивающие функции, является общим символом идентичности коренных народов Севера [2]. Сохранение оленеводства на Колгуеве важно с точки зрения сохранения традиционного для острова языка, поскольку оленеводы — это та группа населения, где продолжает функционировать ненецкий язык. С детьми в семьях оленеводов также говорят на национальном языке. Делается это преднамеренно, поскольку родители знают, что «русскому языку и в школе научат». Бывали случаи в посёлке, когда в детский сад для подготовки к школе приводили ребенка, знающего только ненецкий язык.

В целом на острове распространён билингвизм. Опрос 2007 года показал, что русский и ненецкий язык считают родным 45% всех респондентов; ненецкий язык — 41%; только русский язык — 10%. Вместе с тем, по степени владения различными формами языка доминирующее положение занимает русский язык. Владение же ненецким языком для почти 40% всех респондентов ограничивается только лишь знанием отдельных слов. В отличие от русского, ненецкий язык — язык общения в домашнем кругу, но и там на нём говорят «иногда, по слу-

чаю». Необходимость изучения ненецкого языка большая часть респондентов видит в сохранении традиции [3].

Проблемы трансформация природной среды, её влияние на жизнь островного населения обсуждались на фокус-группах (2014 г.), где отмечались климатические аномалии, изменения растительности, животного мира и птиц.

Климатические изменения расцениваются жителями острова не однозначно. Одни отмечают, что стало теплее: затяжной бесснежный осенний период, раннее таяние льдов в Баренцевом море, жаркие летние дни 2013 года. Другие считают, что зимы стали очень холодные. Оленеводы указывают на *разнонаправленность климатических изменений*, на резкие смены тёплых периодов холодными и наоборот. Изменение растительности во многом связано с проблемой деградации оленьих пастбищ. Большая часть тундры в летний период стала сухая, ягель пересыхает и становится хрупким, места произрастания ягеля покрываются травой и кустарником. Как нетипичное для острова явление называется массовое произрастание в 2012 году разнообразных грибов, среди которых, по мнению ненцев, были и новые виды. Если обычно морошку жители острова собирали через год, то теперь каждый год стал ягодным.

Обсуждая происходящие на острове изменения, участники фокус-групп особенно выделяли увеличение популяции белощёкой казарки, смещение мест её гнездования с берега в тундру, вытеснение казаркой гуся на север острова. В озёрах, по мнению населения, стало меньше рыбы. Наблюдается значительное уменьшение численности куропаток, чаще стали встречаться ласточки. В связи с падежом оленей увеличилось число песцов. Жители отмечают появление мышей в посёлке, чего раньше не было. Белый медведь редко стал заходить на остров, возможно, из-за ледовой обстановки.

В целом, согласно мнению жителей, многие из наблюдаемых ими явлений трансформации природной среды могли иметь прямое или косвенное влияние на сокращение численности оленей на арктическом острове Колгуев.

Всё большую актуальность приобретает проблема загрязнения территории посёлка и прилегающей к нему береговой и тундровой территории бытовыми отходами и отходами оленеводства. На фокус-группах говорилось об ухудшении отношения жителей к поддержанию окружающей среды в чистоте.

Заключение

В заключение следует отметить происходящие в последние годы положительные социально-экономические изменения на острове Колгуев, строительство домов и инфраструктурных объектов, повышение уровня жизни населения. Вместе с тем, возрастает влияние факто-

ров трансформации природной среды на жизнь и возможности традиционного природопользования аборигенного населения.

Чрезвычайная ситуация гибели оленьего стада негативно отражается на качестве жизни, подрывает основы устойчивой жизнедеятельности коренного населения одного из самых северных островных поселений Арктики.

В сложившихся условиях расширение промышленного освоения ресурсов, наращивание нефтедобычи вызывает беспокойство у оленеводов, которые надеются на возрождение традиционного способа хозяйствования на своём острове.

Литература

1. Глазов П.М., Ануфриев В.В. Изменения в структуре населения птиц острова Колгуев в XIX — начале XX вв. // Экология арктических и приарктических территорий: материалы международного симпозиума. Архангельск: ИЭПС. 2010. С. 296—298
2. Устойчивое оленеводство / Йонни-Лео Л. Йернслеттен, К.Б. Клоков. Отчет по проекту. Арктический совет 2000—2002. Тромсё: Центр саамских исследований Университета Тромсё. 2002—2003. 160 с.
3. Давыдов А.Н. Михайлова Г.В. Роль русского языка в процессе адаптации ненцев острова Колгуев к социокультурным трансформациям на Севере в XX — начале XXI в. // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М.: Наука, 2007. С. 275—283

References

1. Glazov P.M., Anufriev V.V. Izmeneniya v strukture naseleniya ptic ostrova Kolguev v XIX — nachale XX vv. // Ekologiya arkticheskix i priarkticheskix territorij: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Arkhangelsk: IEPS. 2010. S. 296—298.
2. Ustojchivoje olenevodstvo / Jonni-Leo L. Jernsletten, K.B. Klovok. Otchet po proektu. Arkticheskij sovet 2000—2002. Tromso: Centr saamskix issledovanij Universiteta Tromsyo. 2002—2003. 160 s.
3. Davydov A.N. Mixajlova G.V. Rol russkogo yazyka v processe adaptacii nencev ostrova Kolguev k sociokulturnym transformacijam na Severe v XX — nachale XXI v. // Russkij yazyk v stranax SNG i Baltii. M.: Nauka, 2007. S. 275—283

Рецензент: Зайков Константин Сергеевич,
кандидат исторических наук, директор АЦСИ

УДК 314.04/314.9

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.151

Этнодемографические процессы в Российской Арктике¹

© **Соколова** Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: flera@atnet.ru

Аннотация. Динамика численности населения АЗРФ и этнонациональной структуры анализируется на материалах всесоюзных и всероссийских переписей. Фиксируется ряд выявленных тенденций: отрицательная демографическая динамика и миграционный отток населения, особенно из тех регионов, роль которых в обеспечении валютными резервами за счёт добычи полезных ископаемых существенно сократилась.

В Европейской части Российской Арктики наблюдается тенденция к моноэтнизации территорий, где остаётся преимущественно старопоселенческое население (коренные народы и коренные малочисленные народы). В экономически привлекательных регионах наблюдается пока не столь явственно приток представителей среднеазиатских и закавказских народов, выходцев из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Увеличение численности КМНС является залогом сохранения и развития культуры данных этносов, но с другой стороны таит в себе и потенциальные угрозы, в том числе противоречия между потребностью индустриального освоения Арктики и необходимостью сохранения уклада жизни коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: *Российская Арктика, этнические и демографические процессы, этнонациональная структура, коренные народы*

Ethnic and demographic processes in the Russian Arctic

© **Flera H. Sokolova**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: flera@atnet.ru

Abstract. The population dynamics and ethno-national structure of Russian Arctic are analyzed and presented in the materials of Soviet and Russian census. A number of trends has been identified:

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда — проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»

negative demographic dynamics and outflow of population, especially in those regions, where the provision of foreign exchange reserves due to mining operations has decreased significantly. The European part of the Russian Arctic tends to be a monoethnic area where the population is predominantly old-settled (indigenous people and small-numbered indigenous people). In economically attractive regions there is a fixed increase in the number of representatives from Central Asia Caucasus and the Asian-Pacific region. The increase in the number of indigenous small-numbered people is the key to preserving and developing the culture of these ethnic groups, but on the other hand it has a potential threat, including the contradictions between the need for industrial development of the Arctic and the need to preserve the indigenous way of life.

Keywords: *Russian Arctic, ethnic and demographic processes, ethno-national structure, indigenous peoples*

Введение

В современном мире, отличительными чертами которого являются неравномерность этнодемографического развития, мощные межгосударственные и межэтнические миграционные обмены, высокая степень межэтнического взаимодействия, изучение динамики демографического развития и этнической структуры конкретных стран и регионов представляется чрезвычайно актуальным. Всесторонняя и комплексная реконструкция этнодемографической картины территорий в исторической ретроспективе и перспективе является основой оптимизации демографической, социально-экономической, национальной и культурной политики государств и регионов с учётом этнической составляющей, позволяет своевременно реагировать на обострение этнополитической ситуации и предотвратить назревающие межэтнические конфликты.

Особую значимость анализ и изучение поставленной проблемы приобретает на общероссийском уровне, где в результате многовекового совместного проживания множества народов с одной стороны накоплен богатейший опыт межнационального взаимодействия и сотрудничества, а с другой — имеются очаги межэтнической напряженности, обусловленные просчётами советской и постсоветской национальной политики, резкой социально-экономической поляризацией субъектов РФ, границы которых нередко совпадают с территориями проживания различных этнических групп.

Отдельные территории России существенно отличаются в плане динамики численности населения и этнической структуры, факторов их определяющих, что актуализирует обращение к конкретно-региональным аспектам исследования в целях выявления общероссийских тенденций и специфики отдельных территорий.

Этнодемографические процессы в Российской Арктике

Одним из таких регионов, где динамика этнодемографических процессов требует тщательного и взвешенного анализа является Российская Арктика, что обусловлено её ролью и местом в системе геополитических и национальных интересов страны. С другой стороны, Арктическая зона РФ — территория исконного проживания множества групп коренных этносов и коренных малочисленных народов, проблемы сохранения популяции, традиционного уклада жизни и культуры которых являются важнейшими факторами социально-экономического развития, наращивания и укрепления человеческого потенциала региона. Как заявлено в Государственной программе «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года», утверждённой постановлением правительства страны от 21.04.2014 №366, комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации, улучшение качества жизни коренного населения и социально-экономических условий хозяйственной деятельности в Арктике — являются приоритетными направлениями развития территории.

Тематика этнических и демографических процессов в стране и её регионах достаточно активно обсуждается в отечественной научной литературе. Особый интерес вызывают сюжеты, связанные с этнодемографическими процессами в национально-территориальных образованиях и полиэтничных регионах [1]. Объектом внимания исследователей становятся демографические процессы среди отдельных этнических групп, в том числе проживающих на Севере [2,3,4,5]. Вместе с тем в настоящее время не воссоздана целостная панорама этнонационального состава и этнодемографической ситуации в российских арктических субъектах, что актуализирует настоящее исследование. Не претендуя на полноту освещения проблемы в ограниченных рамках статьи, автор представит динамику этнодемографических процессов в Арктическом регионе на основе материалов всероссийских переписей 1989, 2002, 2010 гг., что чрезвычайно актуально в контексте поиска путей оптимизации этнокультурного развития региональных сообществ и своевременного выявления потенциальных угроз этнонациональных конфликтов, их причин и факторов, разработки комплекса адекватных мер по их упреждению и урегулированию.

Численность населения АЗРФ по данным переписей 1989, 2002, 2010 гг.

В Арктическую зону РФ входят полностью территории четырёх субъектов РФ: Мурманской области, Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов, и территории 16 муниципальных образований Архангельской области, Красноярского края, республик Коми и Саха (Якутия), ряд островов, расположенных в Северном Ледовитом океане.

Общая численность населения сухопутных территорий, входящих в Арктическую зону РФ, достигала в 1989 году 3,3 млн. чел. что составляло 35,4% населения арктических субъектов РФ и 2,3% населения страны (таблица 1).

Таблица 1

Динамика численности населения в Арктической зоне Российской Федерации

Приарктические субъекты Российской Арктики	Население (человек)			АЗРФ: территории	Население 4 субъектов и 16 муниципальных образований, входящих в АЗРФ (человек)		
	1989 (1)	2002 (2)	2010 (3)		1989 (1)	2002 (2)	2010 (3)
РФ в целом	147 млн	145 млн	142,9млн				
Всего населения в субъектах РА	9 354 237	7 765 445	7 326 459	АЗРФ	3 309 380	2 626 486	2 424 421
Мурманская обл.	1 146 757	892 534	795 409	Мурманская обл.	1 146 757	892 534	795 409
Ненецкий АО	54 840	41 546	42 090	Ненецкий АО	54 840	41 546	42 090
Чукотский АО	157 528	53 824	50 526	Чукотский АО	157 528	53 824	50 526
ЯНО	486 164	507 006	522 904	ЯНО	486 164	507 006	522 904
Республика Коми	1 261 024	1 018 674	901 189	МО городского округа «Воркута»	216 176	84 917	70 548
Республика Саха (Якутия)	1 081 408	949 280	958 528	Республика Саха (Якутия)	81 335	33 161	28 325
				Аллаиховский улус (район)	5 218	3 421	3 050
				Анабарский национал. улус (район)	3 903	4 024	3 501
				Булунский район	17 257	9 775	9 054
				Нижнеколымский район	13 692	5 932	4 664
				Усть-Янский улус	41 265	10 009	8 056
Красноярский край	3 596 260	2 966 042	2 828 187	Красноярский край	341 977	274 133	229 392
				Городской округ г. Норильск	267 609	221 908	176 252
				Таймырский Долгано-Ненецкий МР	55 111	39 786	34 432
				Туруханский район	19 257	12 439	18 708
Архангельская область	1 570 256	1 336 539	1 227 626	Архангельская область	824 603	690 110	659 921
				МО г. Архангельск	424 728	356 051	348 783
				Мезенский МР	17 796	13 124	10 330
				МО«Новая Земля»		2 716	2 429
				МО г. Новодвинск	50 183	43 383	40 615
				Онежский МР	22 269	16 791	14 017
				Приморский МР	31 813	29 365	25 466
				МО г. Северодвинск	251 392	201 551	192 353

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. Всероссийская перепись населения 2002. Численность населения России, субъектов РФ в составе федеральных округов, районов, городских поселков, населенных пунктов, районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тыс. и более чел. Том. 01.04. Всероссийская перепись населения 2010. Численность населения России, субъектов РФ в составе федеральных округов, районов, городских поселков, населенных пунктов, районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тыс. и более чел. Материалы всероссийской переписи 2010 года. Том. 01.05.

С 1989 года численность населения в АЗРФ уменьшилась с 3 309 380 до 2 424 421 человек. Среди четырёх субъектов Российской Федерации, полностью входящих в АЗРФ, численность населения возросла к 2010 году только в Ямало-Ненецком автономном округе. Уменьшилось количество населения во всех 16 муниципальных образованиях АЗРФ.

Процессы становления, развития и трансформации этнического ландшафта обусловлены множеством факторов: веками и этапами освоения и заселения территорий, героическими и драматическими страницами истории страны и региона, динамикой социально-экономического и демографического развития, добровольными, принудительными и вынужденными миграциями населения.

Первоначальный этнический облик исследуемой территории, вне всякого сомнения, определяло автохтонное население, чьё пребывание в Российской Арктике уходит в глубину тысячелетий. Это прежде всего коренные малочисленные народы Севера, а также коми и якуты, численность которых превышает 50 тысяч человек. Множеством веков исчисляется и пребывание русских в Российской Арктике. Заселение славянами Европейского Севера связано с X—XII вв. Освоение северо-восточных территорий (Печоры, Югры, Сибири) началось ещё в период существования Новгородской республики XI—XV вв. [6, с. 136—144].

Далёкие от центра циркумполярные территории России являлись местом политической ссылки при царском и советском режимах, что способствовало полиэтничности территорий. Среди них: участники польского восстания 1860-х годов; часть населения, депортированного из Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики после присоединения этих территорий к СССР в 1939—1940-х годах; многотысячные потоки спецпереселенцев из центральных, южных, юго-западных и западных территорий страны в период проведения массовой сплошной коллективизации.

Вынужденные миграции представителей различных национальностей на Север связаны с драматическими событиями Первой мировой и Великой Отечественной войн, когда население западных территорий страны спешно покидало зону активных боевых действий и искало пристанище в более безопасных регионах.

Мощный импульс увеличению общей численности населения этносов, проживающих в регионе был дан положительной демографической динамикой и массовой добровольной трудовой иммиграцией в регион в 30—80-х годах XX века. В арктических субъектах РФ в эти годы шел интенсивный процесс освоения и разработки богатейших природных ресурсов и полезных ископаемых, развивались многие отрасли промышленности, сельского хозяйства, в крупнейшую транспортную артерию, связывающую в единую экономическую систему все

циркумпольные территории страны и обеспечивающую внешнюю торговлю, превратился Северный морской путь.

Количественное и качественное наращивание человеческого потенциала и трудовых резервов обеспечивалось высоким уровнем заработных плат, различными льготами и преференциями для лиц, работающих и проживающих на Крайнем Севере, развитием социально-культурной инфраструктуры, совершенствованием системы охраны детства и материнства, большими темпами ввода в эксплуатацию благоустроенного жилья и другими привилегиями. В результате только за период 1959—1989 годов общая численность населения, проживающая в российских арктических субъектах, возросла почти на 3,5 млн. чел. или на 60 %. В 1989 году здесь проживало 9,35 млн. человек².

Этнический состав населения Российской Арктики по данным переписей

Этнокультурное пространство Российской Арктики представлено практически всеми народами, проживающими в СССР. Из них 77,3% составляли русские. В областях и краях исследуемого региона численность русского населения была значительно выше и составляла 84—92% населения. Соответственно в автономных областях, республиках и национальных округах существенно ниже, но в целом более 50% (таблица 2).

Таблица 2

Динамика этнонационального состава Российской Арктики (1)

Этнические группы	Мурманская обл.		Ненецкий АО		Чукотский АО		Ямало-Ненецкий АО		Республика Коми		Республика Саха (Якутия)		Красноярский край		Архангельская область (в т.ч. НАО)	
	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010
азербайджанцы	2695	3841	93	157	326	107	3418	9291	4728	4858	1758	2040	8327	16341	2761	2605
армяне	1521	1618	51		387	105	1296	1605	2171	1717	1138	3691	3375	10677	1257	1040
башкиры	1320		27		340	125	6830	8297	5313	2333	4190	1819	5485	2955	793	
белорусы	38794	12050	1051	283	3045	364	12609	6480	26730	8859	9900	2527	33856	9900	19949	5810
болгары	510	275	16	2		25		814	969	486	552	209	659	317	284	124
буряты					234	149		169			8471	7011	1463	1051		
греки	267	147		3			484	301	469	188	608	215	1179	635	139	-
грузины	690	370	45	3		30	633	544	1683	614	794	364	2301	1336	1031	347
даргинцы		252					211	767	263	251			318	316		116
долганы											408	1906	5460	5810		
евреи	1919	457	46	2	332	29	1091	239	1281	314	1125	227	3620	1147	927	307
ингуши		129					203	437	249	123	594	923	481	448		142
индийцы		1										15		6		368

² Подсчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1959. Численность наличного населения городов и других поселений, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения 03.09.2015); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. Демоскоп № 651-652, 24 августа — 6 сентября 2015 года URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 08.09.2015)

кабардинцы	171	169						124	348	128			422	190		
калмыки		50				164		391				147	694	213		
казахи	911	518	59	17		70	1386	1532	1915	357	1760	1338	3827	1970	903	255
карелы	3505	1376							580	180			294		700	180
кеты		2											994	957		
киргизы	292	137	9	40		30		1815	343	731	566	5022	2547	8423	166	89
китайцы		7									329	926	554	2439	18	14
коми	2167	1649	5124	3623			5746	5141	2915	2023			788	159	7256	4583
кореяцы	318	173	12	3		28	199	266	401	196	1498	1421	1275	1029	146	78
кумыки		174		8			672	4466	246			235	486	596		
латыши	664	183	32	1		11			993	259	298	91	6414	2189	391	
лезгины	484	951		116			504	1879	930	1406	378	364	1215	2800	335	394
литовцы	1289	354	40	5		16	413		3066	977	607	206	3520	1277	1174	287
марийцы	1348	852	26	84		152	1197	2078	4067	2280	1166	455	7748	3314	956	545
молдаване	3216	1309	105	48	672	91	5570	4712	5155	2318	3674	1622	5101	2749	2576	957
мордва	4214	1625	65	21	395	41	1979	1257	3927	1462	2969	1523	14	4295	1610	553
													873			
нанайцы														807		
нганасаны													1128			
немцы	1454	725	88	10	506	108	3188	1847	12	5441	4099	1540	54	22	2237	848
									866				254	363		
ненцы	176	149	6423	7504			20	29	376	503			2661	3633	7178	8020
							917	772								
ногайцы							648	3479		201	327	357		950		
осетины	560	347		9	391	89	684	466	758	323	1387	623	1957	1493	424	126
поляки	1836	652	62	22	258	31	870	455	2181	843	894	297	4056	1268	1430	390
русские	965	64	35	26	108	25	292	312	721	555	550	353	3110	2490	1446	1148
	727	2310	489	648	297	068	808	019	780	963	263	649	972	730	210	821
селькупы							1530	1988					367	281		
саамы	1615	1599														
поморы		235		7												2015
табасараны		521						321						299		
таджики	189	332	16	50		16		1482	645		260	2696	1377	6304	342	401
татары	11	5624	524	209	2272	451	26	28	25	10	17	8122	54	34	5391	2335
	459						431	509	980	779	478		052	828		
тувинцы												204	2570	2933		
турки		35		5		3						15		90		31
туркмены		61	21			2			606			51	767	477	392	45
удмурты	1501	597	184			20	809	583	3573	1593	804	290	5240	2026	1185	509
узбеки	872	1122	63	118		79	685	1775	2593	939	780	3332	4761	6434	1046	435
украинцы	105	34	3728	987	27	2869	85	48	104	36	77	20	118	38	53	16
	079	268			600		022	985	170	082	114	341	763	012	428	976
ханты				1			7247	9489								
финны	590	273							302	112	315		1076	303	254	
хакасы											351		69	4102		
													325			
цыгане	169	121		1					746	425	239		2358	1901	1050	897
чеченцы		107		5			968	2434	537		470	377	1114	685	315	238
чуванцы				75	944	897										
чуваши	3865	1782	171		450	166	3657	3471	11	5077	3140	1123	26	11	2939	1357
									253				865	036		
чукчи					11	12					473	670				
					914	772										
эвенки				13								14	21	4382	4372	
												428	008			
эвены					1336	1392					8668	15	197			
												071				
эскимосы					1452	1529							11			
эстонцы	468	103	12	2		1			651	151	234	53	6061	2346	388	
юкагиры						198					697	1281				
якуты						62					365	466	1778			
											236	492				

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. Демоскоп 15—31 декабря 2014 года №623-624. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=1 (дата обращения 03.01.2015). Всероссийская перепись населения 2010 года. Население по национальности и

владению русским языком по субъектам РФ. Том. 04-04 URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 30.11.2014).

Политика ассимиляции и интеграции автохтонного населения Севера и коренных малочисленных народов в культуру титульной нации, проводимая в 1930—1950-х годах, давала свои результаты. В регионе уменьшалась их численность, стремительно утрачивался родной язык, вековые культурно-этнические традиции, сокращался удельный вес традиционных видов хозяйственной деятельности. К 1959 году в исследуемом регионе общая численность народностей Севера составляла всего 62 860 чел. или 1,07% от общей численности населения. Коми и якуты были представлены чуть более 0,5 млн. человек³. Вместе с тем устойчивость культурного кода и способность к самосохранению, выработанная веками проживания в суровых климатических условиях в совокупности с начавшимися в 1960-х годах процессами демократизации, ослабления тотального контроля, развития культуры народов СССР, совершенствования системы здравоохранения, способствовали росту численности практически всех групп автохтонного населения Севера.

За период 1959—1989 гг. численность ненцев в НАО возросла на 29,5%, в ЯНАО на 49,6%, чукчей в Чукотском АО на 19,4%, эвенков в Якутской АССР на 45,7%, эвенов — в 2,5 раза⁴. Удельный вес коми в Коми АССР достигал 23%, якуты, эвены и эвенки в Якутской АССР составляли 35,9% населения территории. Коренные народы Ненецкого и Чукотского автономных округов представляли 11,9% и 7,6% населения соответственно. Исключением можно назвать Ямало-Ненецкий автономный округ, где представительство коренных народов в структуре населения не превышало 5% (см таблицу 2).

Следующую по численности группу населения составляли украинцы. Их удельный вес варьировался по конкретным субъектам от 3,3% в Красноярском крае до 17,5% в Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах. В целом по субъектам Российской Арктики их общая численность достигала 574 904 чел., что составляло 6,15% населения (таблица 2).

Белорусы и татары представляли следующие по численности этнические группы: 145,7 тыс. чел. и 143,6 тыс. чел. или 1,5%—1,6% населения соответственно. Практически во всех арктических субъектах их удельный вес среди населения составлял 0,9%—5,4%. Общая численность выходцев из Белоруссии была особенно высока в Мурманской и Архангельской областях, Красноярском крае и Коми республике, татар — в Коми республике, Ямало-Ненецком автономном округе и Красноярском крае. 1%—1,5% населения Ямало-Ненецкого автономного

³ Подсчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=91 (дата обращения 03.09.2015);

⁴ Подсчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=91 (дата обращения 03.09.2015);

округа, Коми республики, Красноярского было представлено башкирами, молдаванами и немцами (таблица 2).

Период кардинальных трансформаций рубежа XX—XXI вв., охвативший все постсоветское пространство с одной стороны, ознаменован положительными сдвигами в этнокультурном развитии, а именно наблюдается стремительный рост этнического самосознания, массовое развитие получают этно-национальные движения и объединения, целью которых является защита прав, интересов, культуры, языка, традиций различных групп народов, с другой стороны, на фоне былых национальных обид и экономических трудностей обостряются этно-национальные противоречия, проявляются центробежные тенденции.

Этнодемографические тренды изменений в АЗРФ

Этнодемографическую картину в арктических регионах определяет целый ряд факторов международного, национального и регионального уровней. Тенденции происходящих изменений в АЗРФ тесно связаны с общей современной ситуацией, истоки которой на международном и отечественном уровнях уходят своими корнями ещё в XX столетие.

Во-первых, в связи с падением «железного занавеса», расширением международных контактов и в силу большей прозрачности государственных границ, Россия начинает более ощутимо испытывать на себе влияние международных миграций. Иммиграция в страну и эмиграция из нее существенно видоизменяют этнокультурный ландшафт территорий.

Во-вторых, на фоне распада СССР, обострения межнациональных отношений на всём постсоветском пространстве начинается массовый исход на свою историческую родину представителей многих этнических групп: русских из бывших союзных республик; украинцев, белорусов, немцев, евреев, поляков, выходцев из Прибалтики в свои национальные государства.

В-третьих, на фоне социально-экономического кризиса, резкой поляризация общества по уровню доходов, повсеместного снижения уровня жизни резко возрастает смертность, сокращается уровень рождаемости и продолжительность жизни, Россия и её регионы вступают в длительную полосу нисходящей демографической динамики.

На региональном уровне, в приарктических субъектах за исключением тех, которые ориентируются на экспортные нефте-газо-алмазодобывающие и горно-металлургические отрасли (ЯНАО, НАО, Красноярский край, Якутия) повсеместно свёртывается деятельность традиционных отраслей промышленности. Одновременно низкая инвестиционная привлекательность осложняет процесс создания инновационных предприятий. В связи с отказом от политики протекционизма и на фоне интенсивного ввоза более дешёвой продукции из-за рубежа существенно снижаются темпы развития сельского хозяйства, традиционной отрасли регио-

на — рыболовства. Резко сокращаются масштабы деятельности и значимость Северного морского пути. Нивелируется значимость льгот и надбавок к заработным платам для лиц, проживающих на Севере. Арктические субъекты Европейского Севера России практически превращаются в депрессивные регионы. Соответственно, начинается массовый миграционный отток населения, резко сокращаются масштабы естественного прироста населения.

Вышеназванные факторы существенно видоизменяют этническую структуру региона. В приарктических субъектах РФ за период 1989—2010 гг. на 21,3% (более чем на 2 млн. чел.) сократилась общая численность населения против 2,8% в целом по стране. Эти показатели были заметно выше средних региональных значений в Мурманской области — на 30,6%, Республике Коми — на 28,5%, Чукотском АО — в 3 раза. Исключением являлись Якутия, где в исследуемый период общая численность сократилась на 11,4% и Ямало-Ненецкий АО, в котором наблюдался прирост населения на 7,6%. В структуре населения РФ удельный вес жителей арктических субъектов сократился с 2,3% до 1,7% (таблица 1).

За полярным кругом по данным Всероссийской переписи 2010 года проживало 33,1% населения приарктических субъектов РФ. Уменьшение общей численности населения здесь было выше и составило 26,9%. Резкое сокращение количества жителей наблюдалось в арктических районах Якутии — почти в 3 раза, на территории муниципального образования городского округа «Воркута» (Республика Коми) — на 55,7%, городском округе г. Норильска и Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе (Красноярский край) на 34,1% и 37,5% соответственно, в Мезенском районе Архангельской области на 42% (таблица 1).

В результате нисходящей демографической динамики и оттока населения из регионов Крайнего Севера общая численность русских сократилась на 1,7 млн. чел. или на 23,2%. Их удельный вес среди населения арктических субъектов уменьшился с 77,5% до 75,8%, что было ниже средних российских значений на 5,1%. В Чукотском АО и республике Саха (Якутия) русские составили менее 50% населения, 49,6% и 36,9% соответственно. В Ненецком и Ямало-Ненецком АО, Республике Коми удельный вес русских едва превышал 60% населения территорий. Одновременно в Архангельской области и Красноярском крае их общая численность существенно превысила общероссийские показатели и составила 93,6% и 88% соответственно. К средним значениям по РФ приближается численность русских в Мурманской области — 80,8%⁵.

⁵ Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения 03.08.2015);

В числе наметившихся тенденций — существенное увеличение удельного веса коренных малочисленных народов в национально-территориальных образованиях. В Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах удельный вес ненцев возрос на 5,9% и на 1,3% соответственно и составил 17,8% и 5,7% населения территории. На своей исторической родине удельный вес чукчей возрос с 7,6% до 25,3%. В Якутии удельный вес якутов, эвенов и эвенков среди населения возрос на 16,6% и достиг 52,5%. Следует отметить, что динамика роста коренных малочисленных народов Арктики обеспечивалась как демографическими, так и не-демографическими факторами. Среди них: а) более высокий уровень рождаемости при снижении уровня смертности; б) ускорение процессов этнической самоидентификации; в) социально-экономические соображения, когда на фоне принятых государством нормативных актов о гарантиях прав коренных малочисленных народов стало экономически выгодно иметь принадлежность к этим этническим группам.

В конце XX — начале XXI вв. начался массовый исход из арктических субъектов выходцев из ряда стран ближнего и дальнего зарубежья: украинцев, белорусов, казахов, грузин, молдаван, поляков, немцев, греков, болгар. Общая численность выходцев из Украины сократилась в 3,6 раза и составила 160 396 чел., тогда как в целом по России лишь в 2 раза⁶. Более чем в три раза уменьшилась численность белорусов в регионе. Удельный вес украинцев среди населения исследуемой территории сократился с 6,15% до 2,2%, белорусов с 1,5% до 0,6%. В количественном выражении их численность превышала средние региональные значения лишь в ряде арктических субъектов: Мурманской области, Республике Коми, Ямало-Ненецком и Чукотском АО. В среднем в два и более раз сократилась общая численность казахов, грузин, молдаван, поляков, немцев, греков, болгар. Стало менее заметным присутствие в арктических субъектах татар и выходцев из автономных республик. В частности, с 143,6 тыс. до 90,9 тыс. чел. сократилась численность татар или на 36,8%.

Одновременно в числе наметившихся тенденций — увеличение численности выходцев из ряда бывших среднеазиатских и закавказских республик (Армении, Азербайджана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана) и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (выходцев из Китая, Индии). Численность представителей данных этнических групп в среднем возросла в регионе от 1,5 до 4 раз. Особо привлекательны для них динамично развивающиеся субъекты РФ: Ямало-Ненецкий АО, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), хотя их рост наблюдается практически по всем арктическим субъектам. Однако общая численность названных этниче-

⁶ Изменения в национальном составе населения России. 1989—2010 гг. URL: <http://megabook.ru/article/%D0%9D...B8> (дата обращения 06.09.2015).

ских групп в Российской Арктике едва превышала 100 тысяч человек, их удельный вес в структуре населения даёт амплитуду от 0,2% до 0,5%, за исключением Ямало-Ненецкого АО, где выходцы из Азербайджана составляют 1,8% населения территории. Общая численность выходцев из Китая едва превышала 3,4 тыс. чел., преимущественно они сосредоточены в Красноярском крае и Якутии.

В свою очередь в связи с расширением атомного подводного судостроения и развитием программ международного сотрудничества по подготовке медицинских кадров в Архангельской области появились выходцы из Индии. Индийская диаспора составляла в 2010 году 390 человек. В 2012 году на миграционный учёт в Архангельской области было поставлено 2 207 граждан Индии, в 2013 — 3 181, в 2014 — 856. Наиболее часто заявляемые цели въезда в регион — «работа», «частная», «деловая». Больше всего иностранцев осуществляли трудовую деятельность в тех сферах экономики Архангельской области, в которых отсутствовал необходимый потенциал рабочих рук из числа коренного населения (в строительстве, торговле, обрабатывающих производствах).

Заключение

Резюмируя в целом, следует отметить, что современное этнокультурное пространство Российской Арктики по-прежнему многообразно и включает в себя представителей более 100 этнических групп — носителей культур практически всех цивилизаций мира и десятки больших и малых этносов Севера с их языком, религиозными верованиями, традиционной культурой.

Динамика развития этнической структуры населения дифференцирована и напрямую связана с социально-экономической привлекательностью арктического субъекта РФ. Динамично развивающиеся регионы, обладающие более высокими возможностями для улучшения качества жизни (Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Саха (Якутия), Красноярский край) имеют лучшие демографические показатели, более привлекательны для мигрантов, соответственно, в них этнический плюрализм выражен чётче. В свою очередь, территории Европейского Севера России проявляют тенденцию к моноэтнизации, где остаются преимущественно старопоселенческие этнические группы.

За исследуемый период 1989—2010 гг. в результате изменения направленности миграционных потоков в арктических субъектах РФ существенно уменьшилась численность представителей европейских культур, выходцев из европейской части постсоветского пространства. Одновременно наблюдается тенденция расширения представительства восточных культур и выходцев из среднеазиатских и закавказских территорий.

Вместе с тем, в значительной части арктических субъектов (особенно расположенных в европейской части России) современное состояние человеческих ресурсов не в состоянии обеспечить комплексное развитие Арктической зоны РФ, что не позволяет в полной мере обеспечить защиту национальных интересов страны на северных рубежах страны.

Наблюдается тенденция к увеличению коренных малочисленных народов Арктики, хотя с разной степенью интенсивности. Численность 11 из 16 этнических групп, проживающих на своей исторической родине (долганы, кеты, ненцы, селькупы, ханты, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юкагиры) за период 1989—2010 гг. возросла. Сократилась численность нганасан, саамов, чуванцев, чулымцев. Единицами представлены кереки. Однако, как справедливо отмечает Д.Д. Богоявленский, темпы прироста коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока более чем скромные. Их общая численность за период 1989—2010 гг. в целом возросла на 23,2%, но на фоне общероссийской тенденции сокращения численности населения они выглядят более внушительными [7].

Этническая консолидация более многочисленных групп автохтонного населения территории, с одной стороны является позитивной тенденцией для сохранения и развития этнических культурных традиций, с другой стороны дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации таит в себе потенциальную угрозу проявления сепаратистских настроений среди народов, проживающих на территориях богатых природными ресурсами и соответственно имеющих большие возможности для повышения уровня жизни.

Этносоциальное неравенство и дифференциация, разный уровень обеспеченности правами и гарантиями порождает стремление ряда русских субэтносов добиваться включения в перечень коренных малочисленных народов. Так на Европейском Севере России в начале XXI века впервые о себе заявили русские поморы.

Потенциальной угрозой может стать нарастание противоречий между новопоселенческим и старожильческим населением, прежде всего коренными малочисленными народами по параметрам: город (место концентрации иммигрантов) — село (территории преимущественного проживания коренных малочисленных народов); между необходимостью промышленного освоения Арктики и потребностью сохранения традиционного уклада жизни КМНС, эффективность которого напрямую связана с экологической обстановкой, природной средой обитания, обеспечением их прав на законодательном уровне.

В целом этнодемографическая ситуация в арктическом регионе требует разработки эффективной модели государственного и регионального управления этнонациональными процессами, направленной на предупреждение социально-этнических конфликтов, на согла-

сование интересов всех этнических групп населения. Такая модель может стать составной частью общей модели этнополитики России в первой трети XXI века.

Литература

1. Этномиграционные и этнодемографические процессы на Востоке России в конце XIX — начале XXI веков: сб. статей / Под ред. К.В. Григоричева. Иркутск, 2012. 116 с.
2. Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
3. Лукин Ю.Ф. Являются ли ненцы вымирающим этносом // Арктика и Север. 2013. №12. С. 32—50.
4. Пивнева Е.А. Манси: популяционная структура: этнодемографические процессы (XVIII-XXв. М.: ИЭА РАН, 1999. 306с.
5. Строгальщиков З.И. Вепсы: этнодемографические процессы (прошлое и настоящее) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы: Сб. ст. /Отв. Ред. И.Ю. Винокуров, Петрозаводск, Карельский НЦ РАН 2006. С. 378—412.
6. Лукин Ю.Ф. Новая Архангельская летопись: монография. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: САФУ, 2015. 324 с.
7. Богоявленский Д.Д. Динамика численности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. URL: <http://www.raipon.info/peoples/data-census-2010/data-census-2010.php> (дата обращения 06.09.2015)

References

1. Etnomigracionnye i etnodemograficheskie processy na Vostoke Rossii v konce XIX — nachale XXI vekov: sb. statej / Pod red. K.V. Grigoricheva. Irkutsk, 2012. 116 s.
2. Volzhanina E.A. Etnodemograficheskie processy v srede nencev Yamala v XX — nachale XXI veka. Novosibirsk: Nauka, 2010. 312 s.
3. Lukin Yu.F. Yavlyayutsya li nency vymirayushhim etnosom // Arktika i Sever. 2013. №12. S. 32—50.
4. Pivneva E.A. Mansi: populyacionnaya struktura: etnodemograficheskie processy XVIII-XXv. M.: IEA RAN, 1999. 306 s.
5. Strogalshhikov Z.I. Vepsy: etnodemograficheskie processy (proshloe i nastoyashhee) // Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy: Sb. st. /Otv. Red. I.Yu. Vinokurov, Petrozavodsk, Karelskij NC RAN 2006. S. 378—412.
6. Lukin Yu.F. Novaya Arkhangelskaya letopis: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. Arkhangelsk: SAFU, 2015. 324 s.
7. Bogoyavlenskij D.D. Dinamika chislennosti korenyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka. URL: <http://www.raipon.info/peoples/data-census-2010/data-census-2010.php> (Accessed: 06.09.2015)

*Рецензент: Дрегалю Александр Алексеевич,
доктор философских наук, профессор*

УДК 323.1+93+342.55

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.165

Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера в историко-правовом измерении (на примере «архангельских ненцев») ¹

© Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: социальная и социокультурная история Русского Севера, историческая демография, историческая конфликтология. Автор более 190 научных работ, в том числе пяти монографий и трёх учебных пособий. Тел. +7-911-571

04 66. E-mail: tatr-arh@mail.ru

© Минчук Олег Викторович, ассистент кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: история формирования судебной системы Российской империи, судебная реформа 1864 года, правовые аспекты государственной молодёжной политики РФ. Автор ряда научных статей. Тел. +7-921-246 55 85. E-mail: minchuk-oleg@rambler.ru

Аннотация. Анализируются модели государственной политики, направленной на включение европейских ненцев в общегосударственное правовое пространство. Привлечение большого количества опубликованных свидетельств чиновников и путешественников, а также архивных документов иллюстрирует как положительные, так и неуспешные последствия реализации этой политики, которая имела схожие формы в имперский, раннесоветский, советский и постсоветский период. Ставится проблема культурной устойчивости ненецкого этноса, выработавшего механизмы противодействия внутренним и внешним разрушающим этническое единство силам.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, европейские ненцы, государственное законодательство, этнополитика, патернализм, либерализм, культурная устойчивость, этнические стереотипы*

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Establishment of the state policy towards indigenous peoples of the North and its historical and legal dimensions (case of "Arkhangelsk Nenets")

© **Tatyana I. Troshina**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Work and Social Security of NArFU named after M.V.Lomonosov. Research interests: social and socio-cultural history of the Russian North, historical demography, historical conflict. Author of over 190 scientific publications, including five books and three textbooks. E-mail: tatr-arh@mail.ru

© **Oleg V. Minchuk**, Assistant of the Department of Social Work and Social Security of NArFU named after M.V. Lomonosov. Research interests: history of the legal system of the Russian Empire, the legal reform 1864, the legal aspects of the state youth policy of the Russian Federation. Author of several scientific articles. E-mail: minchuk-oleg@rambler.ru

Abstract. The model of public policies aimed at the inclusion of European Nenets in the national legal space is analyzed. A large amount of published evidences of officials and travelers, as well as the archive materials show both positive and unsuccessful consequences of this policy, similar to the imperial, early Soviet, Soviet and post-Soviet ones. The issue of cultural sustainability of the Nenets ethnos that has developed mechanisms to counter internal and external forces destructive for their ethnic unity is discussed.

Keywords: *indigenous peoples of the North, European Nenets, legislation, ethnic policy, paternalism, liberalism, cultural sustainability, ethnic stereotypes*

Актуальность

Особое внимание российского государства и общества к проблеме выстраивания взаимоотношений с коренными малочисленными народами Севера (КМНС) обуславливается рядом факторов. *Во-первых*, территории Российской Арктики, в том числе Ненецкий автономный округ, являются важнейшим стратегическим ресурсом государства и сохранение их в составе России остается важнейшей задачей. При этом малозаселённость и слабая инфраструктура северных территорий подталкивает заинтересованные в их свободной эксплуатации стороны дискутировать по вопросу о признании их «ничейными» — terra nullius (в ООН уже вносилось предложение установить порог плотности населения 5 чел/км²). Естественно, что для России является приоритетом нивелирование любых процессов, посягающих на территориальную целостность. *Во-вторых*, форсированная интернационализация в сфере прав коренных народов на современном этапе чревата нарушением этнической стабильности в регионе. Исторический опыт начала XX века заставляет задуматься над недооценкой проведения комплексной работы с коренными народами. Например, финны с первых десятилетий XIX века вели активную культурную работу с карельским населением, норвежцы — с лопа-

рями (саами), проживавшими на сопредельных территориях России. В революционный период Финляндия договорилась с Советской Россией о проведении референдума среди населения западной части Кольского полуострова о государственном самоопределении. И только события Гражданской войны не позволили реализовать этот проект в полной мере. Западная переориентация экономических интересов лопарей, жителей столь привлекательно для Норвегии Мурмана, при определённых условиях также могла привести к потере Россией этих земель. Учитывая данную ситуацию, актуализируется необходимость историко-правового осмысления этнополитики Российского государства.

Основные этнополитические модели в отношении КМНС

Обширный нормативный материал и научные изыскания дореволюционных, советских и современных исследователей позволяют говорить о существовании как минимум трех исторических моделей государственной политики в отношении коренных малочисленных народов. Каждая из моделей имела достаточно проработанную правовую и концептуальную основу, но в то же время противоречивую практику реализации.

Основными идеями, на которые опиралось государственное законодательство в различные исторические периоды, были следующие: 1) Период первой четверти XIX — начала XX века (или «либеральная модель») включала в себя идеи модернизации и связанного с ними «мягкого» патернализма по отношению к менее развитым в экономическом, социально-политическом и культурном отношении народам. В правовом регулировании прослеживался дифференцированный подход и учёт особенностей групп, нацеленность на комплексный охват наиболее важных отношений, касающихся как материальных основ жизнедеятельности этих народов [1, с. 43], так в свою очередь, и интересов государства. 2) Советский период: «преодоление вековой отсталости» и помощь в «переходе от первобытного общества к социализму», минуя иные социально-экономические формации. Происходит выстраивание полноценной политики патернализма, «патерналистская» модель. 3) Постсоветский период характеризуется включением России в общемировую практику в отношении коренных малочисленных народов, а именно, проведение политики содействия их устойчивому развитию, обеспечения и гарантирования их прав, а также выстраивание «партнёрских отношений».

Следует отметить, что именно Россия имеет длительный и при этом положительный опыт бережного отношения к коренным малочисленным народам, которые в её составе имели все шансы сохраниться в демографическом и культурно-экономическом отношении. Западные страны, исторический опыт которых чаще всего связан с полной ассимиляцией и даже физическим исчезновением многих этнографических народов, теперь являются «локо-

мотивом» по продвижению законов, направленных на сохранение оставшихся этносов. Такая политика, нередко излишне экспансивная, может способствовать обострению внутреннего напряжения в странах, сохранивших свою полиэтничность.

Несмотря на различное идеологическое содержание представленных моделей, в них можно выделить общие направления этнополитики России в отношении ненцев (до 1930 года официальное наименование — «самоедов»). *Во-первых*, это обеспечение бесконфликтных отношений с коренными народами, что в условиях огромных слабозаселенных территорий, недостатка государственных чиновников и полицейских сил уменьшало опасности для власти и проживавшего по соседству русского населения. *Во-вторых* — минимизация расходов по привлечению для государственных нужд природных богатств территорий, занятых коренными народами. Первоначально это была пушнина, мамонтовая кость, ценные породы рыб; затем — полезные ископаемые, и в первую очередь нефть и газ. Политика, нацеленная на товаризацию эксплуатации природных ресурсов, создавала и создаёт дополнительное напряжение между государством и коренным населением, что потребовало подходов к взаимоотношениям, построенных на льготах. *В-третьих* — постепенное включение коренных народов в общую социальную и культурную жизнь государства.

Поиск компромисса между государством и ненецким этносом

Вопрос *правового статуса земель и территорий, занимаемых ненцами*, всегда являлся ключевым. В грамотах, подписанных Иваном Грозным и неоднократно подтверждаемых впоследствии, им гарантировалось монопольное право на тундры в обмен на уплату ясака. По «Уставу об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии» от 18 апреля 1835 года, ненцам в потомственное владение отводилась территория земли в Мезенском уезде — Тиманская, Канинская и Большеземельская тундры². «Самоеды, владеющие тундрой с незапамятных времен, ...платившие и платящие за нее ясак, должны быть настоящими хозяевами тундры», — заявляла в 1870-х годах А.Я. Ефименко, опираясь на свидетельства и мнения других исследователей [2, с. 160]. Такая постановка вопроса (достаточно неожиданного, поскольку не ставился же он в отношении других народов империи) была связана с экономическим освоением этих территорий русскими и коми. Пришельцы постепенно проникали в тундры для занятий промыслами и скотоводством; местная администрация не всегда могла контролировать этот процесс. Например, во время переписи 1897 года были вы-

² Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии. Высочайше утвержденный 18 апреля 1835 года // Полное собрание Российской Империи — 2. Т. X. № 8071

явлены «неучтённые» поселения на Печоре. Когда же эти вопросы поднимались, то пришельцы по формальным признакам уже могли претендовать на статус «старожилов». В 1803 году произошло «полюбовное разделение» тундр между ненцами и коми-оленеводами, что в следующие десятилетия создавало постоянные проблемы.

В отношении новых обитателей тундры мнения как любознательных наблюдателей, так и экспертов (учёных-путешественников и государственных чиновников) разделились. Одни, например, чиновник Министерства земледелия и государственных имуществ В.А. Иславин [3], архангельский губернатор Н.Д. Голицын [4] придерживались того мнения, что пришельцы обманывают наивных и простодушных ненцев, спаивают их, в результате чего происходит обеднение последних. Выход из создавшегося положения видели в своего рода «резервациях», патерналистской защите ненцев от любого внешнего влияния и воздействия. Другие — архангельский губернатор А.П. Энгельгардт [5], губернский ветеринар С.В. Керцелли [6] исходили из того, что необоснованно «ради сохранения горстки самоедов <...> ...задерживать экономическое развитие обширного богатого края и подорвать благосостояние другого более многочисленного..., трудолюбивого, предприимчивого, способного к дальнейшему развитию и культурной жизни населения» [7, с.19—23]. По мнению А.П. Энгельгардта, «тундры, составляющие государственную собственность, должны быть представлены в общее пользование всего местного населения без различия племенного состава» [7, с. 22].

В 1860-х годах ненцы вместе с другими «иностранцами» были приписаны к сословию государственных крестьян. Решение «крестьянского вопроса» касалось кроме прочего предоставления прав собственников русскими и коми крестьянам, жившим в тундре и пользовавшимся правом «арендаторов» (у ненцев). Губернаторы находились в непрестом положении: с одной стороны, необходимо было оказывать поддержку ненцам, что требовали и столичные власти. С другой — коми-зыряне и русские тоже являлись жителями губернии. Как олениводы и промышленники, они были более «культурные», получали высокую прибыль и менее ненцев нуждались в государственной поддержке.

В 1890 году из Архангельской губернии поступило предложение лишить ненцев права распоряжаться тундрой, передав её им в бесплатное и бессрочное пользование. Все земельные «сделки» (прежде заключавшиеся как «полюбовные») должны были происходить только под контролем чиновников. При этом иные, кроме ненцев, пользователи тундр должны были уплачивать оброчные деньги и прочие платежи, которые шли в «самоедский капитал», направляемый на выплату жалования ненецким должностным лицам, на социальную под-

держку (например, выдачу пособия в случае падежа оленей и других бедствий), а также на создание необходимых для промысловой деятельности запасов.

В советское время была произведена «социализация» земель, которые полностью перешли в государственную собственность. В 1930-е годы массовой коллективизацией хозяйств были охвачены и ненцы-оленеводы. Согласно «Уставу сельскохозяйственной артели» (1935), все земли сельскохозяйственного назначения были закреплены за колхозами и переданы им в бесплатное и бессрочное пользование. Существенная государственная помощь колхозам (зоотехническая, ветеринарная и проч.) была положительно оценена большинством ненецкого населения.

Реформы 1990-х годов привели к роспуску многих колхозов, которые, впрочем, существующим законодательством признаются как форма хозяйственных объединений. Ряд бывших ненецких колхозов, преобразовавшись в сельскохозяйственные производственные кооперативы, даже не изменили свои прежние наименования («Рассвет Севера», «Путь Ильича», «Красный октябрь», «Дружба народов»), именуясь в повседневной речи «колхозами».

В настоящее время тундры не являются собственностью ненцев, но могут быть предоставлены им в безвозмездное пользование. В НАО большая часть земель (95%) — это земли сельскохозяйственного назначения; 74% их занимают олени пастбища. Территории, остающиеся в пользовании четырех названных выше «сельскохозяйственных производственных кооперативов» (бывших оленеводческих колхозов), являются землями традиционного природопользования окружного значения, на основании чего имеют статус особо охраняемых³, предполагающий запрет на отчуждение этих земель и передачу их в собственность, в том числе родовым общинам и другим хозяйственным коллективам. Остальные земли могут быть в собственности ненцев или их общин на тех же основаниях, что и у остальных граждан РФ.

Проблемы эффективного природопользования находились в центре возникающих конфликтов ненецкого населения с другими группами, стремившимися эксплуатировать тундры. Колхозное строительство в значительной степени опиралось на более прогрессивные методы ведения оленеводства, чем было в ненецкой традиции; отдельные его стороны (например, широкое распространение ветеринарной и зоотехнической работы) мирили нен-

³ Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2014 г.) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 11 мая. Постановлению администрации Ненецкого автономного округа от 29.12.2001г. № 1025 (в ред. от 15 августа 2014 г.) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе» // Няръяна Вындер. 2003. 15 апр.

цев с коллективизацией. Встаёт вопрос, почему ненцы, много десятилетий проживая рядом с иноэтничным элементом, так же занимавшимся в тундрах промыслами и оленеводством, и более того привлекавших к этим занятиям ненцев в качестве работников, не заимствовали более эффективные методы хозяйствования? Экономические знания, как известно легче иных знаний и ценностей передаются от одной культуры к другой. Ненцы же, заимствуя многое у русских и коми (употребление растительной пищи, посуды, одежды), относительно легко подвергаясь некоторым внешним формам христианизации, в отношении хозяйствования сохраняли традиционные подходы. За это их обвиняли в слабой инициативности, в лени и прочих недостатках. Однако время показало, что ненцам была свойственна культурная устойчивость, которая отмечалась и у других народов, проживавших в условиях хрупкой приарктической природы, что и позволяло им выживать в экстремальных природно-климатических обстоятельствах.

Ещё в XIX веке специалисты в области оленеводства и тундрового хозяйства отмечали, что крупнотабунное оленеводство коми-зырян (так называемых ижемцев), правильно организованное в плане миграций, давало быстрый экономический эффект, но вело к уничтожению ягеля. Интенсивная охота на пушных и морских зверей, рыболовство в небольших тундровых озерах привело к сокращению популяции этой фауны. Присутствующая же у ненцев малоэффективная оленеводческая и промысловая деятельность на самом деле была подчинена оправданным, хотя и жестким природоохранным обычаям [8].

В начале XX века появились предложения «узаконить» обычное природопользовательное право ненцев. В частности, запретить перегонять стада по ягельнику, увеличив «покопытный налог», который уплачивают «вхожие» оленеводы. Таким образом действительно, удалось заставить русских и коми оленеводов сократить поголовье своих стад. Предлагалось ввести высокий штраф за убийство диких оленей, одновременно поощряя, вплоть до освобождения от покопытного налога, их приручение. Ввести, с целью восстановления фауны тундр, временный запрет охоты на некоторые виды птиц и зверей. За нарушение природоохранительных правил, по мнению авторов этих предложений, следовало ввести такой штраф, который сможет «сделать этот промысел невыгодным». Существовавшие на основании Устава 1835 года штрафы не отпугивали оленеводов и охотников из русских и коми. Они обычно не являлись в суд, а назначаемые по закону штрафы были не сравнимы с выгодами от нарушения закона. 40-рублёвый штраф «ижемец уплачивает, нисколько не думая отказываться от дальнейшего нарушения закона» [9, с. 39].

В раннесоветский период многие мероприятия, в том числе в отношении природоохранительного законодательства, опирались на критику действий предыдущего правительства. Созданный в 1918 году при Наркомате просвещения Комитет по охране природы был призван следить за охраной и правильным использованием естественных богатств республики. Усилилась в первые годы советской власти и реализация политики изгнания из тундры «пришлого элемента». Теперь она имела под собой классовую подоплеку, в частности, изгнанию подвергались только «кулаки», а «беднота» и «средняки» сохраняли захваченное когда-то их предками право заниматься промыслами и оленеводством в ненецких тундрах. В период нэпа с его экономическими приоритетами объяснения политики по изгнанию иноэтнических элементов имело объяснение, схожее с дореволюционным: именно «кулаков» с их огромными табунами обвиняли в нарушении экологического равновесия в тундре. Что касается охотников, то тех из них, кто занимался скупкой пушнины у других охотников, подозревали в оптовой продаже норвежским предпринимателям, которые, пользуясь слабой охраной границ, стали появляться у побережья Большеземельской тундры. Поэтому «классовый подход» к промысловикам опирался на защиту государственных интересов.

Начавшаяся в 1930-е годы форсированная индустриализация нарушила природоохранные планы и нанесла ущерб природе, в том числе уязвимой природе тундры. Эта проблема ещё более усугубилась с началом освоения газовых и нефтяных месторождений. Из-за движения гусеничного транспорта, которым пользовались в условиях местного бездорожья геологи, происходила деформация, нередко необратимая, тундровых грунтов. В условиях вечной мерзлоты приходилось прокладывать наземные трубопроводы, что пересекало традиционные пути миграций оленьих стад.

В 1990-е годы вновь обострилось внимание к природоохранному законодательству. Территории стали пользоваться правом издания местных законов, опирающихся на традиционное землепользование и исторический опыт населения. На территории НАО, к примеру, запрещается передвижение на транспортном средстве в непосредственной близости (менее 200 метров) от оленьего стада без разрешения главы стойбища или иного руководителя оленеводческого хозяйства⁴. Штраф предполагается и в случае превышения общей численности оленей над ёмкостью участков пастбищ, закреплённых за оленеводческими хозяйствами. Ведомственными нормативными и правовыми актами НАО устанавливается лимит добычи охотничьих ресурсов, вводятся другие ограничительные мероприятия. В статье 25

⁴ Закон Ненецкого автономного округа от 29 июня 2002 года № 366-ОЗ (в ред. от 15.06.2015) «Об административных правонарушениях» // Няръяна вындер. 2002. 19 июля.

Закона НАО «Об оленеводстве в Ненецком автономном округе» присутствует запрет на движение вездеходных транспортных средств на гусеничном и колесном ходу, а также, за редким исключением, и грузового транспорта по территориям оленьих пастбищ (в период отсутствия устойчивого снежного покрова) вне отведённых дорог⁵.

***Взаимоотношение государства с ненецким этносом
в сфере административного управления***

Главным аспектом российской этнополитики после определения правового статуса земель, занятых ненцами, являлось *выстраивание определенной системы управления*. Ограничение родового самоуправления ненцев не могло не произойти по мере их вхождения под юрисдикцию Российского государства. Иван Грозный в своей грамоте указывал о недопустимости государственным чиновникам вмешиваться в судебные дела ненцев, чем подтверждается наличие таких вмешательств в прошлом. Ненцы в плане уплаты ясака и судебной власти всегда починались территориальным властям — Мезенскому и Пустозерскому (позднее — Печорскому) ведомствам. В дореформенную эпоху ненцы подчинялись Министерству государственных имуществ (на уровне губернии — губернской Палате государственных имуществ). В пореформенный период, будучи формально причислены к крестьянству, ненцы перешли в подчинение крестьянским учреждениям в лице чиновников по крестьянским делам. Однако реализовать эту систему управления не удалось по причине трудности надзора за малочисленным и при этом постоянно передвигающимся по огромной территории населением.

Все проекты по «устройству ненцев» — а за XIX век их было несколько, — чётко делятся на две группы: согласно одним предполагалось ввести опеку над населением тундр. По другим — планировалось создать своего рода резервации, предоставив ненцам жить по собственным представлениям, а государство должно было гарантировать, что в тундры не проникнет никакого чужого влияния.

В 1833 году архангельский губернатор И.И. Огарев (как было принято в ту просвещённую эпоху, заботившийся прежде всего о «малых сих»), ссылаясь на «жалкое положение самоедов, поработанных русскими, как поселившимися в тундрах, так и наезжавшими туда для торговли, а затем заведшими значительные стада оленей, которые они приобретали от самоедов главным образом путем спаивания их спиртными напитками» [10], попросил распространить на них действие Устава об управлении инородцев в Сибирских губерниях 1822

⁵ Об оленеводстве в Ненецком автономном округе. Закон Ненецкого автономного округа от 15 марта 2002 г. N 341-ОЗ (в ред. от 26 мая 2014 г.) // Няръяна вындер. 2002. 29 марта.

года. «Устав об управлении самоедами», адаптированный для ненецкого населения, малочисленного и более регулярно, чем сибирские «инородцы» вступавшего в отношения с русским и зырянским населением, был экспериментально введен на три года в 1835 году⁶. Согласно этому документу европейские ненцы были включены в разряды «бродячих инородцев», «ловцов». Сохранялось родовое управление, которое должно было состоять из старшин (называемых старостами), избираемых «по обычаям» через каждые три года. Старосты получили широкие полномочия, включавшие в себя сбор ясака и право суда над ненцами. Они должны были транслировать распоряжения губернского начальства, имели возможность от имени своих сородичей вступать в сношения с местной полицией, подавать жалобы на притеснения. Тем не менее, положения Устава четко регламентировали систему надзора как за старостами, так и в целом за ненцами. Земской полиции вменялось в обязанность наблюдать за применением установленных правил и вести счёт населения тундр, чтобы не происходил «уход» от обложения. Ограничивая права чиновников вмешиваться в дела ненцев, предусматривались их разъезды по тундрам в целях проверки порядка управления.

По аналогии с Уставом 1822 года был создан «особый временный Комитет для собрания сведений об обычаях, по коим самоеды должны были управляться». Он должен был заниматься выявлением и записью юридических обычаев, существовавших у ненецкого народа, чтобы на их основании разработать наиболее эффективную систему управления им. Сведения поставлялись в первую очередь от священников, работавших в тундре — миссионеров, а затем и приходских. Они знали ненецкий язык, постоянно общались с ненцами, поэтому могли предоставить такие сведения. Под председательством гражданского губернатора эти обычаи должны были рассматриваться с точки зрения «смягчения в них всего дикого и жестокого», затем опубликоваться и «приниматься присутственными местами в суждениях по делам самоедов». В 1837 году все собранные сведения были сведены в единый документ — «особые правила, относительно суда и расправы, основанные на обычаях самоедов и составляющий как бы сборник из юридических обычаев»⁷ — «проект законов самоедских, извлеченных из обычаев самоедов, обитающих в Мезенском уезде» [7]. Конфликты, возникающие в среде ненцев, предлагалось решать по нормам их «обычного права», а между ними и представителями других групп населения (например, русскими) — по существующим в государстве законам⁸. Эти «законы самоедские», представленные в Министерство внутрен-

⁶ Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии. Высочайше утвержденный 18 апреля 1835 года // Полное собрание Российской Империи — 2. Т. X. № 8071

⁷ ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 63

⁸ Подобный подход присутствует и в настоящее время. Современная правовая система России официально при-

них дел в 1837 году, было рекомендовано напечатать и на ненецком языке, что сделать не удалось, из-за отсутствия соответствующих «самоедской азбуке» типографских литер. Решено было «Устав об управлении самоедами» и «Положение о разборе исков» перевести на ненецкий язык, но не публиковать (поскольку среди ненецкого населения грамотных не было), а объяснять им через священников. Это, кстати, способствовало бы повышению авторитета церкви, возникновению доверительных отношений между прихожанами и настоятелем, а в конечном счёте — постепенной модернизации ненцев, их включению в общегосударственную жизнь. На протяжении последующих 50-ти лет Устав, который в силу ряда причин так и не заработал (большинство ненцев даже не знали о своих правах и обязанностях), неоднократно корректировался в соответствии с меняющимися условиями.

Внедрение элементов самоуправления в некоторой степени облегчало управление тундровым населением, что можно расценивать как формирование политики «мягкого» патернализма. Одним из инструментов было осуществление судопроизводства по «обычному праву». При реализации судебной реформы 1864 года на территории Архангельской губернии из ведомства вновь учреждаемых судебных институтов изымались некоторые категории уголовных и гражданских дел, возникающих у самоедов. Осуществлять правосудие по таким делам должны были их собственные суды (словесная расправа) на основании заведенных обычаев⁹. Одновременно с этим Министерство юстиции просило местные власти в лице Архангельского губернского прокурора и председателя Палаты уголовного и гражданского суда обсудить вопрос о приемлемости оставление в будущем такой меры в отношении самоедов¹⁰.

Опираясь на соображения архангельского губернатора А.П. Энгельгардта, чиновники составили свои «соображения» с учётом того, что подобные «особые правила» «имели смысл в то время, когда самоеды нуждались» в них, а теперь следовало бы подчинить самоедов в отношении суда действию общих законов», уравнивая их и в этом отношении с остальными крестьянами¹¹. По мнению А.П. Энгельгардта, осуществление судопроизводства среди ненцев чиновниками лучше, чем своими полуграмотными старшинами.

знает традиции и обычаи как весомый аргумент при регулировании как публичных, так и частных отношений с участием малочисленных народов. ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999) напрямую указывает, что при рассмотрении в судах дел, в которых лица, относящиеся к малочисленным народам, выступают в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов, не противоречащие федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации.

⁹ Временные правила об устройстве судебной части и о порядке производства судебных дел в Архангельской губернии // Полное собрание Российской Империи – 2. Т. XVI. № 12483

¹⁰ ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 63

¹¹ ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 63 об. 64

В определённой степени, в советский период новые власти прошли, только более ускоренно, всего за 6—7 лет, все этапы решения «самоедского вопроса», с которым не справилась царская администрация. В северных губерниях, где имелись коренные малочисленные народы, были созданы Комитеты содействия народам северных окраин (Комитеты Севера). Вопросы самоуправления ненцев решались через «тундровые исполкомы». Происходило привлечение к обучению толковой молодёжи и приобщение её к новым идеологическим ценностям. Оказывалась помощь в развитии традиционного хозяйства и модернизация быта ненцев. Как и до революции — присутствовало стремление «защитить» «туземцев», чаще всего путём назначения «врага». Опять актуализировался поиск простого решения «самоедского вопроса» — освобождение тундры от пришельцев, пусть и более культурных. Были изгнаны самые богатые и предприимчивые зыряне-оленоводы; начались экономические ограничения для русских промышленников.

В 1926 году был принят Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», прописывавший основные принципы их самоуправления. Предполагалось, что за каждой народностью будет закреплена особая территория, необходимая для его хозяйственного развития, для чего готовился «Кодекс трудового землепользования» для северных окраин, который бы не противоречил ни советским законам, ни обычному праву «туземцев». «Туземным исполкомам» предполагалось предоставить законные возможности оградиться от вторжения пришельцев [11, с. 44, 45]. Эти социальные эксперименты были остановлены «железной рукой», включившей обитателей тундры во все формы форсированного строительства социализма: индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию. На негативные последствия этой политики, в отличие от предыдущих десятилетий, внимания уже не обращали. Но и эта «модернизация», в целом, можно сказать, провалилась, её энергетика довольно быстро ослабела, успехи оказались в большей степени показными¹².

На современном этапе государство в некоторой степени аккумулировало опыт предыдущих эпох. Существует обширное законодательство, касающееся коренных малочисленных народов. Основополагающим следует считать Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Он устанавливает правовые основы гарантий их самобытного социально-экономического и

¹² В связи с расширением нефтегазовой добычи в НАО процент коренного населения стал резко сокращаться. Для осуществления элементов самоуправления, для мероприятий по «решению проблем социально-экономической жизни ненецкого народа, содействию росту его национального самосознания, сохранению культуры и традиционного образа жизни» в НАО в 1989 году была создана Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй».

культурного развития, защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов¹³. Поиск оптимальных моделей государственного и общественного устройства продолжается [1, с. 106]. Проявляется явное стремление включиться в общемировую тенденцию по решению проблем малочисленных коренных народов, сохраняя при этом максимальный государственный контроль над территориями, богатыми природными ресурсами общенационального значения.

Важным направлением государственной этнополитики в сфере управления явилась попытка **создания системы льгот**, которые должны были обеспечить особые условия для коренного населения. Такие льготы не были подарком как таковым. Прагматизм присутствовал во всём. Важнейшей льготой для кочевого населения было освобождение от воинской службы. При этом, если для живущих оседло «инородцев» такая льгота предоставлялась, как правило, в обмен на принятие христианства¹⁴. Ненцам такого условия не ставилось.

Освобождение от рекрутской службы было вполне объяснимо прагматическими интересами государства, поскольку с 5—6 тысяч населения (из которых, допустим, половина «мужские души») можно было взять от силы десятков рекрутов. Затраты на их поиск, транспортировку для медицинского освидетельствования, а затем на обучение русскому языку и некоторым необходимым для солдата навыкам были в данном случае необоснованными¹⁵. Согласно Уставу об управлении самоедами 1835 года, ненцы были полностью освобождены «от рекрутской повинности натурою и деньгами». После введения всеобщей воинской повинности, согласно соответствующему указу, от неё было освобождено инородческое население ряда губерний и областей, «равно и самоеды, обитающие в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии». Такая льгота для отдельных народностей объяснялось тем, что они якобы по своей «некультурности» совершенно не годились для привлечения в войска. Тем более, что среди ненцев с их отмечаемой всеми низкорослостью сложно было найти потенциальных призывников, которые были бы выше определенной для призыва нормы — 2 аршина и 2 ½ вершка (153,5 см). В 1880-е годы «инородцы — самоеды Мезенского уезда» могли привлекаться к отбыванию всеобщей воинской повинности на основании особых положений, чего, впрочем, даже во время Первой мировой войны не практиковалось. Из записей о поездке в

¹³ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" // Российская газета. 1999. 12 мая

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 378 (Комиссия для разработки положения о личной воинской повинности) 1862—1872 гг. Д. 2, ч. 11.

¹⁵ Судя по всему, ненцы могли поступить в рекруты добровольно. Такой случай описывает А. Кастрен: в Пустозерске ему удалось познакомиться с «далеко известным своими похождениями самоедом», который «однажды, напившись, записался в рекруты, но был отпущен по болезни и неспособности к военной службе» [12, с. 155]

Канинскую тундру профессора Н.Ю. Зографа (зоолога и специалиста в области этнической антропологии), можно предположить, что отношение ненцев к освобождению от воинской службы было разным [13, с. 7, 8]. В советское время освобождение ненцев от воинской службы первоначально было подтверждено. С 1939 года ненцев стали брать в армию, что как бы демонстрировало отказ от признания унижающей их исключительности.

Вторая льгота касалась освобождения от подушной подати, вместо которой уплачивалась индивидуальная «луковая подать». Такой ясак развёрстывался на мужчин от 17 до 60 лет. В случае неспособности по состоянию здоровья заниматься промыслами мужчина от этой обязанности освобождался. Списки на уплату ясака составлялись старостами. Других форм контроля (метрических книг, переписей) в тундре либо не было, либо получение таких сведений было затруднительным. Другие повинности были для ненцев не слишком обременительны. Даже в XVIII веке, по словам этнографа И.Г. Георги, кроме уплаты ясака, ненцы не имели никаких других «доказательств своего подданства» [14, с. 6]. Пожалуй, единственной их повинностью было предоставление транспорта для чиновников, крайне редко объезжавших тундры. В 1925 году туземное население (в том числе ненцы) было освобождено от всех прямых налогов. Было запрещено также взимать с них недоимки, а накопившиеся долги списывались. Нуждающиеся получали безвозмездные и долгосрочные ссуды, в первую очередь продовольственную (хлебную)¹⁶. В 1930-е годы, как и в случае с воинской повинностью, подобные льготы были отменены.

В настоящее время некоторые мероприятия в отношении социальной поддержки ненцев сохраняются. Представители коренных малочисленных народов, занимающиеся традиционными видами деятельности, имеют право выходить на льготную пенсию. Доходы, получаемые от реализации продукции традиционных видов промысла членами зарегистрированных в установленном порядке родовых, семейных общин малочисленных народов Севера, не подлежат налогообложению¹⁷. Законом НАО оленеводам и «чумработницам» (жёнам оленеводов, ведущим хозяйство) гарантируется ряд мер социальной поддержки: это разовые и ежемесячные социальные выплаты, предоставление «средствами гигиены», обеспечение муниципальным жильем (на основе социального найма)¹⁸.

¹⁶ Итоги работы двух лет (с 1.10.1926 по 1.10.1928 гг./ Отчет Архангельского губисполкома XIII Архангельскому губернскому съезду советов. Архангельск, 1929.

¹⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Российская газета. 1998. 6 авг.

¹⁸ Об оленеводстве в Ненецком автономном округе. Закон Ненецкого автономного округа от 15 марта 2002 г. N 341-ОЗ (в ред. от 26 мая 2014 г.) // Няръяна вындер. 2002. 29 марта.

Законодательство в отношении уголовных преступлений против имущества и бытовых преступлений в дореволюционный период опиралось на традиции обычного права. Предполагалось, что по мере «смягчения нравов» ненцы будут все более и более подчиняться государственным правовым нормам. С конца XVIII века, когда начали разрабатываться особые правила по управлениям территориями, заселенными «инородцами», приступили к изучению их юридических обычаев. Каждому губернатору, на территории управления которого проживали инородцы, вменялось в обязанность создать специальную комиссию для описания традиционных юридических обычаев, с тем, чтобы сохранить их, убрав «самое дикое и жестокое»¹⁹. «Смягчение нравов», на что в первую очередь была направлена политика по «окультуриванию» ненцев, действительно произошло. По свидетельствам путешественников, «самояди отважнее, дичее других народов, [но] привыкших жить с русскими, ...ни к воровству, ни к убийствам, ни к мщению не склонны» [14, с. 5] и «ссор с жестокими драками и смертоубийств по тундре весьма редко между собой имеют» [15, с. 44].

Изучение очерков путешественников и этнографических изысканий показывает, что некоторые преступления, являясь таковыми в глазах «цивилизованного человека», в действительности были связаны с традициями «моральной» экономики, которой признавалось право общества в целом и отдельных его членов на получение вспомоществования. Кажущаяся распространённость кражи оленей у ненцев (которая фиксировалась до начала XX века, но постепенно сходила на нет под действием экспансии государственного законодательства) могла быть отражением распространённого обычая давать бедным соплеменникам оленей «на подмогу». Они пасли стадо, кормились от него, беря за труды часть приплода, а остальные возвращали хозяину. Богатые ненцы признавали такой обычай, поскольку их стада вытаптывали тундру, являвшуюся общинным достоянием. По мере имущественной дифференциации и проникновения в тундру новых представлений такие обязательства стали нарушаться: богатый ненец считал себя в праве отказать бедному сородичу в подобной помощи. И тогда, опираясь на традицию, тот угонял у богача несколько оленей. Общественное мнение оправдывало его поступок, поскольку богатый человек не должен позволять бедному страдать от голода. За некоторые преступления против личности (оскорбление) и моральные преступления (например, соблазнение жены) с виновного взимался штраф оленями: обиженный подходил и забирал одного или двух оленей из упряжки. Главное, не оставить человека в тундре вообще без оленей, что было равносильно убийству.

¹⁹ Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии. Высочайше утвержденный 18 апреля 1835 года // Полное собрание Российской Империи – 2. Т. X. № 8071.

По мере проникновения в тундру государственных норм права (сначала для разбора дел между ненцами и не ненцами — русскими или коми, а затем и внутриобщинных конфликтов) некоторые богатые люди, которые при господстве подобных правовых норм чаще всего оказывались обделенными, начали апеллировать к суду, не желая в ряде случаев признавать нормы обычного права. Такая культурная модернизация подтолкнула процессы включения ненцев в общегосударственное правовое пространство, что в целом и завершено к настоящему времени. Несмотря на разную идеологию государственной этнополитики: потребительское отношение к коренному населению доимперского и раннеимперского периода, «мягкий» патернализм конца XVIII — начала XX века, стремление преодолеть пропасть, отделяющую «коренные» народы от цивилизации, в советское время, можно обнаружить общие подходы к решению проблемы создания *общего правового пространства*. Это законодательное обеспечение отношений между коренными народами и государством, между ними и иноэтничными соседями, а также прибывающими на эти территории мигрантами.

Опыт социальной и культурной модернизации ненецкого населения

Наиболее лёгким способом «цивилизовать» ненцев, перевести их в разряд крестьян и соответствующим образом регулировать их экономический и общественный быт, представлялось переведение их к оседлому образу жизни. Один из первых инициаторов природоохранных мероприятий в тундре А.В. Журавский выступил и с проектом законов, направленным на сохранение традиционного жизненного уклада ненцев. Среди прочего, рекомендовалось оказывать всяческое содействие к мягкому переходу кочевых народов к оседлости. Для этого учредить (опираясь на опыт Дании в отношении гренландских эскимосов) центральный казённый магазин по приёму продуктов промыслов по фиксированным ценам; выявить признаваемые ненцами центры (самоедские волости) и устроить в них государственную сберегательную кассу, аптеку, почтово-телеграфное отделение, школу — обязательно с опытным полем для подготовки учеников к оседлой жизни. Привлекательность таких центров опиралась отнюдь не на церковь, а на торговые предприятия: «Централизация полярных инородцев около магазинов вызовет оседлость» [8, с. 25]. Для этого предлагалось четко определить перечень товаров, которые ненцам действительно необходимы (грубое сукно на совики, продовольственные запасы, припасы и снаряды для охоты и рыбной ловли, инструменты), а не «безделушки», до которых ненцы, по свидетельствам путешественников, были падки и могли потратить на них все полученные от реализации своей продукции деньги [8, с. 26].

Постоянно говорилось о запрете водочной торговли в тундре. В Уставе 1835 года она была строго запрещена всем, кроме самих ненцев. Вместе с тем, торговля спиртными напит-

ками была слишком выгодна, чтобы от неё отказаться. Началась она с 1748 года, когда сбор ясака стал отдаваться на откуп, а чтобы откупщиков заинтересовать, им было разрешено реализовывать среди ненцев казенное вино. Пристрастившись к спиртному, ненцы отказывались даже разговаривать об обменных операциях, пока их не угостят «чаркой». Став добрыми и покладистыми после выпитого вина, они готовы были сделать большие уступки продавцам. Предположительно, таким образом коми-торговцы получили в свои руки ненецкие стада, а русские промышленники — право на промысловые угодья в тундре.

Показательным является судебное дело, инициированное в 1867 году ненцами по выселению из тундры мезенских мещан и крестьян, которые их «притесняли». Поскольку русские не имели подтверждающих документов на право жить и промыслять в тундре, суд постановил об их выселении. Однако ненецкое общество внезапно изменило своё мнение, предоставив приговор своего схода, что «мы с их семействами в нашу тундру... принять желаем и дозволяем им пользоваться сенокосами... наравне с прочими жителями, равно так же производить разные промыслы в реке Пеше и озерах»²⁰. Можно предположить, что такой приговор был принят после щедрого «угощения».

Попытки реализовать программу перевода ненцев к оседлой жизни имела несколько положительных примеров, связанных прежде всего с христианизацией. Результатом деятельности миссионеров, с той или иной степенью активности работавших в ненецкой тундре с 1820-х годов, стало появление нескольких поселений, в которых крещёные ненцы приучились жить оседло. Одна из таких деревень, Кожва в верховьях реки Печоры, была в 1890-е годы «вполне благоустроенной», в ней функционировали церковь и школа, имелось 38 домов и 230 жителей, которые занимались промыслами и скотоводством, а также сеяли ячмень. Жители остальных ненецких поселений занимались либо промыслами, либо сельским хозяйством, при этом последние «жили значительно зажиточнее» [5, с. 228—239, А.П. Энгельгардт]. Такое же впечатление произвели оседлые ненцы с. Колва на Н.Е. Ермилова: «народ общительный, разговорчивый и веселый, внутренность помещений отличается сравнительной чистотой и аккуратностью, а сами они зажиточные — на 30 дворов 30 лошадей и 100 коров. Один самоед, Николай Ханирин, обладает даже стадом [оленей] в две тысячи голов. Занимаются теми же промыслами, как и все печорские жители» [16, с. 70—72].

²⁰ ГААО. Ф. 71 (Архангельской губернской по крестьянским делам присутствие). Оп. 1, т. 1. Д. 161. Л. 26. По ходатайству самоедов Тиманской тундры о запрещении крестьянам и самоедам Запечорского края пасти оленей и производить промыслы в Тиманской тундре, а оседло поселившихся там крестьян и мещан выселить из тундры. 1867—1868 гг.

Второй эксперимент по изменению образа жизни ненцев начался в 1870-е годы переселением нескольких семейств на Новую Землю. В последующие десятилетия ненецкая колония там продолжала расширяться. Этот проект преследовал две цели: обеспечить пригляд за только что построенной спасательной станцией в становище Малые Кармакулы и начать экономическое освоение архипелага, пока этим не занялись норвежцы. Переселенцы занимались промыслами, жили в русских домах (не сразу они к этому привыкли). Здесь были устроены школа и церковь (некрещённых ненцев обращали в христианство в Архангельске в ожидании отправки на Новую Землю). Приходящим сюда пароходам запрещено было продавать ненцам спиртное и скупать их продукцию. Все торговые операции делались централизованно, губернскими чиновниками. Доходы шли на приобретение по заказам новоземельских ненцев различных товаров, часть денег откладывалась на их счетах в банке. Из отчислений от доходов формировался запасный капитал, который направлялся на организацию переселений на Новую Землю новых колонистов и оказание им первоначальной помощи. А.П. Энгельгардт нашел этот опыт удачным: «Прежняя эксплуатация самоедов совершенно прекращена» [5, с. 162]. При этом Энгельгардт, будучи противником всяческого патернализма, для Новой Земли объяснял его необходимость удалённостью и отсутствием у новоселов традиций жизнеобеспечения в местных условиях.

За исключением этих нескольких примеров перевод ненцев на оседлость не удавался. По словам посетившего тундру в 1831 году доктора Белявского, ненцы «хотя и видят преимущества жизни русского народа, но привязаны к своим обыкновениям и образу жизни» [17, с. 164—165]. И все увеличивавшийся в последние десятилетия XIX века переход ненцев к оседлости был вызван не возможностями более обеспеченной и культурной жизни, а напротив — обнищанием; такие оседлые ненцы «кормились» возле русских поселений, устраиваясь работниками или нищенствуя.

В советское время, оттолкнувшись от неудач царского правительства в решении «самоедского вопроса», которые всячески акцентировали в пропагандистских целях, фактически реализовывалась программа, разработанная именно до революции. В каждой из трёх ненецких тундр были созданы «тундровые волисполкомы», которые должны были решать различные вопросы, входившие прежде в ведение тундровых старшин. «Государственная торговля», получившая возможность совершать обменные операции в тундре в период нэпа, находилась в руках старых «спецов», в основном тех, кто до революции занимался реализацией в тундрах

спиртных напитков. Несмотря на запрет, подобная практика продолжала развиваться²¹. Проводилась кампания по устранению «торгашеских уклонов госорганов» и очищению «всех заготовщиков от старого кулацкого элемента» [ГАО. Ф. 760. Оп.1. Д.5. Л. 821]. Архангельский губернский Комитет Севера²² смог добиться запрета «государственной торговли» в тундре и передать её в руки кооперативов, которые должны были снабжать ненцев всем необходимым, реализовывать продукты их промыслов, распределять выделяемые губернией ссуды «по классовому принципу». Прежние «оброчные статьи» (право на производства промыслов и проч.) стали экономическим оружием в руках советских органов: их предоставляли только членам так называемых «тундровых комитетов крестьянской взаимопомощи» (ТККВ), которые уплачивали достаточно высокие взносы, направляемые на материальное вспомоществование беднейшим ненцам. На доходы тундровых ККВ и кооперативов в сёлах устраивались школы и культурные учреждения, «Дома самоеда» (общежития для приезжавших в сёла ненцев, в которых было организовано питание, просветительская работа и проч.). Медицинская помощь ненцам финансировалась государством. Направлялись специальные медицинские и ветеринарные отряды, которые должны были оказывать бесплатные услуги кочевому населению. Силами местных комсомольцев и коммунистов осуществлялся контроль, чтобы врачи и ветеринары выполняли свои функции, а не «отсиживались» в русских деревнях. Постепенно оседлость и полуоседлость для ненецкого населения была достигнута, в определённой степени благодаря школьному образованию.

Главной опорой культурной, социальной, экономической модернизации ненцев была молодёжь. Использование социальной мобильности для извлечения части молодёжи из традиционного ненецкого социума, прививка им через образование новых культурных ценностей и дальнейшее использование их в качестве модераторов для более широкого распространения этих ценностей осуществлялось достаточно давно [18, с. 2]. Впоследствии, когда в тундре появились церкви, некоторым священникам удалось привлечь ненецкую молодёжь для помощи при церковных службах. Путешественники с умилением описывали церковный хор, состоящий из «певчих в малицах». Однако, несмотря на некоторые усилия, школьное образование среди ненцев привить не удавалось. «Однодневная школьная перепись», проведённая в 1911 году, выявила всего пять ненцев-школьников.

²¹ ГАО. Отдел документов социально-политической истории (*Далее — ГАО. ОДСПИ*). Ф. 1141. Мезенский уездный комитет. Оп. 1. Д. 1а. Протоколы заседаний Канино-Чешского самоедского волостного комитета...

²² Комитет содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК был создан в 1924 г. В губерниях, где проживали «малые народности», были созданы местные (губернские) «комитеты», которые для краткости назывались «комитетами Севера». Упразднены в 1935 г.

В советское время был пройден примерно тот же путь. Приоритет был отдан культурным преобразованиям. Для решения основной задачи — подготовки национальных кадров советских работников — в 1925 году был создан «Северный факультет» при Ленинградском университете (впоследствии Институт народов Севера). В 1920-е годы циркулярно рассылались требования по направлению ненцев для обучения в различные средние и высшие учебные заведения. Такие разнарядки выполнялись с большим трудом. Поэтому остановились на необходимости сначала обеспечить обязательность школьного образования, для чего потребовалось создать ненецкую грамоту и подготовить учителей из ненцев (в 1929 году было организовано подготовительное отделение при Архангельском педагогическом техникуме). Особенно активно пытались включить в новые социальные отношения женщин. Считалось, что через неё как «хозяйку чума» легче будет осуществлять мероприятия по санитарно-гигиеническому и медицинскому просвещению ненцев, по распространению среди них новых форм быта.

Ещё до революции отмечалось, что добиться положительных результатов в деле школьного обучения ненцев можно только при условии наличия интернатного проживания [19, с. 45]. В советское время эта задумка была полностью реализована. На низовом уровне интенсивно создавались школы-интернаты, в которые детей помещали, нередко насильно отрывая от семьи; в школах осуществлялось базовое шестилетнее образование на родном языке. При этом положительным был только эффект от отрыва детей с помощью такого социального лифта, как школьное образование, от традиций своего народа, к нарушению механизма межпоколенной передачи опыта. Как в любом случае маргинализации, это привело к большому количеству девиаций, прежде в ненецкой среде не отмечавшихся. Анализируя последствия «советских экспериментов» в области прежде всего образования, этнолог А.В. Головнев говорит о «похищенных поколениях», во многом утративших элементарные навыки жизнедеятельности (ориентирования на местности, выбора и освоения промысловых угодий, содержания домашних животных и др.) Школьное образование привело к более позднему достижению ненцами фактической дееспособности — не в 14—15 лет, как прежде, а в 18—20 [20, с. 94—95].

Опыт различных мероприятий по включению ненцев в общегосударственную жизнь и признаваемую цивилизацию позволяет с большой долей вероятности утверждать, что в качестве основного оружия использовалась идеология. В дореволюционный период это была христианизация и патерналистские подходы к решению абсолютно всех вопросов, волновавших ненцев. В советский период — критика позднеимперской политики в отношении ко-

ренных малочисленных народов; классовый подход и фактически принудительная социальная и имущественная дифференциация ненцев; формирование «образа врага» (на начальном этапе не столько из своих «кулаков» и «богачей», сколько из русских и коми, а в 1930-е годы выявление уже внутренних врагов); мероприятия по разрыву межпоколенных связей и деформации традиционных гендерных и возрастных ролей.

Идеологическое вмешательство касалось и семейно-брачных отношений. Область частной жизни была закрыта для государства, но не полностью. Принятие ненцами христианства предполагало обязательные таинства — венчание и крещение. Однако для ненцев как кочевников делалось исключение: оба эти таинства могли происходить спустя нередко долгое время после свершившегося факта. Венчать брак и крестить новорожденных допускалось, когда семья оказывалась в непосредственной близости от церкви. То же касается и отпевания. Ненцы хоронили своих умерших по старым традициям, но стремились привезти в церковь горсть земли с могилы, чтобы потом вернуть её обратно.

Христианизация была направлена также на «смягчение нравов» ненцев, которые европейцам казались «дикими». В частности, почти всеми наблюдателями отмечалось приниженное и крайне тяжёлое положение ненецкой женщины. Пожалуй, один Ф. Белявский увидел в существующих внутрисемейных отношениях положительный момент. По его словам, «женщины так много ими уважаются, что по смерти мужа брат покойного обязан взять жену его... Женщины совершенно обеспечены на всю жизнь. О них пекутся от рождения до кончины» [17, с. 160—161]. Таким образом, в обычае левирата он видел защищённость ненецкой женщины. Другие наблюдатели указывали на то, что наследуемые вдовой промысловые угодья не желали упускать из своей семьи.

По переписи 1897 года, более 20% семей в Тиманской и Канинской тундрах представляли собой незаконное сожителство. Возможно, это связано с тем, что из-за удалённости от церкви ненцы не венчали свои браки или венчали их через несколько лет совместной жизни. Со стороны это могло восприниматься как нравственная распущенность. То же касалось и многочисленных свидетельств наблюдателей о распространённости среди ненцев бросать своих жён: «браки у них уничтожаются очень легко» [14, с. 10]; «когда... жена опротивеет им, они сейчас возвращают её родителям, у которых они купили её, лишаясь только данной за нее платы, и родители обязаны взять её себе назад» [21, с. 34]. Такие оценки стали, скорее всего, результатом убеждения, что без христианства процветают дикие нравы. Более доброжелательно настроенные к ненецкой культуре путешественники отмечали, что при вольности добрачных нравов ненецкая семья крепкая. Разводы допускались в случае бездетности

одного из супругов, неспособности к хозяйственной деятельности. По мнению этнолога А.В. Головнева, столь лёгкие возможности семейных трансформаций были связаны со «способом социального маневрирования кочевников, привыкших беречь ценный семейный потенциал (наследовать вдове родича) и решительно избавляться от помех (расторгать неудачное партнерство)» [22, с. 43].

Экономической ценностью любого брачного союза можно объяснить распространённость неравных браков, когда «малолетних ребят женят на совершеннолетних девках, а малолетних девок выдают за взрослых мужчин» [23, с. 223, 249]. Ю.И. Кушелевский также отмечал существующий у ненцев обычай «женить малолетних сыновей своих 8 и 9 лет на взрослых девицах» [24, с.100,101], причиной чему была необходимость получить в семью лишние женские руки. Заключать брак между детьми было принято и у крещёных ненцев. Такие супруги, проживая вместе, в брачные отношения могли вступать только по достижению совершеннолетия. По обычному праву ненцев добрачные связи не считались преступлением. Если же соблазнили жену «малолетнего» мужа, то право мстить обидчику имел её отец. В случае супружеской измены муж мог по своему усмотрению оштрафовать любовника жены, забрав у него одного или двух оленей.

Контроль со стороны церкви, затем — органов советской власти поспособствовали заключению браков между сверстниками, при этом достигшими половой зрелости. Не допускалось многоженство. В понимании носителей модернизированной культуры «женское равноправие» при ведении кочевого хозяйства невозможно. Однако женщина, жена оленевода получила в советской практике полуофициальный статус «чумработницы»; занятие ею домашней работой было приравнено к трудовой деятельности.

Заключение

Поставив целью включить ненцев в своё правовое пространство, Российское государство, какую бы историческую форму оно не имело, стремилось достичь её постепенно, ненасильственными методами, путем «смягчения нравов» носителей традиционной культуры в соответствии с требованиями европейской цивилизации. Вместе с тем, положительный как будто бы итог — своего рода «двухкультурие» ненцев, относительно комфортное пребывание их в двух цивилизациях — традиционной и модернизированной (русской), создало ряд негативных последствий, всегда вызываемых подобной маргинализацией. Эта проблема имеет глобальный характер и не является темой настоящей статьи.

Исследование исторического опыта реализации различных моделей этнополитики в отношении конкретного этноса (ненцев) ставит вопрос их культурной устойчивости, которая

всегда сочеталась со способностью и готовностью к переменам [20, с. 576]. Долгое время глубоко этнографическое изучение ненцев опиралось на модернизационную парадигму, согласно которой все стороны жизни этого народа демонстрируют их промежуточное положение на пути «от варварства к цивилизации». Вместе с тем, устойчивое экосоциальное развитие ненцев по-казывает положительные результаты, особенно на фоне других малых народов (не кочевых), а также, с учетом экологических вызовов современному миру.

Изучение обычаев ненцев, предпринятое с целью их «мягкого» включения в государственное пространство, уже в первые десятилетия XIX века оказало влияние на отношение власти к природоохранным мероприятиям. Рассматривая конфликты ненцев с коми-оленеводами, с русскими промысловиками, чиновники обращали внимание на хрупкость природы приарктических территорий, понимали обоснованность требования ненцев соблюдать выработанные у них веками законы природопользования, которые помогли им существовать в экстремальных природно-климатических условиях. Под влиянием экологической культуры ненцев, построенной на системе жестких запретов, развилось понимание, что кажущиеся неисчислимы природные богатства Севера не бесконечны. Такие факты исторически подтверждают правомерность паритетных (субъект-субъектных) отношений и взаимных уступок при разработке государственной и региональной этносоциальной политики.

Литература

1. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.
2. Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб, 1877.
3. Иславин В.А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб, 1847.
4. [Голицын Н.Д.] Записка архангельского губернатора действительного статского советника князя Н.Д. Голицына по обозрению Печорского края летом 1887 года. Архангельск, 1888.
5. Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки. СПб, 1897.
6. Керцелли С.В. Архангельские тундры // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 23, 24
7. Голубцов Н. Вопрос об управлении Самоедами Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 3. С. 49—60.
8. Журавский А.В. Самоедское право. Материалы для законодательных предположений. Архангельск, 1908. № 198, 200.
9. Танфильев Г.И. По тундрам тиманских самоедов летом 1892 года. Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 13 октября 1893 г. СПб, 1894.
10. Голубцов Н. Вопрос об управлении Самоедами Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 8-9. С. 19—23.

11. Леонов Н. Север на стройке. Советское строительство среди малых народностей северных окраин. М: Власть Советов (изд-во при президиуме ВЦИК), 1930.
12. Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1842, 1845—1849) // Магазин земледелия и путешествий: географический сборник. Том VI: Собрание старых и новых путешествий. Ч. III. М., 1860.
13. Зограф Н.Ю. Поездка к самоедам. (По поручению Комитета Антропологической выставки 1879 г.) М., 1877.
14. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. 4 т. Ч. 3. О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе. СПб, 1799.
15. Молчанов С.К. Описание Архангельской губернии. Часть 1. СПб, 1813.
16. Ермилов Н.Е. Поездка на Печору: Путевые заметки. Архангельск, 1888.
17. Белявский Ф.И. Поездка к Ледовитому морю. Москва, 1833.
18. Шульгин В.А. Исторические сведения о просвещении христианством самоедов Архангельской епархии. [Архангельск, 1897].
19. Козмин Н. Архангельские самоеды (Очерк их быта и верований). Издание училищного Совета при Св. Синоде. СПб, 1913.
20. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
21. Бруин К., де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989.
22. Головнев А.В. Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.
23. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского [в 1772 году]. Ч. IV. СПб, 1805.
24. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал: Путевые записки, веденные во время экспедиций 1862, 1863 и 1864 г., предпринятых для открытия сухопутного и водяного сообщения на севере Сибири от реки Енисея через Уральский хребет до р. Печоры Ю.И. Кушелевским. СПб, 1868.

References

1. Kryazhkov V.A. Korennye malochislennyye narody Severa v rossijskom prave. M.: Norma, 2010. 560 s.
2. Efimenko A.Ya. Narodnye yuridicheskie obychai loparej, korelov i samoedov Arkhangelskoj gubernii. SPb, 1877.
3. Islavin V.A. Samoedy v domashnem i obshhestvennom bytu. SPb, 1847.
4. [Golicyn N.D.] Zapiska arkhangelskogo gubernatora dejstvitelnogo statskogo sovetnika knyazya N.D. Golicyna po obozreniyu Pechorskogo kraja letom 1887 goda. Arkhangelsk, 1888.
5. Engelgardt A.P. Russkij Sever: putevye zapiski. SPb, 1897.
6. Kercelli S.V. Arkhangelskie tundry // Izvestiya Arkhangelskogo obshhestva izucheniya Russkogo Severa. 1910. № 23, 24
7. Golubcov N. Vopros ob upravlenii Samoedami Arkhangelskoj gubernii // Izvestiya Arkhangelskogo obshhestva izucheniya Russkogo Severa. 1909. № 3. S. 49—60.

8. Zhuravskij A.V. Samoedское право. Materialy dlya zakonodatelnyx predpolozhenij. Arkhangelsk, 1908. № 198, 200.
9. Tanfilev G.I. Po tundram timanskix samoedov letom 1892 goda. Chitano v obshhem sobranii I.R.G.O. 13 oktyabrya 1893 g. SPb, 1894.
10. Golubcov N. Vopros ob upravlenii Samoedami Arkhangel'skoj gubernii // Izvestiya Arkhangel'skogo obshhestva izucheniya Russkogo Severa. 1909. № 8-9. S. 19—23.
11. Leonov N. Sever na strojke. Sovetskoe stroitel'stvo sredi malyx narodnostej severnyh okrain. M: Vlast Sovetov (izd-vo pri prezidiume VCIK), 1930.
12. Kastren M.A. Puteshestvie Aleksandra Kastrena po Laplandii, severnoj Rossii i Sibiri (1838—1842, 1845—1849) // Magazin zemledeliya i puteshestvij: geograficheskij sbornik. Tom VI: Sobranie staryh i novyh puteshestvij. Ch. III. M., 1860.
13. Zograf N.Yu. Poezdka k samoedam. (Po porucheniyu Komiteta Antropologicheskoy vystavki 1879 g.) M., 1877.
14. Georgi I. G. Opisanie vseh obitayushhix v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskix obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugix dostopamyatnostej. 4 t. Ch. 3. O narodax samoed'skix, manchzhurskix i vostochnyx sibirskix, kak i o Shamanskom zakone. SPb, 1799.
15. Molchanov S.K. Opisanie Arxangel'skoj gubernii. Chast 1. SPb, 1813.
16. Ermilov N.E. Poezdka na Pechoru: Putevye zametki. Arkhangelsk, 1888.
17. Belyavskij F.I. Poezdka k Ledovitomu moryu. Moskva, 1833.
18. Shulgin V.A. Istoricheskie svedeniya o prosveshhenii khristianstvom samoedov Arkhangel'skoj eparxii. [Arxangel'sk, 1897].
19. Kozmin N. Arxangel'skie samoedy (Ocherk ih byta i verovanij). Izdanie uchilishhnogo Soveta pri Sv. Sinode. SPb, 1913.
20. Golovnev A.V. Govoryashhie kultury. Tradicii samodijcev i ugrov. Ekaterinburg, 1995.
21. Bruin K., de. Puteshestviya v Moskoviyu // Rossiya XVIII v. glazami inostrancev. L.: Lenizdat, 1989.
22. Golovnev A.V. Kochevniki tundry. Nency i ih folklor. Ekaterinburg, 2004.
23. Lepexin I.I. Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii Nauk adyunkta Ivana Lephina po raznym provinciyam Rossijskogo [v 1772 godu]. Ch. IV. SPb, 1805.
24. Kushelevskij Yu. I. Severnyj polyus i zemlya Yalmal: Putevye zapiski, vedennye vo vremya ekspeditsij 1862, 1863 i 1864 g., predprinyatyh dlya otkrytiya suxoputnogo i vodyanogo soobshheniya na severe Sibiri ot reki Eniseya cherez Uralskij hrebet do r. Pe-chory Yu.I. Kushelevskim. SPb, 1868.

Рецензент: Федоров Павел Викторович,
доктор исторических наук, профессор

Обзоры. Reviews

УДК 321.21+574

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.190

Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики¹

© **Лукин** Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Арктика и Север» САФУ имени М.В. Ломоносова.

Аннотация. Обзор материалов конференции «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики», прошедшей в рамках V международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубежной научной общественности 15—16 сентября 2015 года в городе Архангельске.

Ключевые слова: Арктический регион, безопасность, устойчивое развитие, конфликты, стабильность, экология, коренное население Арктики

Providing security and sustainable development of the Arctic Region, conservation of ecosystems and traditional lifestyles of indigenous peoples of the Arctic

© **Yury F. Lukin**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Editor of "Arctic and North" journal, NArFU named after M.V. Lomonosov

Abstract. Review of the conference materials "Safety and Sustainable Development of the Arctic Region, the conservation of ecosystems and traditional lifestyles of indigenous peoples of the Arctic" held within the framework of the 5th International meeting of the Arctic Council member states, observer states and international scientific community on the 15th—16th of September 2015 in the town of Arkhangelsk.

Keywords: *The Arctic region, security, sustainable development, conflict, stability, the environment, indigenous people of the Arctic*

¹ Обзор выполнен в рамках гранта Российского научного фонда — проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов».

Конференция «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики», прошла 16 сентября 2015 года в Архангельске в рамках международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубежной научной общественности. Такие встречи проводятся уже в пятый раз по инициативе Совета Безопасности РФ. В предыдущие годы они состоялись в Мурманске, в Салехарде, в Нарьян-Маре и на борту ледокола «Ямал». Подводя итоги конференции, секретарь Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушев отметил: «Подобные конференции стали неотъемлемой частью арктической повестки дня и органично вписываются в традицию добрососедства и сотрудничества, без которой невозможна жизнедеятельность человека в суровых условиях Арктики. Важно, что, как и в предыдущие годы, на конференцию в Архангельск приехали ученые, эксперты и полярные исследователи из 11 стран (Дании, Исландии, Норвегии, Российской Федерации, США, Финляндии и Швеции, а также Индии, Китая, Южной Кореи и Сингапура), которые избрали Арктику своим призванием. Среди участников форума были также руководители регионов, расположенных в Арктической зоне РФ, представители российских министерств, ведомств и ведущих компаний, активно работающих в Арктике» [1].

Рисунок 1. Н.П. Патрушев и другие участники конференции.
URL: http://www.narfu.ru/upload/iblock/077/safu9703_01.mp4.still001.jpg

К участникам конференции с приветственным посланием обратился Президент России В.В. Путин, в котором отметил: «В Арктическом регионе сосредоточены значительные запасы полезных ископаемых и энергоресурсов, через него проходит Северный морской

путь — кратчайший судоходный маршрут, соединяющий Европу с Дальним Востоком и странами АТР. А природные процессы, происходящие здесь, прямо влияют на климатическую и экологическую ситуацию на всей планете. Россия, почти треть территории которой составляют районы Крайнего Севера, несёт особую ответственность за Арктику» [2]. В послании было обозначено три ключевых приоритета России в АЗРФ: 1) обеспечение баланса между активной хозяйственной деятельностью и сохранением уникальной окружающей среды; 2) бережное отношение к культуре и традиционному образу жизни коренных малочисленных народов; 3) укрепление взаимодействия с государствами-членами Арктического совета по всем направлениям. Была выражена уверенность, что участники встречи выработают практические рекомендации, которые будут способствовать эффективному решению задач, стоящих перед международным сообществом в Арктическом регионе [2].

Всего на конференции прозвучало 43 доклада и сообщения. Были детально рассмотрены: *во-первых*, актуальные вопросы подготовки квалифицированных кадров для освоения Арктики и глобальных арктических проектов; *во-вторых*, консолидация усилий по сохранению уникальных экосистем Арктики при разработке глобальных ресурсных проектов; в *третьих*, проблемы устойчивого развития и сохранения среды обитания, культуры, традиций и обычаев коренных малочисленных народов Севера.

С ключевым докладом по первому вопросу о подготовке специалистов для освоения Арктики и глобальных арктических проектов выступила исполняющая обязанности ректора САФУ Н.В. Чичерина. Она обозначила основные проблемы и вызовы, которые требуют адекватного ответа от академического сообщества и системы образования в целом. Это:

- a) Комплексная система экспертно-аналитического сопровождения государственной научно-образовательной политики в АЗРФ.
- b) Мониторинг кадровых потребностей РФ для освоения Арктики и реализации глобальных Арктических проектов.
- c) Сетевое взаимодействие между университетами и основными работодателями АЗРФ.
- d) Конкурентоспособные образовательные программы арктической направленности.
- e) Программы поддержки, привлечения и молодых специалистов для обеспечения устойчивого социально-экономического развития АЗРФ.
- f) Современная научно-образовательная инфраструктура для реализации образовательных программ разных уровней.
- g) Высокая затратность междисциплинарных научно-образовательных проектов в Арктическом регионе [3].

В качестве решения проблемы экспертно-аналитического сопровождения САФУ предлагает создать Центр мониторинга научно-образовательного пространства Арктики. Его задача — аналитическое сопровождение процесса принятия решений по выработке государственной политики России в научно-образовательной сфере в Арктическом регионе. Это дол-

жна быть структура, обладающая соответствующими полномочиями, финансово поддержанная госзаданием. Причём в САФУ уже функционирует ряд подразделений, обеспечивающих интеллектуальное освоение Арктики, включая Арктический центр стратегических исследований, исследовательский офис Университета Арктики и др. САФУ является председателем Объединённой Рабочей группы по образованию и науке Совета Баренцева Евро-Арктического региона и со-координатором Института Северного измерения [3].

Актуальные вопросы подготовки квалифицированных кадров для освоения Арктики и глобальных арктических проектов, развития международного научного сотрудничества затрагивали в своих выступлениях ректор Северного ГМУ Л.Н. Горбатова, ректор Мурманского государственного технического университета С.А. Агарков, Президент Университета Арктики Л. Куллеруд (Норвегия), зав. кафедрой МГИМО(У) А.Н. Вылегжанин, доцент Университета Аляски Фэрбенкс Б. Бойлан (США), профессор Университета Тромсё — Арктического Университета Норвегии Р. Бертельсен (Дания), президент «Гекон» М.Н. Григорьев и другие участники конференции. Подчёркивалось что знания являются важным ресурсом будущего именно в Арктике. «Думаю, что будущее Арктики во многом зависит от квалифицированных кадров. В Арктике нужны люди, которые смогут заниматься профессиональной деятельностью в самых разных областях, будь то горнодобывающая отрасль, поисково-спасательные работы и многое другое. Нужны молодые кадры, у которых есть искра, желание, энергия для того, чтобы заниматься созданием новых инновационных проектов. Знания — это ресурс будущего. Не полезные ископаемые, а именно знания», — считает, например, президент Университета Арктики Л. Куллеруд [4]. Отмечалось, что подготовка специалистов для арктических проектов должна проходить в тесном взаимовыгодном партнёрстве с потенциальными работодателями. Партнёрство должно включать опережающий запрос на подготовку кадров и трудоустройство выпускников, целевой набор студентов, организацию практик на реальном производстве, участие работодателей в разработке и реализации образовательных программ.

Драйверами развития Арктической зоны, по мнению М.Н. Григорьева, являются крупные инвестиционные проекты, связанные с освоением природных ресурсов и развитием транспортной системы, инфраструктуры в целом [5]. САФУ, как флагман университетского образования в АЗРФ, должен обеспечить решение следующих задач:

- a) Создание системы прогноза хозяйственной деятельности в регионах влияния и в пределах компетенции профильных институтов.
- b) Оценку модели потребности в специалистах соответствующих специальностей, включая кадры для государственного управления, экономики, экологической безопасности, здравоохранения и другие.

- с) Координацию разработки учебных программ, курсов переподготовки и повышения квалификации для вузов и связанных с ними колледжей. Очевидно, что круг профильных колледжей должен быть обоснованно расширен (по аналогии с Северодвинским филиалом САФУ).
- д) Для проведения как системного мониторинга, так и разработки учебных программ, Университет должен широко опираться на экспертные группы, состоящие как из специалистов иных вузов, профильных академических и отраслевых институтов, так и на приближенные к конкретной деятельности консалтинговые компании и производственные организации. Эти специалисты должны привлекаться не только для разработки, но и проведения учебных программ.

Несомненно, что ряд задач может и должен быть решён при тесном международном сотрудничестве, в первую очередь — в рамках консорциума Университета Арктики[5].

Пришло ли время для разработки и запуска специальной межведомственной арктической госпрограммы целевой подготовки кадров для ведущих отраслей экономики, ЖКХ, социальной сферы городов и поселений АЗРФ, — этот вопрос пока в условиях кризиса остаётся, по моему мнению, открытым. Но, несомненно, что подготовка грамотных, компетентных специалистов для Арктики и Севера России требует существенных инвестиций, государственной поддержки, развития государственно-частного партнёрства. Актуально сохранение филиальной сети ведущих университетов в районах Крайнего Севера; разработка государственной программы социальной поддержки молодых научно-педагогических кадров в АЗРФ; развитие финансовой поддержки Арктических экспедиций; создание сети полевых научно-образовательных стационаров вузов и НИИ на островах Северного Ледовитого океана, реализация других инициатив и проектных предложений.

По вопросу сохранения уникальных экосистем Арктики участники конференции проанализировали влияние глобальных изменений климата на хрупкую природную среду Арктики. Выступления директора департамента международного сотрудничества Минприроды России Н.Р. Инамова, Советника Президента Российской Федерации А.И. Бедрицкого, руководителя Международного Баренц-Секретариата Т. Халберга (Швеция), Посла КНР в России Ли Хуэй, проректора Корейского морского института Чинсу Лим (Республика Корея), председателя Архангельского научного центра УрО РАН В.И. Павленко и других по этой теме сводились к главной мысли, что Арктика — один из наиболее уязвимых к изменению климата регионов Земли.

Заместитель председателя Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии Госдумы М.В. Слипечук, выступая с докладом в рамках обсуждения международного сотрудничества в сфере сохранения экосистем и защиты природной среды Арктики, говорил о необходимости создания Центра по ликвидации накопленного ущерба в Арктике, а так-

же о перспективах создания Международного государственно-частного консорциума по развитию Северного морского пути [6].

Влияние Арктики на изменения климата изучают не только в приарктических странах, но и в Индии, Китае. Выступающие были единодушны в том, что сегодня необходимо продолжить исследования последствий индустриального освоения Арктики, его влияния на общество и на окружающую среду.

Третьим вопросом повестки дня конференции обсуждались проблемы устойчивого социального развития коренных малочисленных народов Севера. С докладом на тему «Сохранение традиционного образа жизни и устойчивого развития коренного населения арктических территорий — основа стабильности в Арктике» выступил статс-секретарь — заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей П.В. Семенов.

Ключевыми направлениями государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, по мнению П.В. Семенова, остаются: 1) сохранение традиционного образа жизни; 2) повышение доступности образовательных услуг; 3) модернизация системы здравоохранения и медицины; 4) содействие повышению занятости; 5) развитие институтов гражданского общества. Он же выделил несколько основных направлений федеральной поддержки.

Основные направления федеральной поддержки

- Создание условий для устойчивого развития экономики традиционных отраслей хозяйствования
- Развитие сферы образования, культуры и медицинского обслуживания
- Развитие и модернизация инфраструктуры и информационно-коммуникационных ресурсов

В обсуждении проблем развития коренных народов Севера приняли участие губернатор Ненецкого автономного округа И.В. Кошин, первый заместитель Председателя Правительства Республики Саха (Якутия) П.Н. Алексеев, Президент Ассоциации коренных малочис-

ленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Г.П. Ледков, директор Арктического центра Университета Умео П. Шёльд (Швеция) и др.

Реализация масштабных технологических проектов в Арктике, в том числе и нефтегазовых, безусловно, приносит свои выгоды для местного населения, например, связанные с увеличением числа рабочих мест и совершенствованием инфраструктуры и коммунального хозяйства. Однако многие коренные народы Арктики продолжают полагаться на традиционные способы хозяйствования, что ставит их в полную зависимость от арктической экосистемы в вопросах питания, проживания и сохранения самобытности их культуры. Поэтому задача, стоящая перед всеми арктическими государствами, заключается в поиске путей развития арктического региона и одновременного обеспечения защиты окружающей среды, сохранения культуры и укладов местного населения.

Многие участники международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубежной научной общественности были единодушны в том, что всем арктическим государствам необходимо продолжить социальную поддержку коренных малочисленных народов Севера [1]. Вместе с тем, намечается пока ещё очень слабо выраженный тренд на модернизацию этнической политики в отношении коренных северных народов. Сохранение традиционных культуры, образа жизни, отраслей хозяйствования КМНС необходимо вести в тесной связи с применением самых современных технологий, используя уже накопленный в автономных округах, субъектах АЗРФ опыт, лучшие практики.

Литература

1. Патрушев Н. Итоги международной конференции «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики». 17.09.2015. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/952.html> (дата обращения: 21.09.2015).
2. Приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина участникам и гостям международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, стран-наблюдателей и зарубежной научной общественности. 16.09.2015. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/22/950.html> (дата обращения: 21.09.2015).
3. Менгазетдинова А. Наталья Чичерина: Перед системой подготовки кадров для арктического региона стоят серьезные задачи. URL: <http://www.narfu.ru/life/news/university/224231/> (дата обращения: 19.09.2015).
4. Барашков В., Рыкусов В. Ларс Куллеруд: Интеллект — ресурс будущего Арктики. URL: <http://narfu.ru/life/news/university/224349/> (дата обращения: 19.09.2015).
5. Григорьев М.Н. Кадровые ресурсы для нефтегазовой отрасли Арктики. URL: http://narfu.ru/aan/Encyclopedia_Arctic/5th_meeting.pdf (дата обращения: 21.10.2015).

6. М.В. Слипенчук выступил на Международной научной конференции по актуальным проблемам Арктики в Архангельске. URL: http://www.mvslipenchuk.ru/news/article.wbp?article_id=71e01b12-f90b-4e66-8af3-6d3d380dc46b (дата обращения: 24.09.2015).

References

1. Patrushev N. Itogi mezhdunarodnoj konferencii «Obespechenie bezopasnosti i us-tojchivogo razvitiya Arkticheskogo regiona, sohranenie ekosistem i tradicionnogo obraza zhizni korenного naseleniya Arktiki». 17.09.2015. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/952.html> (Accessed: 21.09.2015).
2. Privetstvie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina uchastnikam i gostyam mezhdunarodnoj vstrechi predstavitelej gosudarstv-chlenov Arkticheskogo soveta, stran-nablyudatelej i zarubezhnoj nauchnoj obshhestvennosti. 16.09.2015. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/22/950.html> (Accessed: 21.09.2015).
3. Chicherina N. Pered sistemoy podgotovki kadrov dlya arkticheskogo regiona stoyat sereznye zadachi /Mengazetdinova A. URL: <http://www.narfu.ru/life/news/university/224231/> (Accessed: 19.09.2015).
4. Barashkov V., Rykusov V. Kullerud L. Intellekt — resurs budushhego Arktiki. URL: <http://narfu.ru/life/news/university/224349/> (Accessed: 19.09.2015).
5. Grigorev M.N. Kadrovye resursy dlya neftegazovoj otrasli Arktiki. URL: http://narfu.ru/aan/Encyclopedia_Arctic/5th_meeting.pdf (Accessed: 21.10.2015).
6. M.V. Slipenchuk vystupil na Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po aktualnym problemam Arktiki v Arxangelske. URL: http://www.mvslipenchuk.ru/news/article.wbp?article_id=71e01b12-f90b-4e66-8af3-6d3d380dc46b (Accessed: 24.09.2015).

УДК 332.14

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.198

Зелёная экономика: экологические императивы обеспечения экономического развития Арктической зоны РФ

© **Шепелев** Евгений Александрович, редактор журнала «Арктика и Север», САФУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Аннотация. Краткий обзор докладов и обсуждений, прозвучавших в ходе 2-го заседания Арктического экспертного клуба 23 октября 2015 года. Заседание было посвящено проблемам защиты окружающей среды в Арктике в условиях нарастания там экономической деятельности.

Ключевые слова: Арктика, экология, зелёная экономика, АЗРФ.

Green economics: environmental imperatives of providing economic development of the Arctic zone of the RF

© **Evgeny Shepelev**, Editor of "Arctic and North" journal, NArFU named after M.V. Lomonosov. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Abstract. A short review of reports and discussions during the 2nd meeting of the Arctic expert club on October 23, 2015. The meeting was dedicated to the issues of environmental protection in the Arctic in conditions of growing economic activity.

Keywords: Arctic, ecology, green economics, AZRF

23 октября 2015 года на базе Института региональных исследований и городского планирования НИУ ВШЭ (г. Москва) состоялось 2-е заседание Арктического экспертного клуба, которое было посвящено вопросам защиты окружающей среды в условиях экономического развития Российской Арктики. В подготовке встречи, кроме ИРИИГП НИУ ВШЭ, приняли участие Арктический центр стратегических исследований САФУ, Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития РФ и РАН (СОПС), Арктический информационно-аналитический центр РИСИ.

На заседании прозвучало восемь докладов, с которыми участники, находившиеся в двух городах (Москве и Архангельске), могли ознакомиться посредством видеосвязи. Были затронуты такие темы, как экологические вызовы, стоящие перед Арктикой в XXI веке: угрозы и перспективы будущему развитию; проблемы устойчивого развития; накопленный экологический ущерб в Российской Арктике и проблемы утилизации отходов; международное сотрудничество для защиты окружающей среды и другие.

Данные вопросы имеют большое практическое значение, так как экосистемы Арктики являются достаточно неустойчивыми и уязвимыми для антропогенного воздействия, которое будет лишь возрастать в связи с планируемой деятельностью на Севере (развитие Северного морского пути, добыча полезных ископаемых, усиление военного присутствия).

В начале заседания к участникам с приветственным словом обратилась директор ИРИиГП НИУ ВШЭ И.Н. Ильина, объяснившая выбор темы заседания и сообщившая, что вопрос сохранения окружающей среды является одним из наиболее актуальных при освоении Арктики. В.М. Захаров, д.б.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор Института устойчивого развития Общественной палаты РФ, рассказал о понятии устойчивого развития, истории его возникновения, возможностях альтернативной энергетики. Он предположил, что в сфере использования возобновляемых источников энергии и инновационных технологий Арктика могла бы стать пионерским регионом.

В.В. Куртеев, ведущий сотрудник ФГБНИУ «Совет по изучению производительных сил», в докладе о проблемах обеспечения экологической безопасности сообщил о текущем (крайне неудовлетворительном) состоянии систем мониторинга в Арктике, перевалочных портов в восточной части Российской Арктики, предложил чаще обращаться к международному опыту в сфере защиты окружающей среды.

В докладе Л.Н. Драчковой, к.г.н., доцента кафедры географии и гидрометеорологии ИЕНТ САФУ, отмечалось, что необходимо наладить комплексное природопользование с использованием новейших экологически чистых, малоотходных технологий, сохранить хрупкую экосистему Арктики и при её вторичном освоении. Хранение, удаление и вывоз отходов из районов нового освоения АЗРФ, а также их переработка и сокращение источников должны являться одним из основных факторов, принимаемых во внимание при планировании и осуществлении любого вида деятельности в Российской Арктике.

Д.Н. Лыжин, начальник сектора биоэкономики и устойчивого развития Центра экономических исследований РИСИ, сообщил о международной деятельности в сфере защиты окружающей среды в Арктике, в том числе о международных нормативно-правовых актах, посвящённых этому. Несмотря на значительный прогресс в этом направлении в последние годы, надо признать, что региональный правовой режим охраны окружающей среды Арктики к настоящему времени не сформировался.

В.М. Разумовский, вице-президент Русского географического общества, рассказал о таком достаточно новом направлении регионалистики, как пространственное планирование морских акваторий и побережий. Он выделил основные принципы экологически устойчиво-

го хозяйственного использования морских акваторий и прибрежных территорий применительно к Российской Арктике.

Доклад А.Н. Ольшевского, руководителя ФГКУ «Администрация Севморпути», был посвящён законодательству, регулиющему торговое мореплавание в акватории Северного морского пути. Основной акцент был сделан на экологические требования, в частности, борьбе с разливами нефтепродуктов.

С.П. Горшков, д.г.н., профессор кафедры экологии и наук о Земле Государственного университета «Дубна», рассказал о значении Российской Арктики для биосферы, а также об источниках загрязнения в регионе.

После мероприятия состоялся обмен мнениями по затронутым вопросам. Так, были обсуждены перспективы развития туризма в Арктике. С одной стороны, по словам В.В. Куртеева, туризм затруднён отсутствием инфраструктуры, которая необходима для этой сферы деятельности (транспорт, жильё, сервис). С другой стороны, как отметил директор Арктического центра стратегических исследований САФУ К.С. Зайков, на данный момент идут переговоры с военными, чтобы те позволили использовать аэродром на Земле Александры (архипелаг Земля Франца-Иосифа) в целях туризма. В обсуждениях затронуты были также финансовые аспекты освоения Арктики в современных условиях.

В управлении на федеральном и региональном уровнях, политике государства, экономической деятельности очень актуальным является выбор направлений развития Российской Арктики между активным экономическим освоением и снижением воздействия на природные экосистемы. Поэтому перспективные стратегии развития арктического региона, проблемы инвестирования зеленой экономики несомненно остаются актуальными. По итогам встречи будет подготовлена аналитическая брошюра на двух языках.

Подробнее о прошедшем заседании Арктического экспертного клуба можно прочитать по ссылке: <http://irsup.hse.ru/announcements/160250944.html>, где можно ознакомиться с тезисами докладов и позицией оппонентов.

Следующая встреча в рамках Арктического экспертного клуба запланирована на 27 ноября 2015 года. Её темой станут межнациональные отношения и миграционные процессы в Арктической зоне Российской Федерации.

Summary

Авторы, аннотации, ключевые слова

Authors, abstracts, keywords

Экономика северных социумов и политика/

Economics and Political Science

Журавель В.П. Что привнесут в своё председательство в Арктическом совете Соединённые Штаты Америки

Valeriy P. Zhuravel. What the USA will bring to its chairmanship of the Arctic Council

Аннотация. Анализируются итоги деятельности Канады в период председательства в Арктическом совете (2013—2015), Икалуитская декларация 24 апреля 2015 года. США намерены использовать своё председательство в АС (2015—2017) в первую очередь для решения собственных внутренних арктических проблем. Программа председательства США в АС фокусируется на улучшение экономической ситуации и условий жизни в арктических общинах; обеспечение сохранности и безопасности в Северном Ледовитом океане и рациональное управление его ресурсами; решение проблемы последствий изменения климата. В решении этих вопросов Соединённые Штаты надеются на конструктивное сотрудничество с Россией.

Ключевые слова: Арктический совет, председательство, Канада, Икалуитская декларация, программа и политика США, санкции, позиция России

Abstract. The results of Canada's chairmanship of the Arctic Council (2013-2015) and the Iqaluit declaration signed on the 24th of April 2015 are analyzed in the present article. The author is convinced that the United States intend to use their Arctic Council chairmanship (2015—2017) to solve the US internal problems related to the Arctic areas. The program for the US Chairmanship has three focus areas: improving the economic and living conditions of the Arctic communities; Arctic Ocean safety, security and stewardship and the impacts of the climate change. The United States hope for constructive cooperation with Russia aimed at solving these problems.

Keywords: Arctic Council, chairmanship, Canada, Iqaluit declaration, program and policy of the US, sanctions, Russia's position

Котлова Е.С. Лавирование среди айсбергов: модели этнической политики Норвегии

Ekaterina S. Kotlova. Maneuvering between icebergs: ethnic policy models in Norway

Аннотация. Долгие годы Норвегия считается одной из стран мира, удачно реализующих свою этнокультурную политику в отношении коренного населения и мигрантских групп. В этой связи норвежский опыт представляет интерес для России, её северных и арктических регионов. Настоящая статья посвящена современному состоянию модели этнокультурной политики Норвегии на севере, которая, по мнению автора, основана на концепции мультикультурализма, видоизмененной под влиянием интенсификации современных миграционных процессов и возможности радикализации отдельных социальных групп и

Abstract. Norway is considered one of the countries with a successful ethnic policy towards both indigenous people and migrant groups. The article is devoted to the analysis of the modern ethnic policy model in Norway. Norwegian experience in moderating ethnic interaction seems to be interesting for Russia and its northern and Arctic areas. The author is convinced that modern Norwegian ethnic policy grounded on multiculturalism is in transition towards so-called "diversity model". Such a transition is caused by the intensification of migration and a threat of radicalization of particular social groups and ideologies.

идеологий и трансформируется в модель культурного многообразия.

Ключевые слова: модели этнической политики, мультикультурализм, культурное многообразие, коренные народы, мигранты

Липина С.А., Зайков К.С. Приоритетные направления и возможности сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона

Svetlana A. Lipina, Konstantin S. Zaykov. Priorities and opportunities of cooperation between Russia and the Asian-Pacific states

Аннотация. Потенциальная роль, значение и имеющиеся возможности Арктики и Севера России, Сибири, Дальнего Востока для осуществления интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) безусловно возрастают. Возникает потребность в определении приоритетных направлений пространственного развития северо-восточных регионов нашей страны. Актуально улучшение их транспортной доступности и существующей инфраструктуры, эффективное использование сырьевых и энергетических ресурсов, инвестиционная привлекательность регионов, что в перспективе повысит конкурентоспособность всей экономики России для развития взаимовыгодной международной торговли в АТР

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, интеграция, Арктика и Север России, Сибирь, Дальний Восток, инфраструктура, Северный морской путь, Транс-Тихоокеанское партнерство

Паникар М.М., Васева О.А. Специфика миграционных процессов на севере Европы (на примере Королевства Дания)

Marina M. Panikar, Olga A. Vaseva. Specifics of the migratory processes in the north of Europe (case of the Kingdom of Denmark)

Аннотация. Миграционные процессы и политики стран Северной Европы исследуются на примере Королевства Дания. Степень изученности темы достаточно велика, но ранее указанный регион не рассматривался исследователями как носитель особой миграционной модели. Она характеризуется относительно низкой долей мигрантов из не европейских стран, строгим миграционным законодательством и политикой ограничения миграционных потоков в страну. Изучение опыта

Acknowledgements: Hjertelig takk til Signe og Bjørn for herlig selskapet og den fantastiske og inspirerende utsikten fra stuen.

Keywords: ethnic policy models, multiculturalism, cultural diversity, indigenous people, migrants

Abstract. Potential role and significance of the Arctic and North of Russia, Siberia and Far East for integration in the Asian-Pacific region (APR) are undoubtedly increasing. A need for defining the priorities of the North-East areas of our country emerges. Development of the infrastructure, resource use effectiveness and attractiveness for investors is a significant issue that contributes to the competitive abilities of the Russian economy and mutually beneficial international trade in the APR

Keywords: Asian-Pacific region, integration, the Arctic and North of Russia, Siberia, Far East, infrastructure, Northern Sea Route, Trans-Pacific partnership

Abstract. Migration processes and policies of the northern European countries are studied with the focus on the Kingdom of Denmark. The area of the study got a sufficient attention, but the Denmark has not been considered as a carrier of a specific migration model. The model is characterized by relatively low share of migrants from non-European countries, strict immigration laws and policy of limiting the migration. Studying the case of Denmark, it is

Дании актуально для исследования влияния миграционных процессов на этнокультурную и экономическую ситуацию в странах Арктики, в том числе и в России, в тех её регионах, которые имеют разветвленную сеть транснациональных и трансграничных коммуникаций. Используются методы сравнительного анализа и синтеза, математические и статистические.

Ключевые слова: миграционные процессы, модель, миграционная политика, северная Европа, Королевство Дания

important to examine the effect the migration has on the ethno-cultural and economic situation in the Arctic countries, including Russia and its areas with an extensive transnational and cross-border communication.

Keywords: migratory processes, model, migratory politics, Northern Europe, the Kingdom of Denmark

Потоня А.И. Последствия использования сжиженного природного газа для осуществления морских перевозок в Арктике

Aleksei I. Patonia. Implications of the use of liquefied natural gas for marine transportation in the Arctic

Аннотация. Переход от использования бункерного топлива на сжиженный природный газ (СПГ) при осуществлении арктических морских перевозок имеет различные многообразные последствия. Применяя теорию ниш и эффективного режима, а также экологическую кривую С. Кузнецца, автор демонстрирует типы экономических и политических взаимоотношений арктических государств после их перехода на использование СПГ. Норвегия, Канада и США представлены, как страны, наиболее выигрывающие в этой ситуации. Кроме того, переход на СПГ в значительной степени улучшает экологическую обстановку, снижает объёмы чёрного углерода (сажи), что в свою очередь приводит к увеличению альбедо. Основываясь на теории жизненного цикла, автор также рассматривает существующие правовые нормы, регламентирующие переход на СПГ, и моделирует возможные сценарии развития.

Ключевые слова: сжиженный природный газ, экологическая кривая С. Кузнецца, арктическая амплификация, альбедо, чёрный углерод, благоприятная взаимозависимость, UNCLOS, Норвегия, США

Abstract. The transition from the use of bunker fuel to the use of liquefied natural gas (LNG) for the Arctic marine transportation has various consequences. The author is interested to present the issue in the political, economic, environmental, marine legal perspectives. Implementing the regime efficiency and niche selection approach as well as the Environmental Kuznets Curve the paper demonstrates potential benign interdependence of the Arctic countries after they have transferred their vessels to LNG. In such circumstances, Norway, Canada and the US are shown as the most benefiting nations. The second part of the article is devoted to the significant environmental improvement after the transition with a particular attention to the dramatic decrease of black carbon (soot) which leads to increase of albedo. Finally, the paper examines the existing legal provisions regulating the transition to LNG and modulates a further development scenario based on the theory of the lifecycle of a norm.

Keywords: liquefied natural gas, Environmental Kuznets Curve, arctic amplification, albedo, black carbon, benign interdependence, UNCLOS, Norway, the USA

Сушко О.П., Телегин Н.Б. Новый экономический кризис: региональная проекция

Olga P. Sushko, Nikolai B. Telegin. A new economic crisis: a regional projection

Аннотация. Экономическое положение в России под влиянием многочисленных фак-

Abstract. The economic situation in Russia continues to worsen because of multiple factors.

торов продолжает усугубляться. Анализ экономического состояния Архангельской области за период с 1999 по 2015 гг. показывает более раннее проявление негативных явлений экономического спада. В настоящее время более остро кризис проявляется в снижении инвестиций, повышении безработицы, колебании цен на некоторую отраслевую продукцию. Прогноз до конца 2015 года и на 2016 год не вселяет оптимизма.

Ключевые слова: экономика, кризис, Архангельская область, обрабатывающие отрасли, цены, динамика торговли, инвестиции

Analysis of the economic situation of the Arkhangelsk region 1999—2015 reveals an earlier manifestation of the negative effects of the economic recession. Currently, the crisis is manifesting itself in the reduction of investment, increase in unemployment rates, fluctuations of prices for some industrial products. Also the forecast for the end of the year 2015 and for 2016 is not encouraging.

Keywords: Economy, crisis, Arkhangelsk region, the processing industry, prices, the dynamics of trade, investments

Хейнинен Ласси. Арктика как пространство для междисциплинарности, устойчивого развития и мира

Lassi Heininen. The Arctic Region as a Space for Trans-disciplinary, Resilience and Peace

Аннотация. В основу статьи положен доклад профессора Ласси Хейнинена на международной конференции «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики», которая прошла в рамках V международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубежной научной общественности 15—16 сентября 2015 года в городе Архангельске. В период после холодной войны успешно был осуществлён переход от военного противостояния к политической стабильности и растущему международному сотрудничеству. Новые обстоятельства и неопределённость могут поставить под угрозу существующую стабильность. Lassi Heininen считает, что ни один из нас не хотел бы открыть новый фронт в Арктике — мы достаточно испытали и достаточно мудры для того, чтобы не делать этого.

Ключевые слова: Арктика, мир, конфликты, стабильность, угрозы, «Арктический парадокс», отсутствие открытого противостояния, возможности

Abstract. The article is based on report of Professor Lassi Heininen at the international conference "Ensuring security and sustainable development of the Arctic region, the preservation of eco-systems and traditional lifestyles of indigenous peoples of the Arctic", which was held in the framework of the V International meeting of representatives of the Member States of the Arctic Council, observer States and foreign scientific public on 15—16 September 2015 in the city of Arkhangelsk. During the period in after the Cold War has been carried out successfully transition from military confrontation to the Political stability and increasing international cooperation. New circumtion and uncertainty may jeopardize the stability of the existing. Lassi Heininen believes that none of us would like to open a new front in the Arctic — we are experienced and wise enough not to do so.

Keywords: Arctic, peace, conflict, security, threat, "Arctic paradox", the absence of open conflict, the possibilities

Храмчихин А.А. Значение Арктики для национальной безопасности России, Китай может стать арктической державой

Alexander A. Khranchikhin. The value of the Arctic for Russia's national security, China may become the Arctic Power

Аннотация. Рассмотрено значение Арктики для национальной безопасности РФ в стратегическом и собственно арктическом аспектах. На данный момент военно-политическая обстановка в Арктике опасной для России в целом не является. Исследуются последствия сокращения ледового покрова, что позволит заходить в арктическую акваторию надводным боевым кораблям ВМС США — авианосцам, а также крейсерам и эсминцам с системой «Иджис». Анализируются возможные сценарии конфликтов, а также развитие геополитической ситуации в арктическом регионе. В будущем КНР может приобрести один из островов Исландии, что автоматически сделает Китай арктической державой.

Ключевые слова: Арктика, ПРО, ПВО, ВМС, Северный флот, Россия, США, Китай

Abstract. The value of the Arctic for Russia's national security and strategic aspects of the Arctic itself are considered in the article. At the moment, the military-political situation in the Arctic seems not to be dangerous for Russia. The author investigates the effects of reduced ice cover that allow the US Navy warships — aircraft carriers, cruisers and destroyers, equipped with the “Aegis” system — to enter the Arctic waters. In this article possible scenarios of conflict and prospects of the geopolitical situation in the Arctic are examined. In future, China could purchase one of the islands of Iceland. Such a possession would automatically make China an Arctic Power.

Keywords: Arctic, missile defense, aircraft defense, navy, Northern fleet, Russia, USA, China

Шапаров А.Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы
Aleksander E. Shaparov. Ethnic policy of Russia in the Arctic: basic approaches and principles

Аннотация. Необходимость учета региональной специфики при формировании и реализации государственной этнонациональной политики в АЗРФ раскрывается на основе анализа двух противоположных управленческих подходов — экономико-технократического и политико-гуманитарного. Коренные народы Севера рассматриваются как объект и субъект государственной этнонациональной политики России. Анализируются две проблемы: создание условий для сохранения и развития народов, традиционно проживающих в регионе, содействия их культурному многообразию, повышению уровня жизни; интеграция в общество внутренних и внешних мигрантов. Отмечается, что концептуально оформились три императивных подхода к формированию государственной национальной политики в отношении малочисленных этносов Севера: государственно-патерналистский, либерально-рыночный и неотрадиционалистский. Перспективы взаимодействия государства и коренных народов рассмотрены в контексте надэтнической идентичности — «индигенные народы», то есть «местные», «коренные».

Ключевые слова: Арктика, Север, государство, этносы, национальная политика, коренные народы, индигенность

Abstract. The need to account the regional specific of the ethnic policy making and its practice in the AZRF is grounded on 2 contrary management approaches: economic-technocratic approach and political-humanitarian approach. Indigenous peoples are considered to be the subject and the object of the state ethnic policy of Russia. 2 issues are analyzed: preservation and development of indigenous peoples, historically living in the area; contributions to their cultural diversity; improvement of the living standards; social integration of internal and external migrants. It is noted that there are three imperative approaches to the state policy towards small-numbered ethnic groups of the North: the state-paternalistic, liberal market and neo-traditionalist approaches. Prospects of mutually-interacting state and indigenous peoples discussed in the context of supra-ethnic identity — indigenous peoples, “local” people.

Keywords: Arctic, North, state, ethnos, ethnic integration policy, indigenous people, indigenism

Культура народов Арктики и Севера / Culturology

Лукин Ю.Ф. Этнокультурный ландшафт Российской Арктики: от концептуализации знаний к управлению конфликтами

Yury F. Lukin. Ethno-cultural landscape of the Russian Arctic: from the conceptualization of knowledge to the management of conflicts

Аннотация. Статья нацелена на междисциплинарный анализ концептуальных основ и современной ситуации этнокультурного ландшафта Российской Арктики, выявление проблем управления конфликтным взаимодействием в сфере социально-этнических отношений. Автором разработана технологическая модель перехода от концептуализации знаний к управлению конфликтами. Проанализирована деятельность по проведению Арктического этнологического мониторинга в РФ, предложен авторский перечень из семи предметных направлений по формированию баз данных. Безусловно, что нужно продолжать работу на законодательном уровне по защите прав КМНС. Однако ключевой проблемой становится обеспечение баланса между патернализмом государства по сохранению традиционных культур коренных народов и внедрением современных технологий, ростом инвестиций в накопление человеческого капитала. Актуально обеспечение социальной сплочённости, выделение квот в ведущих отраслях современной экономики для коренных народов Севера. Назрела потребность перехода к зелёной экономике в Арктике, что очень близко традиционной культуре северян, их мировосприятию.

Ключевые слова: Арктика и Север, операциональные определения, моделирование, этнокультурный ландшафт, коренные народы, язык, Арктический этнологический мониторинг, этническая напряжённость, управление конфликтами, зелёная экономика

Abstract. The article focuses on a multidisciplinary analysis of the conceptual framework and the current situation of ethnic and cultural landscape of the Russian Arctic and reveals the problems of management of conflict interaction in social and ethnic relations. The author developed and discussed a technological model in order to move from the conceptualization of knowledge to the conflict management. The author analyzed Arctic ethnological monitoring activities in Russia and proposed a list of seven subject areas to form databases. Undoubtedly, the need to continue this work on the legislative level emerges to protect the rights of indigenous peoples. However, a key challenge is to ensure a balance between paternalism of the state aimed at preserving the indigenous cultures and increasing investment in human capital and the introduction of modern technologies. Social cohesion and the allocation of quotas for indigenous peoples of the North in the leading sectors of the modern economy are relevant for today. A need of transition to green economy in the Arctic, close to the traditional culture of northerners and their worldview is extremely important as well.

Keywords: Arctic and North, operational definitions, modeling, ethnocultural landscape, indigenous people, language, Arctic ethnological monitoring, ethnic tensions, conflict management, green economics

Михайлова Г.В. Основы жизни ненцев арктического острова Колгуев

Galina V. Mikhailova. The foundations of life of Nenets people on the arctic island of Kolguev

Аннотация. На основе результатов этносоциологических полевых исследований на о. Колгуеве (Баренцево море), проведенных опросов ненецкого населения в 2006, 2007, 2014 годы и фокус-групп рассмотрены основы социально-экономической жизни коренных жителей арктического острова. Выявлена обес-

Abstract. The social and economic foundations of indigenous people's life on the Kolguev Island (Barents Sea) are presented in the article in terms of the ethno-sociological field work results, surveys and "focus-groups" research of Nenets people done in the years 2006, 2007 and 2014. The anxieties of people caused by the

покоенность населения сокращением поголовья оленей, изменением природной среды, поскольку это угрожает традиционной жизнедеятельности, негативно влияет на качество жизни людей. Характеризуя трансформацию природной среды, коренные жители о. Колгуева отмечают происходящие природно-климатические аномалии, а также изменение растительности, численности и местообитаний животных и птиц, повышение значимости проблемы замусоривания островной территории.

Ключевые слова: Арктика, остров Колгуев, ненцы, жизнедеятельность, изменение природной среды, общественное мнение, этносоциологические исследования

reducing of reindeer herd, changes of the environment that damaged the traditional way of life and economy and negatively influenced the quality of life of indigenous population were identified. Speaking about the transformations of the local environment, the indigenous people of the Kolguev Island mentioned natural and climatic anomalies, changes of plants and populations of birds and animal as well as the increasing pollution of the Island.

Keywords: Arctic, Kolguev, Island, Nenets, life activity, changes in the natural environment, public opinion, ethno-sociological research

Соколова Ф.Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике

Flera H. Sokolova. Ethnic and demographic processes in the Russian Arctic

Аннотация. Динамика численности населения АЗРФ и этнонациональной структуры анализируется на материалах всесоюзных и всероссийских переписей. Фиксируется ряд выявленных тенденций: отрицательная демографическая динамика и миграционный отток населения, особенно из тех регионов, роль которых в обеспечении валютными резервами за счёт добычи полезных ископаемых существенно сократилась. В Европейской части Российской Арктики наблюдается тенденция к моноэтнизации территорий, где остаётся преимущественно старопоселенческое население (коренные народы и коренные малочисленные народы). В экономически привлекательных регионах наблюдается пока не столь явственно приток представителей среднеазиатских и закавказских народов, выходцев из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Увеличение численности КМНС является залогом сохранения и развития культуры данных этносов, но, с другой стороны, таит в себе и потенциальные угрозы, в том числе противоречия между потребностью индустриального освоения Арктики и необходимостью сохранения уклада жизни коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: Российская Арктика, этнические и демографические процессы, этнонациональная структура, коренные народы

Abstract. The population dynamics and ethno-national structure of the Russian Arctic are analyzed and presented in the materials of Soviet and Russian census. A number of trends has been identified: negative demographic dynamics and outflow of population, especially in those regions, where the provision of foreign exchange reserves due to mining operations has decreased significantly. The European part of the Russian Arctic tends to be a monoethnic area where the population is predominantly old-settled (indigenous people and small-numbered indigenous people). In economically attractive regions there is a fixed increase in the number of representatives from Central Asia Caucasus and the Asian-Pacific region. The increase in the number of indigenous small-numbered people is the key to preserving and developing the culture of these ethnic groups, but on the other hand it has a potential threat, including the contradictions between the need for industrial development of the Arctic and the need to preserve the indigenous way of life.

Keywords: Russian Arctic, ethnic and demographic processes, ethno-national structure, indigenous peoples

Трошина Т.И., Минчук О.В. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера в историко-правовом измерении (на примере «архангельских» ненцев)

Tatyana I. Troshina, Oleg V. Minchuk. Establishment of the state policy towards indigenous peoples of the North and its historical and legal dimensions (case of "Arkhangelsk Nenets")

Аннотация. Анализируются модели государственной политики, направленной на включение европейских ненцев в общегосударственное правовое пространство. Привлечение большого количества опубликованных свидетельств чиновников и путешественников, а также архивных документов иллюстрирует как положительные, так и неуспешные последствия реализации этой политики, которая имела схожие формы в имперский, раннесоветский, советский и постсоветский период. Ставится проблема культурной устойчивости ненецкого этноса, выработавшего механизмы противодействия внутренним и внешним разрушающим этническое единство силам.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, европейские ненцы, государственное законодательство, этнополитика, патернализм, либерализм, культурная устойчивость, этнические стереотипы

Abstract. The model of public policies aimed at the inclusion of European Nenets in the national legal space is analyzed. A large amount of published evidences of officials and travelers, as well as the archive materials show both positive and unsuccessful consequences of this policy, similar to the imperial, early Soviet, Soviet and post-Soviet ones. The issue of cultural sustainability of the Nenets ethnos that has developed mechanisms to counter internal and external forces destructive for their ethnic unity is discussed.

Keywords: indigenous peoples of the North, European Nenets, legislation, ethnic policy, paternalism, liberalism, cultural sustainability, ethnic stereotypes

Обзоры. Reviews

Лукин Ю.Ф. Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики

Yury F. Lukin. Providing security and sustainable development of the Arctic Region, conservation of ecosystems and traditional lifestyles of indigenous peoples of the Arctic

Аннотация. Обзор материалов конференции «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики», прошедшей в рамках V международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубежной научной общественности 15—16 сентября 2015 года в городе Архангельске.

Ключевые слова: Арктический регион, безопасность, устойчивое развитие, конфликты, стабильность, экология, коренное население Арктики

Abstract. Review of the conference materials "Safety and Sustainable Development of the Arctic Region, the conservation of ecosystems and traditional lifestyles of indigenous peoples of the Arctic" held within the framework of the 5th International meeting of the Arctic Council member states, observer states and international scientific community on the 15th—16th of September 2015 in the town of Arkhangelsk.

Keywords: The Arctic region, security, sustainable development, conflict, stability, environment, indigenous people of the Arctic

Шепелев Е. А. Зелёная экономика: экологические императивы обеспечения экономического развития Арктической зоны РФ

Evgeny A. Shepelev. Green economics: environmental imperatives of providing economic development of the Arctic zone of the RF

Аннотация. Краткий обзор докладов и обсуждений, прозвучавших в ходе 2-го заседания Арктического экспертного клуба 23 октября 2015 года. Заседание было посвящено проблемам защиты окружающей среды в Арктике в условиях нарастания там экономической деятельности.

Ключевые слова: Арктика, экология, зелёная экономика, АЗРФ

Abstract. A short review of reports and discussions during the 2nd meeting of the Arctic expert club on October 23, 2015. The meeting was dedicated to the issues of environmental protection in the Arctic in conditions of growing economic activity.

Keywords: Arctic, ecology, green economics, AZRF

**Редакционный совет журнала «Арктика и Север» /
Editorial Board of “Arctic and North” journal**

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический Университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukachev (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический Университет Норвегии.
9. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
10. Дрегало Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления САФУ им. М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
11. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований САФУ им. М.В. Ломоносова.
12. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург). Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
13. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).

14. Лукин Юрий Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Арктика и Север» САФУ им. М.В. Ломоносова. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Неёлов Юрий Васильевич, доктор технических наук, почётный профессор Тюменского государственного нефтегазового университета. Действительный член Академии экономики, финансов и права. Член Совета Федерации Федерального Собрания РФ (Москва). Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.
16. Селин Владимир Степанович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты). Заслуженный экономист России.
17. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения и международных отношений САФУ им. М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
18. Тоскунина Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», профессор САФУ им. М.В. Ломоносова.
19. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления САФУ им. М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
20. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт» (Санкт-Петербург).
21. Харлампьева Надежда Климовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского университета (Санкт-Петербург).

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»
12 октября 2015 года

Выходные данные / Output data**АРКТИКА и СЕВЕР**

DOI 10.17238/issn2221-2698.2015.21

Главный редактор — Лукин Юрий Фёдорович. E-mail: lukin.yury@mail.ru

Редактор — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Художественный редактор (английский язык) — Котлова Екатерина Сергеевна.
E-mail: ekaterina.kotlova@yahoo.com

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес редакции: Россия, 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, д. 8

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север», Лукину Ю.Ф.

Электронный адрес редакции: arcticandnorth@yandex.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте: <http://narfu.ru/aan> — 21.11.2015

ARCTIC and NORTH

DOI 10.17238/issn2221-2698.2015.21

Editor-in-chief — Lukin Y. F. E-mail: lukin.yury@mail.ru

Editor — Shepelev E. A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: ekaterina.kotlova@yahoo.com

Placement on the webpage by E.A. Shepelev

Registration certificate EI № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address of the editorial office: 8, Novgorodsky Avenue, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: to Y.F. Lukin, “Arctic and North” journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: arcticandnorth@yandex.ru

Signed for placement on the webpage: <http://narfu.ru/aan> on 21.11.2015